

СТИВЕН КИНГ

ПИТЕР СТРАУБ

Черный дом

Annotation

«Черный дом» – уникальный роман в творчестве Стивена Кинга.

Это – продолжение любимого миллионами фанатов во всем мире «Талисмана» и в то же время – связующее звено между «Талисманом» и opus magnum Кинга, циклом «Темная Башня».

И еще – это редкий пример сотрудничества Кинга с другим писателем...

Серия чудовищных убийств потрясла городок Френч-Лэндинг. Начальник местной полиции просит Джека Сойера, детектива в отставке, помочь в расследовании этого дела.

Кто совершил ужасные преступления? Имитатор, подражающий известному серийному убийце? Или на тихий город обрушились неведомые темные силы? Чтобы найти ответ, Джеку Сойеру предстоит воскресить свое прошлое и вновь отправиться в путешествие в Долины...

- [Стивен Кинг, Питер Страуб](#)

-

-

- [Часть первая](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Часть вторая](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
-

Стивен Кинг, Питер Страуб

Черный дом

Stephen King and Peter Straub
BLACK HOUSE

Печатается с разрешения автора, E Seafront Corporation
и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King and Peter Straub, 2001

© Перевод. В. Вебер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

*Посвящается Дейвиду Гернету и Ральфу
Вичинанце*

*Корона золотых кудрей венчает милый
лик,
Твой поцелуй – закрыть глаза – как сладок
этот миг,
Шагать я смело за тобой готов, забыв
себя,
Царица сердца моего, прекрасней нет
тебя.*

«Канзасцы»

Место и время действия: здесь и сейчас

Часть первая

Добро пожаловать в округ Каули

Глава 1

Здесь и сейчас, как любил говаривать один мой давний приятель, мы пребываем в струящемся настоящем, где обладание даром предвидения отнюдь не гарантирует идеальной видимости. Здесь: примерно в двухстах футах над землей, там, где только орлам и парить, над крайним западом штата Висконсин, где изменчивое русло реки Миссисипи образует его естественную границу. Сейчас: раннее утро пятницы где-то в середине июля, несколько лет от начала нового века и тысячелетия. Неисповедимые пути будущего столь сокрыты от нас, что у слепца, возможно, больше шансов увидеть лежащее впереди. Прямо здесь и сейчас, часом позже шести утра, солнце едва лишь показалось на востоке безоблачного неба, большое, уверенное в себе светло-желтое, плывущее, словно впервые, к будущему, оставляя позади прошлое. Прошлое, которое темнеет, отдаляясь все больше, превращая нас в слепцов.

Внизу солнце касается поверхности реки, золотит легкую рябь. В его свете блестят рельсы железной дороги Берлингтон – Нортен – Санта-Фе, проложенной между берегом реки и задворками ветхих двухэтажных домов, что построены вдоль принадлежащей округу дороги Оо. Дороги, известной больше как Нейлхауз-роуд, самой нижней части славного маленького городка, простирающегося вверх по склону холма на восток. В этот миг жизнь в округе Каули, похоже, затаила дыхание. Недвижный воздух вокруг нас так чист и сладок, что кажется, будто человек может унюхать редиску, которую кто-то вытащит из земли в километре от него.

Двигаясь навстречу солнцу, мы удаляемся от реки, проплываем над сверкающими железнодорожными рельсами, над задними дворами и крышами домов на Нейлхауз-роуд, над рядом мотоциклов «харлей-дэвидсон», опирающихся на откидные подставки. Эти невзрачные дома построили в начале прошлого столетия для литейщиков, штамповщиков и упаковщиков, работавших на фабрике гвоздей Педерсона. Рабочие, они ведь не станут жаловаться на изъяды арендованных домов? Вот и дома строили подешевле (фабрика гвоздей Педерсона, испытывавшая немалые трудности с оборотными средствами

в пятидесятых годах, в 1963-м приказала долго жить). Ждущие своих хозяев «харлеи» наводят на мысль, что рабочих заменили байкерские банды. Свирепая внешность владельцев «харлеев» – растрепанные волосы, густые бороды, пивные животы, сережки в ушах у мужчин, черные кожаные жилеты и куртки и далеко не полный набор зубов – вроде бы подтверждает первоначальное предположение. Но, как и многие предположения, это верно только отчасти.

Нынешних жителей Нейлхауз-роуд, коих подозрительные местные прозвали Громобойной пятеркой вскоре после того, как они поселились у реки, не так-то просто подогнать под какую-либо категорию. У всех – высокооплачиваемая работа в «Пивоваренной компании Кингсленда», расположенной за самой южной окраиной города, к востоку от Миссисипи. Если мы взглянем направо, увидим «самую большую в мире шестибаночную упаковку», резервуары-хранилища, раскрашенные в цвета «Светлого кингслендского». Мужчины, живущие на Нейлхауз-роуд, познакомились в кампусе Урбана-Чампейн Иллинойского университета, где все, кроме одного, готовились защищать дипломы по английской литературе или философии (этот один лежал в хирургическом отделении университетского медицинского центра). Им нравится, что их зовут Громобойной пятеркой. Они словно видят себя героями комикса. Хотя сами они придумали себе другое название: Гегельянская пена. Эти господа образуют любопытную команду, мы еще познакомимся с ними поближе. А пока у нас есть время лишь на то, чтобы заметить написанные от руки постеры, которые висят на фронтонах нескольких домов, на двух уличных столбах и на паре брошенных зданий. На каждом – одна и та же надпись: «РЫБАК, МОЛИСЬ СВОЕМУ ВОНЮЧЕМУ БОГУ, ЧТОБЫ МЫ НЕ ПОЙМАЛИ ТЕБЯ ПЕРВЫМИ! ПОМНИ ЭМИ!»

От Нейлхауз-роуд Чейз-стрит резко поднимается по холму, между скособоченными домами с обшарпанными, некрашеными фронтонами цвета тумана: старый отель «Нельсон», где ночуют несколько обедневших жителей города, таверна, обувной магазин, в пыльной витрине которого красуются рабочие сапоги, изготовленные компанией «Ред Уинг», еще нескольких зданий без вывесок, но одинаково сонных и, похоже, пустующих. На всех этих

сооружениях лежит отпечаток неудачного воскрешения. Вроде бы их вызволили из темных западных земель, но они все равно остались мертвыми. В определенном смысле с ними все так и произошло. Охряная горизонтальная полоса тянется на высоте десяти футов над тротуаром по фасаду отеля «Нельсон», затем опускается ниже и ниже по двум серым фасадам соседних домов. Полоса – уровень воды в наводнении 1965 года, когда Миссисипи, выйдя из берегов, затопила железную дорогу, Нейлхауз-роуд и едва не захлестнула холм, на который поднимается Чейз-стрит.

В той части, что не пострадала от разбушевавшейся реки, Чейз-стрит выравнивается и расширяется, превращаясь в главную улицу лежащего под нами городка – Френч-Лэндинга. Кинотеатр «Эджинкорт», «Гриль-бар», Первый фермерский банк, «Фотостудия» Сэмюэля Штуца (основной заработок – фотографии выпускников школы, свадебных церемоний и детские портреты) и магазины (не жалкое подобие – настоящие) обрамляют широкие тротуары: «Аптечный магазин Бентона», «Высококачественные скобяные товары», «Видео на субботний вечер», «Готовая одежда», «Универмаг Шмитта», торгующие электроникой, журналами и поздравительными открытками, игрушками, спортивной одеждой с эмблемами «Брюэрз», «Туинз», «Пэккерз», «Викингз»^[1] и Висконсинского университета. Через несколько кварталов улица меняет название на Лайлл-роуд, дома, преимущественно деревянные одноэтажные, стоят уже не вплотную друг к другу, а на приличном расстоянии. Располагаются в них, согласно вывескам, страховые компании и туристические агентства. Далее улица превращается в шоссе, которое ведет на восток мимо «С семи до одиннадцати»^[2], «Дома ветеранов зарубежных войн», большого Центра продажи сельскохозяйственной техники, именуемого местными «Гольц». Потом – широкие поля. Если мы, упиваясь чистейшим воздухом, поднимемся еще на сотню футов и посмотрим, что там, за полями, то увидим морены, овраги, поросшие соснами холмы, долины, невидимые с земли, петляющие по ним речки, снова поля и маленькие города. Один из них, Сентралия (всего-то горстка домов!), расположен на пересечении узких шоссе, 35-го и 93-го.

Лежащий под нами Френч-Лэндинг выглядит, будто глубокой ночью его население срочно эвакуировали. Никто не гуляет

по тротуарам, никто не вставит ключ в замок решетки, закрывающей фронтон одного из магазинов на Чейз-стрит. Стоянки перед магазинами тоже пусты, легковушки и пикапы начнут появляться здесь сначала по одному или парой, потом, через час-другой, побольше. Ни единого огонька не светится в окнах коммерческих зданий или жилых домов на прилегающих улицах. Кварталом севернее от Чейз, на Самнер-стрит, стоят четыре однотипных двухэтажных дома из красного кирпича. Если смотреть с запада на восток, первый занимает публичная библиотека Френч-Лэндинга, второй – офисы Патрика Джи Скарды, доктора медицины, местного эскулапа общего профиля, и юридической фирмы «Белл и Холланд», которой заправляют Гарланд Белл и Джулиус Холланд, сыновья основателей, в третьем расположилось похоронное бюро «Хартфилд и сын», уже ставшее филиалом огромной похоронной империи со штаб-квартирой в Сент-Луисе, в четвертом – почтовое отделение Френч-Лэндинга.

Отделенное от них широкой подъездной дорожкой, переходящей в большую автомобильную стоянку, следующее здание расположено на углу Самнер-стрит и Третьей улицы. Оно тоже двухэтажное, из красного кирпича, но более вытянутое, по сравнению с соседями. Во дворе окна второго этажа забраны отродясь не знавшими краски металлическими решетками, из четырех автомобилей на стоянке два – патрульные, с маячками на крышах и буквами ПУФЛ^[3] на бортах. Патрульные машины и решетки на окнах кажутся вроде бы неуместными в сельской глубинке. Ну какие здесь могут быть преступления? Конечно же, ничего серьезного, разве что мелкие кражи в магазинах, вождение в нетрезвом виде да иной раз драка в баре.

Словно в доказательство мирной и размеренной жизни маленького городка, красный мини-вэн с надписью на борту «ЛА РИВЬЕРА ГЕРАЛЬД» медленно ползет по Третьей улице, останавливаясь у почтовых ящиков, чтобы водитель успел сунуть дневную газету, запечатанную в синий пластиковый конверт, в серые металлические цилиндры, на которых те же слова, что и на борту. Когда мини-вэн поворачивает на Самнер-стрит, где ящиков около домов нет, одни щели для почты в дверях, водитель просто бросает пакеты с газетой к входной двери. Синие пакеты остаются у дверей полицейского участка, похоронного бюро, библиотеки, офисного здания. Почтовое отделение газету не получает.

Подумать только, свет горит в окнах первого этажа полицейского участка. Дверь открывается. Из нее выходит высокий, темноволосый молодой человек, в светло-синей форменной рубашке с короткими рукавами и темно-синих брюках, перетянутый кожаным ремнем. Широкий ремень и золотая бляха на груди Бобби Дюлака поблескивают в утреннем свете, и все, что надето на Бобби, включая пистолет калибра 9 мм на бедре, кажется новеньким, с иголки, как и сам Бобби Дюлак. Он наблюдает, как красный мини-вэн сворачивает на Вторую улицу, хмуро смотрит на газету. Подцепив ее носком черного, до блеска начищенного ботинка, нагибается лишь для того, чтобы прочесть заголовок сквозь синий пластик. Фокус не проходит. Все еще хмурясь, Бобби наклоняется ниже и очень осторожно, прямо-таки нежно, подхватывает газету, вроде как его мать подхватила бы котенка, чтобы перенести его куда-нибудь. Держа газету на вытянутой руке, быстро оглядывает Самнер-стрит, усмехается и ретируется за дверь. Поскольку спектакль, устроенный патрульным Дюлаком, разжег наше любопытство, мы, спускаясь все ниже и ниже, следуем за ним.

Серый коридор ведет мимо закрытой двери и доски объявлений, практически пустой, к двум металлическим лестницам. Одна уходит вниз, к маленькой раздевалке, душевым, тире. Вторая – наверх, к комнате для допросов и двум рядам камер, которые в это утро пусты. Откуда-то доносятся звуки радиошоу, пожалуй слишком громкие для столь тихого утра.

Бобби Дюлак открывает дверь и входит (мы – за ним по пятам) в дежурную часть, из которой он только что выходил, чтобы забрать газету. По правую руку выстроился ряд шкафов для документов, за ним – обшарпанный деревянный стол с аккуратной стопкой набитых папок и транзисторным радиоприемником, источником шума. Приемник настроен на волну местной KDCU-AM^[4], рекламный слоган – «Ваш голос в округе Каули», и весельчак ведет «Барсучью хатку»^[5], популярную утреннюю программу. Старина Джордж кричит больно уж громко – должно быть, хочет, чтобы его услышали, даже снизив звук до минимума. Этот парень по натуре очень шумный, таким уж уродился.

Посередине стены, аккуратно напротив нас, закрытая дверь с панелью из темного стекла. На ней белая надпись «ДЕЙЛ ГИЛБЕРТСОН, НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ». Дейл появится через полчаса, а то и позже.

Два металлических стола стоят под прямым углом друг к другу слева от нас, а за тем, что развернут к нам, сидит Том Лунд, светловолосый полицейский примерно того же возраста, что и его напарник, хоть и не выглядит так, словно лишь пять минут назад сошел с конвейера. Смотрит он на пакет, зажатый между двумя пальцами правой руки Бобби Дюлака.

– Ага. Понятно, – говорит Лунд. – Самая свежая информация.

– А ты думал, Громобойная пятерка нанесла нам визит вежливости? Держи. Не хочу читать эту чертову газетенку.

Не удостоив синий пакет и взглядом, Бобби отправляет утренний выпуск «Ла Ривьера геральд» в полет по широкой дуге над десятью футами деревянного пола, а сам бросается направо и занимает позицию перед деревянным столом еще до того, как Том Лунд ловит брошенный ему «мяч». Бобби смотрит на два имени и кое-какие подробности, написанные мелом на длинной грифельной доске, которая висит на стене за столом. Он недоволен, наш Бобби Дюлак, по выражению лица чувствуется, что от злости он готов выпрыгнуть из штанов.

А вот Джордж Рэтбан, толстый и радостный, кричит из студии KDCU: «Дружище, подожди секунду, дай мне записать твои рекомендации! Мы говорим об одной и той же игре? Дружище...»

– Может, Уэнделл образумился и решил дать задний ход, – предполагает Том Лунд.

– Уэнделл, – повторяет Бобби. И кривит ртом, хотя Том видит только его коротко стриженный затылок, и движение губ не находит достойного зрителя.

– Дружище, позволь задать тебе один вопрос, только прошу, ответь честно. Ты действительно видел вчерашнюю игру?

– Я не знал, что Уэнделл – твой большой друг, – цедит Бобби. – Я вообще не знал, что ты бывал так далеко на юге, аж в Ла Ривьере. Я всегда думал, что ты считаешь вечер удавшимся, выпив кувшин пива и выбив больше сотни в «Боулингдроме Ардена». А теперь я вижу, что ты тусуешься с репортерами из университетских городков. Возможно,

даже с Висконсинской крысой, этим парнем с KWLA. Смотри не подхвати чего-нибудь от тамошних шлюшек.

Собеседник Рэтбана говорит, что пропустил первый иннинг, поскольку ему пришлось забирать детей после консультации в больнице «Маунт Хеврон», но все остальные он действительно видел.

– Разве я говорил, что Уэнделл Грин – мой друг? – вопрошает Том Лунд. Над левым плечом Бобби он видит первое из имен, написанных на грифельной доске. И не может оторвать от него глаз. – Так уж получилось, что я встретил его после суда над Киндерлингом, и мне не показалось, что он – плохой человек. Наоборот, мне он даже понравился. Я его пожалел. Он хотел взять интервью у Голливуда, а Голливуд дал ему от ворот поворот.

Да, конечно, он видел дополнительные иннинги, говорит несчастный собеседник Рэтбана, которого ведущий явно старается размазать по стенке, поэтому он и знает, что в Поки Риза попали мячом.

– Что же касается Висконсинской крысы, я б его не узнал, если б увидел. А так называемая музыка, которую он выпускает в эфир? Большой дряни слышать мне не доводилось. Я вообще не понимаю, как этому чудику дали свою программу. Да еще на университетской радиостанции! А что ты скажешь насчет нашей удивительной UW-Ла Ривьера, Бобби? Что они говорят о нашем обществе? О, я забыл, тебе нравится это дерьмо.

– Нет, я люблю «311» и «Корн»^[6], ноты настолько не в теме, что не сможешь найти разницу между Джонатаном Дэвисом и Ди Ди Рамоном^[7]. Впрочем, забудем об этом, лады? – Бобби Дюлак медленно поворачивается к своему напарнику и улыбается. – Хватит цапаться.

– Это я-то цапаюсь? – Том Лунд округляет глаза, изображая оскорбленную невинность. – Неужто я швырнул газету через всю комнату? Нет, вроде бы не швырял.

– Если ты никогда не видел Висконсинскую крысу, откуда тебе известно, как он выглядит?

– Как-то вот я знаю и о необычном цвете его волос, и о торчащем шнобеле. Знаю, что у него черная кожаная куртка, которую он носит не снимая днем и ночью, в дождь и солнце.

Бобби ожидал продолжения.

– Все это в его голосе. По голосу можно многое узнать о человеке. Парень говорит: «Послушай, похоже, будет хороший день», а на самом деле рассказывает тебе историю своей жизни. Хочешь узнать кое-что еще об этом Крысеньше? Он не был у дантиста шесть или семь лет. И его зубы похожи на говно.

Из уродливого бетонного здания KDCU, что рядом с пивоварней на Пенинсула-драйв, радиоприемник, который Дейл Гилбертсон подарил полицейскому участку задолго до того, как Том Лунд или Бобби Дюлак надели форму, доносит яростный рев Джорджа Рэтбана, рев, от которого в радиусе ста миль завтракающие фермеры улыбаются через стол своим женам, а проезжающие дальнбойщики радостно гогочут.

– Я клянусь, дружище, и это относится к каждому, кто звонит мне в студию, я сердечно тебя люблю, это святая правда, я люблю тебя, как моя мамочка любила свою грядку репы, но иногда вы СВОДИТЕ МЕНЯ С УМА. Ну и ну! Вторая половина одиннадцатого иннинга, два аута! Шесть – семь, «Реды»^[8] впереди! Игроки на второй и на третьей базе. Бэттер отбивает мяч в центр. Риз срывается с третьей базы, бежать-то совсем ничего, и он успевает на четвертую базу, успевает! ДАЖЕ СЛЕПОЙ ЗАСЧИТАЛ БЫ ОЧКО!

– Слушай, а я думал, что у него не было ни единого шанса успеть, правда, слушал репортаж по радио, – говорит Том Лунд.

Они дуются друг на друга, и оба это знают.

– Фактически, – вопит самый популярный «голос округа Каули», – фактически, мальчики и девочки, мне не остается ничего другого, как внести следующее предложение. Давайте поменяем всех судей на «Миллер-парк», да чего уж там, во всей Национальной лиге на СЛЕПЦОВ! Что вы об этом думаете, друзья? Я гарантирую, что качество судейства повысится от шестидесяти до семидесяти процентов. ДАЙТЕ ЭТУ РАБОТУ ТЕМ, КТО МОЖЕТ С НЕЙ СПРАВИТЬСЯ, СЛЕПЫМ!

Веселая улыбка растягивает губы Тома Лунда. Ох уж этот Джордж Рэтбан, ну дает.

– Проехали, хорошо? – предлагает Бобби.

Все еще улыбаясь, Лунд достает сложенную газету из синего пакета, раскладывает на столе, и тут же улыбка сбегает с лица, оно становится каменным.

– О нет. О черт.

– Что такое?

Лунд стонет и качает головой.

– Господи. Я даже не хочу этого знать. – Бобби сует руки в карманы, потом расправляет плечи, вытаскивает правую руку, закрывает ладонью глаза. – Я слепой, так? Переведите меня в судьи.

Лунд молчит.

– Это заголовок? Заголовок на первой полосе? Неужели все так ужасно? – Бобби убирает руку от глаз, она зависает в воздухе на уровне его груди.

– Похоже, этот Уэнделл не внял здравому смыслу, во всяком случае, не пожелал остановиться. Неужели я только что говорил, что этот ублюдок мне нравится? Просто не могу в это поверить.

– Проснись, – хмыкает Бобби. – Никто не растолковывал тебе, что стражи правопорядка и журналисты обитают по разные стороны баррикад?

Мощный торс Тома Лунда нависает над столом, глубокая морщина, словно шрам, прорезает лоб, щеки багровеют. Он тычет пальцем в Бобби Дюлака.

– Слушай, ты меня достал, Бобби. Сколько ты здесь служишь? Пять месяцев, шесть? Дейл нанял меня четыре года назад, когда он и Голливуд надели наручники на мистера Торнберга Киндерлинга. За последние тридцать лет это был самый громкий процесс в истории округа. Не могу сказать, что все лавры принадлежат мне, но я тоже внес свою лепту. Помог собрать доказательства.

– Только чуть-чуть, – говорит Бобби.

– Я напомнил Дейлу о барменше из «Гриль-бара», Дейл сказал Голливуду, Голливуд побеседовал с девушкой, и она сильно ему помогла. Помогла посадить Киндерлинга в тюрьму. Поэтому не тебе так со мной говорить.

Бобби Дюлак изображает искреннее раскаяние.

– Извини, Том. Я, конечно, не прав, – но думает совсем другое: «Допустим, ты проработал в полиции на пару лет дольше и однажды освежил память Дейла. Таким копом, как я сейчас, тебе вообще никогда не стать. Прошлым вечером ты уже продемонстрировал свой героизм, не так ли?»

За сорок пять минут до полуночи Арман «Нюхач» Сен-Пьер и его дружки из Громобойной пятерки с ревом примчались с Нейлхауз-роуд, ворвались в полицейский участок и потребовали от трех его обитателей, каждый из которых отработал восемнадцатичасовую смену, отчета о результатах расследования, которое занимало их больше всего. «Что, черт побери, вообще делается? Как насчет третьей девочки, а, как насчет Ирмы Френо? Ее уже нашли? Вы тут кого-нибудь ищите или только пускаете слюни? Вам нужна помощь? – орал Нюхач. – Вам нужна помощь? Так сделайте нас полицейскими, и вы получите всю чертову помощь, которая вам нужна, и даже больше». Гигант по прозвищу Мышонок, ухмыляясь, подошел к Бобби Дюлаку и наступал на него огромным пивным брюхом, пока Бобби не уперся спиной в шкаф. Потом он, дыша пивным перегаром и марихуаной, полюбопытствовал, знаком ли Бобби с произведениями такого уважаемого джентльмена, как Жак Деррида^[9]. Когда Бобби ответил, что никогда не слышал о таком писателе, Мышонок бросил: «Как же так, Шерлок?» – и отступил в сторону, чтобы вперить взор в имена на грифельной доске. Полчаса спустя Нюхач, Мышонок и их дружки отбыли, недовольные полученными ответами, так и не ставшие копами, но более или менее успокоившись, и Дейл Гилбертсон заявил, что ему тоже пора домой, надо хоть немного поспать, а вот Том должен остаться в участке, на всякий случай. Оба копа ночной смены нашли причины не выходить на работу. Бобби сам вызвался остаться («Нет проблем, шеф»), вот почему мы и в столь раннее утро застали этих двух молодых людей в полицейском участке.

– Покажи, – просит Бобби Дюлак.

Лунд поднимает газету, поворачивает и держит так, чтобы Бобби мог прочитать заголовок: «РЫБАК ПО-ПРЕЖНЕМУ ГУЛЯЕТ ПО ФРЕНЧ-ЛЭНДИНГУ». Таков заголовок статьи в три столбца в верхней левой части первой полосы. Текст набран на светло-синем фоне, черная линейка отделяет его от остальных материалов первой страницы. Подзаголовком, более мелким шрифтом, в одну строку: «Личность психа-убийцы ставит полицию в тупик». Ниже подзаголовка, еще мельче, указано, что статья написана Уэнделлом Грином при содействии редакции.

– Рыбак, – говорит Бобби. – С самого начала твой приятель взъелся на нас. Рыбак, Рыбак, Рыбак. Если я вдруг превращусь

в пятидесятифутовую обезьяну и начну крушить дома, ты назовешь меня Кинг-Конгом? – Лунд опускает газету и улыбается. – Ладно, – признает Бобби, – неудачный пример. Допустим, я ограблю пару банков. Назовешь ты меня Джоном Диллинджером?^[10]

Улыбка Лунда становится еще шире.

– Говорят, у Диллинджера был такой «инструмент», что его заспиртовали в Смитсоновском институте^[11]. Так что...

– Прочти мне первое предложение, – просит Бобби.

Том Лунд поворачивает газету к себе, читает: «Поскольку полиции Френч-Лэндинга никак не удастся ухватиться за ниточку, которая может привести к установлению личности убийцы и сексуального маньяка, названного нашим корреспондентом Рыбаком, на улицах этого маленького городка сгущается атмосфера страха, отчаяния и подозрительности и постепенно расплзается, охватывая фермы и деревни округа Френч, перекидываясь на округ Каули».

– Только этого нам и не хватает! – восклицает Бобби. – Именно этого. – Он пересекает комнату, встает за спиной Лунда и через его плечо читает всю статью на первой полосе, ухватившись за рукоятку своего «глока», словно собираясь продырявить бумагу парой-тройкой пуль.

«Наши традиции доверия и добрососедства, наша привычка встречать каждого с открытым сердцем и распростертыми объятиями, – пишет Уэнделл Грин, отъявленный лицемер, – медленно, но верно разъедаются этими негативными эмоциями. Страх, отчаяние и подозрительность отравляют души горожан и деревенских жителей, ибо натравливают соседа на соседа, издеваются над нормами поведения, которые впитаны нами с молоком матери.

Двое детей были зверски убиты, а их трупы частично съедены. Теперь исчез третий ребенок. Восемилетняя Эми Сен-Пьер и семилетний Джонни Иркэнхэм стали жертвами страстей чудовища в человеческом облике. Им не узнать ни счастья юности, ни радостей взрослой жизни. Их скорбящие родители никогда не дождутся внуков, которых они бы нежно любили. Родители друзей Эми и Джонни теперь не выпускают своих детей из дома, как и все остальные родители. В результате летние программы для детей свернуты практически во всех городах и муниципальных образованиях округа Френч.

С исчезновением десятилетней Ирмы Френо через семь дней после убийства Эми Сен-Пьер и всего через три после гибели Джонни Иркэнхэма терпение общественности начало иссякать. Как уже сообщал наш корреспондент, во вторник вечером на одной из боковых улочек Грейнджера группа неизвестных жестоко избивала Мерлина Граасшаймера, пятидесятидвухлетнего безработного сезонного рабочего без определенного места жительства. Аналогичный случай произошел под самое утро в четверг в парке Лейфа Эрикссона в Ла Ривьере. Элвар Праториус, тридцатишестилетний турист из Швеции, устроившийся там на ночлег, подвергся нападению трех бандитов. К счастью, Граасшаймеру и Праториусу потребовалась лишь первая медицинская помощь, но в дальнейшем никто из нас не гарантирован от более серьезных последствий».

Том Лунд смотрит на абзац, в котором описывается исчезновение Ирмы Френо с Чейз-стрит, и поднимается из-за стола.

Бобби Дюлак какое-то время молча читает, потом не выдерживает:

– Ты должен послушать это дерьмо, Том. Вот как он заканчивает свою говенную статью. «Когда Рыбак ударит вновь? А в том, что он ударит, друзья мои, сомнений нет. И когда начальник полиции Френч-Лэндинга, Дейл Гилбертсон, выполнит наконец свой долг и избавит граждан округа от зверств Рыбака и неизбежных вспышек насилия, вызванных его собственным бездействием?»

Бобби Дюлак тяжелым шагом выходит на середину комнаты. Его лицо налито кровью. Он глубоко вдыхает воздух, затем шумно выдыхает.

– Как тебе это нравится? «Когда Рыбак ударит вновь?» Хорошо бы ему выбрать для удара дряблую задницу Уэнделла Грина.

– Я полностью с тобой согласен, – кивает Том Лунд. – Как можно печатать этого борзописца? «Неизбежные вспышки насилия»! Он намекает людям, что можно самостоятельно разбираться с теми, кто вызывает подозрение!

Бобби целится пальцем в грудь Лунда.

– Я лично намерен поймать этого подонка. Даю слово. Приведу его, живым или мертвым. – И на случай, что Лунд не понял, повторяет: – Лично.

Благоразумно решив не озвучивать первые слова, которые пришли на ум, Том Лунд просто кивает. Палец Бобби по-прежнему нацелен

ему в грудь.

– Если тебе нужна помощь, может, стоит поговорить с Голливудом. У Дейла не вышло, но, возможно, тебе повезет больше.

Бобби отмахивается от этого предложения.

– Нет нужды. Дейл и я... и ты, разумеется, мы справимся. Но я лично собираюсь взять этого гада. Гарантирую. – Пауза. – А потом, Голливуд уже ушел на пенсию, когда приехал сюда, или ты забыл?

– Голливуд слишком молод для пенсии, – улыбается Лунд. – В полиции он начал служить практически ребенком. Так что ты в сравнении с ним чуть ли не зародыш.

И под их дружный смех мы выплываем из дежурной части и вновь поднимаемся вверх, чтобы переместиться еще на квартал севернее, на Куин-стрит.

В нескольких кварталах к востоку мы видим под собой приземистое здание, от середины ступицы которого отходят корпуса-радиусы, разделенные лужайками. Тут и там растут высокие дубы и клены. Участок, где расположено здание, занимает целый квартал и окружен живой изгородью, которую, по правде сказать, давно следовало постричь. Разумеется, это какое-то общественное здание. Первая мысль – прогрессивная начальная школа, в которой радиусы – классы без стен, ступица – столовая и административные помещения. Но, спустившись ниже, мы слышим громкий голос Джорджа Рэтбана, доносящийся сразу из нескольких окон. Распахиваются стеклянные двери, и в яркое утро выходит стройная женщина в очках с оправой «кошачий глаз». В одной руке она держит свернутый лист бумаги, в другой – скотч. Поворачивается к двери, разворачивает плакат и ловкими движениями прикрепляет его скотчем на стеклянной двери. Солнечный свет отражается от кольца с дымчатым топазом размером с лесной орех, надетым на средний палец ее правой руки.

Пока она замирает на мгновение, любуясь своей работой, мы заглядываем через ее плечо, читая надпись на плакате, обрамленную нарисованными воздушными шариками: «СЕГОДНЯ – КЛУБНИЧНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ!!!»

Когда женщина уходит в дом, мы через стеклянную дверь рассматриваем интерьер. У входа стоят два-три складных кресла-каталки. Женщина со светло-каштановыми, забранными вверх

волосами, стуча высокими каблучками, проходит по уютному холлу с креслами из светлого дерева и такими же столиками, заваленными журналами, минует то ли пост охранника, то ли регистрационную стойку, за которой никого нет, и исчезает за полированной дверью с табличкой: «УИЛЬЯМ МАКСТОН, ДИРЕКТОР».

Что же это за школа? Почему она открыта в столь ранний час, почему устраивает фестивали в середине июля?

Мы можем назвать ее выпускной школой для тех, кто уже сдал экзамены за все этапы своей жизни, кроме последнего, а к нему они готовятся день за днем под неусыпной заботой Шустрика, мистера Уильяма Макстона, директора. Это «Центр Макстона по уходу за престарелыми», который, в более наивные времена, до косметических изменений, внесенных в середине восьмидесятых, назывался просто «Домом престарелых Макстона». Заведовал им тогда его основатель, Герберт Макстон, отец Шустрика. Будучи человеком порядочным, Герберт пришел бы в ужас, глядя на некоторые проделки единственного продукта его чресл. Шустрик никогда не испытывал желания руководить «семейным зоопарком», как он называл дом престарелых, с тамошними «вставными челюстями», «зомби», «ссыкунами» и «маразматиками». Получив диплом бухгалтера в Висконсинском университете в Ла Ривьере (где также прошел курсы случайных связей, азартных игр и пивных запоев), наш мальчик согласился на предложенную ему должность в Мэдисоне, административном центре штата Висконсин, в отделении департамента налогов и сборов лишь для того, чтобы научиться обворовывать государство, не попадаясь. Пять лет в ДНС многому его научили, но последующая карьера консультанта не оправдала ожиданий, поэтому он согласился на уговоры стареющего отца и посвятил себя заботам об инвалидах и маразматиках. А потом с неохотой признал, что бизнес отца пусть и не столь престижный, зато очень прибыльный, поскольку позволял обворовывать как государство, так и клиентов.

Давайте же впливем в стеклянные двери, пересечем уютный холл (отметив попутно смешанные запахи освежителя воздуха и аммиака, которые господствуют в таких заведениях), минуем дверь в апартаменты директора и выясним, что делает там в такую рань эта интересная молодая женщина.

За полированной дверью находится каморка без единого окна, обстановку которой составляют стол, вешалка и маленькая книжная полка, заваленная компьютерными распечатками, буклетами и флаерами. В дальней стене – открытая дверь. За ней мы видим помещение гораздо больших размеров, стены забраны полированными панелями того же цвета, что и дверь с табличкой, компанию кожаным креслам составляют удобный диван и стеклянный кофейный столик, а также большущий полированный письменный стол, заваленный бумагами.

Наша молодая женщина, ее зовут Ребекка Вайлес, сидит на краешке стола, положив ногу на ногу. Одно колено на другом, голени изящно перекрещиваются, острые носы туфель смотрят один на два часа, другой на двенадцать. Ребекка Вайлес, как мы понимаем, уселась так, чтобы ее лучше видели, чтобы ею восхищались, причем определенно не мы. За «кошачьей» оправой в глазах читаются скепсис и веселье, хотя причина этих эмоций не очень понятна. Мы предполагаем, что она – секретарь Шустрика, и это предположение оправдано только наполовину: небрежность и фамильярность ее поведения говорят о том, что секретарскими обязанностями мисс Вайлес не ограничивается (мы можем даже задаться вопросом, откуда взялось на ее руке это милое кольцо, и, пожалуй, без труда найти правильный ответ).

Мы вплываем в открытую дверь, прослеживаем направление становящегося все более нетерпеливым взгляда Ребекки и видим широкую, обтянутую рубашкой цвета хаки спину ее стоящего на коленях начальника, который головой и плечами всунулся в достаточно большой сейф. На полках мы замечаем регистрационные книги и конверты из плотной бумаги, должно быть набитые деньгами. Несколько купюр выпадают из конвертов, когда Шустрик достает их из сейфа.

– Ты повесила плакат о фестивале? – спрашивает он, не поворачиваясь.

– Да, конечно, – отвечает Ребекка Вайлес. – И какой прекрасный день мы выбрали для нашего праздника. – Слова эти она произносит с отменным ирландским акцентом, хотя из всех экзотических мест бывала только в Атлантик-Сити, куда пару лет назад Шустрик возил ее

на пять сказочных дней. Говорить так она научилась по старым фильмам.

– Я ненавижу Клубничный фестиваль, – рычит Шустрик, доставая из сейфа последние конверты. – Весь день здесь будут околачиваться родственники зомби, а они сами так перевозбудятся, что вечером придется колоть им транквилизаторы. И, если хочешь знать правду, я ненавижу воздушные шары. – Он вываливает деньги на ковер и начинает раскладывать в стопки по номиналам.

– А мне вот нравятся простые деревенские праздники, – воркует Ребекка, подтрунивая над боссом. – Я даже не дуюсь из-за того, что в столь прекрасный день мне пришлось прийти на работу ни свет ни заря.

– Знаешь, что еще я ненавижу? Эту чертову музыкальную часть. Поющие зомби и этот тупоумный диджей. Эти гребаные симфонии. Господи, какая мерзость.

– Как я понимаю, – ирландский акцент чудесным образом исчезает из голоса Ребекки, – ты хочешь, чтобы я занялась деньгами до начала фестиваля.

– Пора вновь съездить в Миллер. – Счет на вымышленную фамилию открыт в Провинциальном банке в Миллере, городке, расположенном в сорока милях. На него регулярно кладутся деньги, которые Шустрик уворовывает из средств, оставленных родственниками пациентов на оплату дополнительных товаров и услуг. Шустрик оборачивается с деньгами в руках и снизу вверх смотрит на Ребекку. Руки опускаются. – Слушай, у тебя отличные ноги. С такими ногами ты должна сделать карьеру.

– Я думала, ты никогда не заметишь, – улыбается Ребекка.

Шустрику Макстону сорок два года. У него хорошие зубы, густые волосы, широкое, искреннее лицо и карие глаза, которые всегда немного слезятся. У него двое детей, девятилетний Трей и семилетний Эшли, у которого недавно обнаружили хроническую недостаточность надпочечников, и только лекарства, по прикидкам Шустрика, будут обходиться ему в две тысячи долларов в год. Разумеется, есть у него и жена, Марион, тридцати девяти лет от роду, ростом пять футов и пять дюймов и весом за 190 фунтов^[12]. Помимо этого Шустрик задолжал своему букмекеру 13 тысяч долларов, неудачно поставив на «Пивоваров» в игре, которую этим утром так живо комментировал

Джордж Рэтбан. И он заметил. Конечно же, заметил выставленные напоказ точеные ножки мисс Вайлес.

– Прежде чем ты поедешь туда, я думаю, нам надо немного поразмяться на диване.

– Поразмяться, это как? – вроде бы наивно спрашивает Ребекка.

– Прыг, прыг, прыг, – отвечает Шустрик, похотливо улыбаясь, как сатир.

– Какой ты у нас романтичный. – Сарказма в голосе Ребекки Шустрик не замечает. Он действительно считает себя романтиком.

Мисс Вайлес соскальзывает с краешка стола, Шустрик поднимается, ногой закрывает сейф. Блестя глазами, шагает к Ребекке, одной рукой обнимает ее за плечи, другой бросает конверты из плотной бумаги на стол. Расстегивает ремень, увлекает Ребекку к дивану.

– Так я смогу его увидеть? – говорит умная Ребекка, которая точно знает, как превратить мозги своего любовника в овсянку...

...и прежде чем Шустрик покажет ей то, что она так хочет увидеть, мы проявим благоразумие и уплывем в холл, который по-прежнему пустует. Коридор слева от регистрационной стойки приводит нас к двум большим, из светлого дерева со стеклянными панелями дверям с надписями соответственно «МАРГАРИТКА» и «КОЛОКОЛЬЧИК». Так называются крылья здания за этими дверями. В глубине серого коридора «Колокольчика» мужчина в мешковатом рабочем комбинезоне роняет пепел сигареты на плитки пола, по которым елозит грязной шваброй. Мы направляемся в «Маргаритку».

Функциональные помещения «Макстона» не столь уютны и комфортабельны, как присутственные. На дверях по обе стороны коридора номерные таблички, под ними в специальные пазы вставлены полоски бумаги с написанными от руки именами и фамилиями пациентов. В глубине коридора, через четыре двери от нас, стоит стол, за которым дремлет мужчина в белом, хотя и не первой свежести халате. Напротив него – двери в мужскую и женскую ванные комнаты. В «Макстоне» раковины установлены только в самых дорогих палатах, расположенных в «Златоцветике», крыле по другую сторону холла. На плитках пола – высохшие грязные разводы: здесь мужчина в мешковатом комбинезоне успел пошуровать

шваброй. Серые не только стены, но, похоже, и воздух. Если мы приглядимся, то увидим и паутину, и пятна грязи, и протечки. Пахнет дезинфицирующим средством, аммиаком, мочой и чем-то похуже. Как любит говорить одна пожилая дама, занимающая палату в «Колокольчике», если живешь среди старых и слабоумных людей, запах какашек всегда будет с тобой.

Условия жизни в палатах разнятся в соответствии с материальными возможностями пациентов. Поскольку практически все спят, заглянем в некоторые. Вот М10, палата на одного, через две двери от ночного медбрата, в ней живет Элис Уитерс (сейчас она тихонько похрапывает, ей снится, как Фред Астер^[13] кружит ее в вальсе по белому мраморному полу). Палата так заставлена мебелью, которую она привезла с собой: кровать, стулья, столики, сундуки, что ей приходится добираться до двери зигзагом. Элис сохранила не только мебель, но и ум, поэтому прибирается сама и в палате царит идеальная чистота. Рядом, в М12, два старых фермера, Торвальдсон и Джесперсон, которые не разговаривают друг с другом уже много лет, спят, разделенные тонкой занавеской, в окружении семейных фотографий и рисунков внуков.

Палата, находящаяся дальше по коридору, М18, являет собой полную противоположность чистенькой, тесной от мебели М10, точно так же, как и проживающий в ней Чарльз Бернсайд совершенно не похож на Элис Уитерс. В М18 нет столиков, сундуков, стульев, золоченых зеркал, ламп, вязаных ковриков и бархатных штор: пустоту скрашивают лишь металлическая кровать, пластиковый стул да комод. На комоді отсутствуют фотографии детей и внуков, стены не украшают детские рисунки. Мистер Бернсайд чистоту особо не жалуется, поэтому слой пыли покрывает пол, подоконник, комод. В убранстве М18 личность постояльца никак не сказывается. Более всего палата напоминает тюремную камеру. В воздухе стоит ядреный запах экскрементов.

И все-таки мы посетили «Центр» не ради забавности Шустрика Макстона, который мог бы развлечь, и не ради очарования Элис Уитерс. Нас интересует другой человек – Чарльз Бернсайд, Берни.

Глава 2

Прошлое Шустрика мы уже знаем. Элис переехала в «Макстон» из большого дома на Гейл-стрит, старой части Гейл-стрит, где она пережила двух мужей, вырастила пятерых сыновей, научила играть на пианино четыре поколения детей Френч-Лэндинга. Никто из них не стал профессиональным музыкантом, но все помнят ее и любят. В приют Элис прибыла, как и большинство постояльцев, на автомобиле, который вел один из ее сыновей. Она испытывала при этом смешанные чувства. С одной стороны, ей не хотелось жить среди чужих, с другой – она смирилась с неизбежным. В силу своего преклонного возраста она больше не могла жить одна в большом доме. Два ее взрослых сына предлагали ей перебраться к ним, но она и слышать не хотела о том, чтобы добавить им хлопот. Жизнь Элис Уитерс прошла во Френч-Лэндинге, и она не испытывала ни малейшего желания переезжать в другой город. Собственно, она всегда чувствовала, что закончит свой жизненный путь в «Макстоне», приюте не самом роскошном, но и не из худших. И когда Мартин, ее сын, привез мать познакомиться с местом, где ей предстояло провести остаток жизни, она обнаружила, что знакома как минимум с половиной постояльцев.

В отличие от Элис, у Чарльза Бернсайда, высокого, костлявого старика с мясистым носом, который лежит на металлической кровати под простыней, далеко не все в порядке с головой. Не снится ему и Фред Астер. Вены, выступающие на лысом черепе, спускаются к бровям, напоминая серые мотки спутанной проволоки. Узкие глаза смотрят в выходящее на север окно и леса за участком «Макстона». Из всех обитателей крыла «Маргаритка» не спит только Берни. Его глаза поблескивают, губы изогнуты в улыбке, но эти внешние признаки ничего не означают, потому что мозг Чарльза Бернсайда скорее всего пуст, как и его комната. Берни много лет страдает болезнью Альцгеймера, и улыбка, вроде бы связанная с приятными воспоминаниями, на самом деле вызвана удовлетворением одной из основных физиологических потребностей. Если мы не сумели догадаться, что является источником вони в этой

комнате, расширяющееся пятно на простыне, которой укрыт Берни, даст на это ясный ответ. Он только что справил большую нужду, от души опорожнил кишечник прямо в кровать, и мы можем лишь констатировать, что он не видит в этом ничего зазорного. Нет, сэр, чувство стыда давно уже ему неведомо.

Но пусть Берни, в отличие от Элис, давно уже не в себе, ему не свойственны типичные симптомы болезни Альцгеймера. Он может день-другой бубнить что-то нечленораздельное над овсянкой, как и прочие зомби Шустрика, но потом вдруг оживает и присоединяется к миру живых. В этом состоянии ему обычно удается добираться до ванной, и он проводит долгие часы то ли куда-то исчезая, то ли бродя по территории, всем и всеми недовольный, злой. Возвращаясь из мира зомби, он всегда хитер, скрытен, груб, упрям, злобен, да еще и ругается, – в общем, в «Макстоне» из всех стариков его, пожалуй, считают самым мерзким. Некоторые из медицинских сестер, санитаров, уборщиков сомневаются, что у Берни болезнь Альцгеймера. Они думают, что он симулирует эту болезнь, чтобы ему сходили с рук все его гадости. Едва ли мы можем винить их за эти подозрения. Если только врачи не ошиблись с диагнозом, Берни, возможно, единственный в мире человек, у которого на такой стадии болезни Альцгеймера бывают длительные периоды ремиссии.

В 1996 году, на семьдесят восьмом году жизни, человек, известный как Чарльз Бернсайд, прибыл в «Макстон» на машине «Скорой помощи» из городской больницы Ла Ривьеры, а не в автомобиле, за рулем которого сидел кто-то из ближайших родственников. А в приемный покой больницы он заявился однажды ранним утром в гордом одиночестве, с двумя тяжелыми чемоданами, набитыми грязной одеждой, и громким голосом потребовал, чтобы ему оказали медицинскую помощь. Говорил он не совсем связно, но его поняли. Утверждал, что долго шел пешком, добираясь до больницы, и теперь хочет, чтобы больница позаботилась о нем. Пройденное им расстояние каждый раз менялось: десять, пятнадцать, а то и двадцать пять миль. То он спал несколько ночей в поле или в придорожном кювете, то не спал. Его общее состояние и идущий от него отвратительный запах говорили о том, что дорога и ночевки под открытым небом заняли у него не меньше недели. Если у него и был бумажник, то во время своего путешествия Бернсайд его

потерял. В больнице Ла Ривьеры его помыли, накормили, предоставили койку и попытались понять, с кем имеют дело. Связности в его речи не прибавилось, документов у него не было, но кое-какие факты установить все-таки удалось: в здешних местах Бернсайд долгие годы работал плотником, кровельщиком, штукатуром, как сам по себе, так и в крупных строительных фирмах. Тетя, которая жила в Блэр, предоставила ему комнату.

Значит, он прошагал восемнадцать миль, отделявшие Блэр от Ла Ривьеры? Нет, он отправился в путь откуда-то еще, он не помнил, откуда именно, но место это находилось в десяти милях, нет, в двадцати пяти милях, какой-то город, а жители этого города – отвратительные мерзавцы. Как звали его тетю? Алтея Бернсайд. Ее адрес, номер телефона? Без понятия, он не мог вспомнить. Его тетя работала? Да, была отвратительной мерзавкой. Но она разрешила ему жить в ее доме? Кто? Разрешила что? Чарльз Бернсайд не нуждался в чьих-либо разрешениях, он всегда делал все, что хотел. Тетя выгнала его из своего дома? Что ты такое говоришь, отвратительный мерзавец.

Лечащий врач, дожидаясь результатов необходимых анализов, поставил предварительный диагноз: болезнь Альцгеймера, а сотрудница службы социального обеспечения села на телефон и попыталась найти адрес и телефон Алтеи Бернсайд, проживающей в Блэр. В телефонной компании ей сказали, что такого абонента нет ни в Блэр, ни в Эттрике, ни в Кохране, ни в Спарте, ни в Оналаске, ни в Ардене, ни в Ла Ривьере, ни в одном из городков, расположенных в радиусе сорока пяти миль от больницы. Расширяя зону поисков, сотрудница службы социального обеспечения связалась с департаментами записи актов гражданского состояния, социальной защиты, транспортных средств и налогов и сборов, чтобы получить имеющуюся у них информацию об Алтее и Чарльзе Бернсайд. Из двух Алтей, которые нашлись в компьютерных базах данных, одной принадлежал ресторан в Баттернате, городке, расположенном далеко на севере штата, а вторая была негритянкой, работавшей в детском центре в Милуоки. Ни одна не имела никакого отношения к мужчине, который лежал в городской больнице Ла Ривьеры. Среди Чарльзов Бернсайдов, найденных в результате поиска, не оказалось ни плотников, ни кровельщиков, ни штукатуров. Алтеи, похоже, вообще не существовало. Чарльз, судя по всему, относился к тем

редким людям, которые проходят по жизни, не платя налоги, не регистрируясь на избирательных участках для голосования, не обращаясь за карточкой социального страхования, не открывая банковского счета, не поступая на военную службу, без водительского удостоверения, не проведя пару лет на полном государственном обеспечении.

Еще один раунд телефонных звонков привел к тому, что таинственного Чарльза Бернсайда определили подопечным государства и направили в «Центр Макстона по уходу за престарелыми» до того, как для него освободится место в центральной больнице штата в Уайтхолле. «Скорая помощь» привезла Бернсайда в «Макстон», где, под недовольное бурчание Шустрика, его поместили в отдельную палату. Все расходы, само собой, оплатил местный бюджет. Место в центральной больнице освободилось через шесть недель. Шустрику позвонили, чтобы сообщить об этом, через несколько минут после того, как с утренней почтой он получил чек из банка Допера, выписанный Алтеей Бернсайд, на содержание Чарльза Бернсайда в его центре. Адресом Алтеи Бернсайд значился абонентский ящик в почтовом отделении Допера. Вот Шустрик и ответил сотруднику центральной больницы, что, выполняя свой гражданский долг, готов и дальше на прежних условиях держать мистера Бернсайда в «Центре Макстона». Старик, мол, стал его любимым пациентом. Еще бы, без всяких на то усилий со своей стороны за содержание Бернсайда Шустрик стал получать в два раза больше.

Следующие шесть лет болезнь Альцгеймера неуклонно прогрессировала. Если Чарльз Бернсайд ее и симулировал, то делал это виртуозно. С головой у него становилось все хуже и хуже. Речь все больше теряла связность, без всякого на то повода он вдруг становился злобным и агрессивным, терял память, не мог сам есть, не мог обслужить себя, лишался личностных черт. Умом он постепенно превращался в младенца, оставаясь человеком только внешне. Пуская слюни, он проводил дни напролет в инвалидной коляске. Шустрик печалился, видя, что со дня на день потеряет столь выгодного пациента. А потом, прошлым летом, за год до описываемых событий, вдруг начался обратный процесс. Ожило лицо Берни, он начал произносить какие-то пусть и бессвязные, но звуки. «Аббала! Горг!

Маншан! Горг!» Он хотел есть сам, хотел разминать ноги, хотел ходить по «Центру» и знакомиться со своим новым жилищем. Через неделю с его губ уже слетали нормальные слова. По его настоянию ему выдали одежду, он начал пользоваться ванной и туалетом. Набрал вес, у него прибавилось сил, а потом с ним стало твориться что-то уж совсем непонятное. И теперь, часто в один и тот же день, Берни мог предстать сразу в двух ипостасях: страдальцем болезнью Альцгеймера на последней стадии и бодрым, естественно, для своего возраста, старичком восьмидесяти пяти лет. Берни похож на человека, который съездил в Лурд и вылечился, но уехал, не пройдя полного курса лечения. Для Шустрика чудо есть чудо. А пока этот старый козел жив, какая разница, ходит он на своих двоих или пускает слюни в инвалидной каталке.

Мы приближаемся к кровати. Стараемся не замечать запах. Хотим проследить, что можно узнать по лицу этого незаурядного человека. Лицо это никогда не было красивым, а теперь кожа серая, а щеки впалые. Вздувшиеся синие вены выются по серому черепу, испещренному почечными бляшками, словно яйцо ржанки. Мясистый нос чуть свернут вправо, усиливая впечатление хитрости и скрытности. Толстые губы изгибаются в неприятной улыбке, улыбке поджигателя, задумавшего превратить в пепел красивый дом. Но, возможно, это просто гримаса.

Перед нами типичный американский волк-одиночка, неумный скиталец, завсегдатай третьесортных отелей и дешевых закусочных, бесцельно кружащий по стране, собиратель ран и травм, которые потом с нежностью вспоминаются вновь и вновь. Если кто его и интересуется, так это собственная персона. Настоящее имя Берни – Карл Бирстоун, и под этим именем он прожил в Чикаго с двадцати пяти до сорока шести лет, ведя тайную войну, в ходе которой творил нехорошие дела ради собственного удовольствия. Карл Бирстоун – самый большой секрет Берни, ибо он не может позволить, чтобы кто-то узнал о его прошлой жизни; ведь его прежнее «я» по-прежнему живет в его теле. Ужасные удовольствия Карла Бирстоуна, его грязные делишки одновременно удовольствия и делишки Берни, поэтому он должен прятать их в темноте, там, где только он один может их найти.

Так в чем же разгадка чуда, которое лицезреет Шустрик? Этот Карл Бирстоун нашел способ выбираться из глубин подсознания Берни

и устанавливать контроль над его телом. В конце концов, в человеческой душе бесконечное число комнат, одни огромные, другие – не больше чулана для щеток, одни закрыты, другие залиты ярким светом. Мы наклоняемся ближе к вздувшимся венам, торчащему носу, кустистым бровям. Мы углубляемся в облако вони, чтобы изучить эти интересные глаза. Они – что черный неон, поблескивают, словно лунный свет на влажном берегу реки. Они светятся нездоровой радостью, такое ощущение, что они не совсем человеческие. Больше сказать о них, пожалуй, нечего.

Губы Берни двигаются, он все еще улыбается, если можно назвать эту гримасу улыбкой, но уже начал что-то шептать. Что же он говорит?

– ...они сабиваются в свои гребаны норы и закрывают свои глаза, они вересят в уфасе, мои бетный потейныя детти... Нет, нет, это им не поможет, не так ли? Ах, эти оганы, да, эти прекасные оганы, што за зрелище, прекасные оганы на косре, как они гокят, как они обухликаются... я вижу дыу, плафя такие яртыя...

Возможно, это слова Карла Бирстоуна, но разобрать его бормотание нелегко. Давайте лучше проследим за взглядом Берни, в надежде, что он подскажет нам, почему так заволновался старик. И возбуждился, мы видим это по приподнявшейся над известным местом простыне. Он и Шустрик, похоже, реагируют синхронно, поскольку у обоих «инструмент» принял боевую стойку, но если у Шустрика это произошло стараниями знающей свое дело Ребекки Вайлес, то Берни достаточно увиденного в окне.

Вид из него едва ли сравнится с прелестями мисс Вайлес. Голова Чарльза Бернсайда чуть приподнята над подушкой, он смотрит на лужайку, по периметру которой растут клены, за которыми начинается густой лес с раскидистыми дубами. Среди них, правда, белеет несколько берез. По высоте дубов и породам деревьев мы знаем, что это – остатки лесов, которые не в столь далекие времена покрывали эту часть страны. Как и все древние леса, те, что находятся к северу и востоку от «Центра Макстона», могут многое рассказать, если бы кто-нибудь услышал их голос. Под их зелеными кронами время и умиротворенность обнимаются с кровопролитием и смертью. Невидимое глазу насилие не прекращается ни на мгновение. Усыпанная прошлогодней листвой, земля скрывает миллионы и миллионы разбросанных костей, лежащих послойно. Все, что растет

и расцветает, кормится тем, что гниет. Одни миры вращаются внутри других, великие вселенные сосуществуют друг с другом, и каждая несет изобилие и катастрофу своим ничего не подозревающим соседям.

Чем Берни так увлекли эти леса? Что, увиденное в них, возбудило его? Или, учитывая, что тело Берни сейчас не принадлежит ему, о чем думает Карл Бирстоун, прячущийся за глазами Чарльза Бернсайда?

Берни шепчет: «Лизы в лизьих нодах, крызы в крызинных нодах, гиены воют на путой шелудок, аха, охо, бедны, бедны мои друга, кто, кто дат вам ковавую пишу...»

Больше нам тут, похоже, делать нечего.

Пусть Берни бормочет и дальше... с нас достаточно. Пора нам глотнуть свежего воздуха. Так что летим на север, над лесом. Лисы в лисьих норах и крысы в крысинных норах могут выть, это правда, но вы ведь никогда не слышали о том, что в Западном Висконсине обитают голодные гиены. Гиены всегда голодны. И никто никогда их не жалеет. Трудно, знаете ли, жалеть существо, которое кружит вокруг добычи других хищников, ждет, пока те насытятся, чтобы подобрать остатки мертвечины. Улетаем сквозь крышу!

В полутора-двух милях к востоку от «Макстона», где вдоль шоссе номер 35 растет густой лес, есть узкая проселочная дорога. Лес тянется вдоль шоссе еще на сотню ярдов, а потом уступает место поселку на две улицы, построенному тридцать лет назад. Баскетбольные кольца и качели ждут во дворах. На подъездных дорожках к домам на Шуберт и Гейл-стрит – двух- и трехколесные велосипеды, самокаты, автомобили. Детям, которые ими пользуются, снятся сладости, щенки, круговые пробежки в бейсбольных матчах, путешествия по неведанным местам и многое другое, не менее интересное. Спят и их встревоженные родители, которым этим утром предстоит прочитать статью Уэнделла Грина на первой полосе «Геральда».

Но нас сейчас больше интересует уходящая в лес проселочная дорога, пожалуй, даже не дорога – одна полоса. Даже с высоты можно сказать, что дорога эта частная и в последнее время не используется. Она петляет по лесу, а в трех четвертях мили от шоссе номер 35 исчезает. С высоты нашего полета – дорога эта – тонкая линия,

проведенная твердым карандашом, требуется орлиный глаз, чтобы разглядеть ее. Но кто-то затратил немалые усилия, чтобы прочертить эту линию на карте леса. Пришлось вырубить и вывезти деревья, выкорчевать пни. Если это делал один человек, такая работа потребовала многие месяцы тяжелого физического труда. Результат этих немалых усилий и есть дорога, скрытая от посторонних глаз. Если внимание на мгновение рассеивается, она исчезает из виду и ее надо снова искать. На ум приходят мысли о гномах и их рудных жилах, о тропе, ведущей к золотому кладу, спрятанному драконом, о сокровищах, путь к которым заколдован. Нет, конечно, рудные жилы гномов, золотые клады драконов, заколдованные сокровища – это все детские игры, но, спустившись ниже, мы видим у начала дороги потрепанный временем щит с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», доказательство того, что дорога что-то да охраняет, пусть и частную собственность.

Полюбовавшись на щит-указатель, мы перемещаемся к глухому концу дороги. Несмотря на тень под деревьями, возникает ощущение, что мы видим впереди что-то более темное в сравнении с окружающим лесом. Аха, охо, повторяем мы про себя бессвязное бормотание Берни, что же это перед нами? Стена? Оставив позади поворот, понимаем, что треугольник темноты, практически полностью скрытый сверху кронами деревьев, – островерхая крыша. И только вблизи становится ясно, что перед нами трехэтажный деревянный дом, чуть скособочившийся, с просевшим крыльцом. Дом этот определенно давно уже стоит пустой, даже внешне он отличается от других домов. Сразу чувствуется, что новым жильцам он будет не рад. Второй щит с надписью «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» на накренившемся столбе только подтверждает наши догадки.

Островерхая крыша прикрывает только центральную секцию дома. Слева двухэтажная пристройка уходит в леса. Справа к дому примыкают вроде бы большие сараи. Странное впечатление производит этот дом. Должно быть, у архитектора отсутствовало чувство симметрии. Непонятно, что он пытался выразить своей постройкой, но дом и не хочет, чтобы кто-то получал ответ на этот вопрос. От кирпичей и досок веет монолитной неуязвимостью, несмотря на то, что время и погода нанесли дому заметный урон.

Очевидно, дом строили в поисках уединения, может, даже изоляции, и он по-прежнему отвечает этим требованиям.

Самое странное, с того места, откуда мы смотрим на дом, он вроде бы окрашен черным. Не только доски, но каждый квадратный дюйм наружных поверхностей: крыльцо, нащельники, карнизы, сливы, даже рамы. Черный дом, от фундамента до конька. Такого просто не может быть. В этом добросердечном, гостеприимном уголке мира даже самый безумный строитель-мизантроп не стал бы превращать собственный дом в его темную тень. Мы плывем чуть выше уровня земли, вдоль узкой проселочной дороги, в направлении дома...

Когда оказываемся достаточно близко, чтобы все как следует разглядеть, когда от близости к этому странному дому становится даже не по себе, мы понимаем, что мизантропия может зайти дальше, чем мы предполагали. Дом темно-серой чернотой напоминает свинец, навеивает мысли о грозных облаках, бушующем море, корпусах потерпевших крушение кораблей. В этой черноте нет места жизни.

Можно не сомневаться, что лишь считанные взрослые из соседнего поселка и очень мало кто из Френч-Лэндинга и окрестных городков съезжали с шоссе номер 35 на узкую проселочную дорогу. Очень немногие замечали запретительный знак-указатель, а уж о существовании черного дома не знают и они. С той же уверенностью мы можем сказать, что дети, конечно же, обследовали проселочную дорогу, некоторые доходили и до черного дома. Видели там недоступное глазам их родителей и сломя голову бежали обратно к шоссе.

Этот черный дом столь же неуместен в Висконсине, как небоскреб или замок, обнесенный рвом с водой. Более того, этот дом в любом уголке мира покажется аномалией, за исключением разве что парка развлечений с табличкой у двери: «Особняк призраков» или «Дворец ужасов». Впрочем, и там он не стал бы приманкой для посетителей, наоборот, через неделю разорил бы устроителей парка. И при этом черный дом странным образом напоминает нам безликие здания той части Чейз-стрит, что спускается к берегу реки и Нейлхауз-роуд. Обшарпанный отель «Нельсон», таверна, обувной магазин, соседние дома, отмеченные горизонтальной полосой, проведенной жирным грифелем реки, дышат той же жуткой, внушающей суеверный страх,

похожей на кошмарный сон полуреальностью, которой окутан черный дом.

В этот момент нашего повествования, да и потом тоже, нам следует помнить, что привкус этой полуреальности, когда не знаешь, то ли все происходит наяву, то ли тебе снится сон, характерен для пограничных территорий. Его можно уловить при переходе из чего-то одного во что-то другое, независимо от того, сколь существенна или несущественна граница. Пограничные территории отличны от всего остального, на то они и Пограничье.

Скажем, вы в первый раз едете по сельской части округа Оустлер в вашем родном штате, чтобы навестить подругу, которая недавно развелась, и, по вашему мнению, совершенно напрасно, покинула ваш маленький городок и переселилась в соседний округ Орелост. На пассажирском сиденье рядом с вами корзинка для пикника, в которой две бутылки превосходного белого бордо обложены контейнерами с самыми разными деликатесами, накрыта картой соответствующей территории. Вы, возможно, не знаете точного местоположения дома вашей подруги, но находитесь на правильном пути и быстро сокращаете разделяющее вас расстояние.

Постепенно ландшафт меняется. Дорога вдруг поворачивает вправо, словно объезжая некое невидимое вам препятствие, потом начинает петлять, превращаясь в серпантин необъяснимых поворотов, с каждой ее стороны деревья подступают все ближе к асфальту, за их искривленными стволами дома становятся все меньше, отступая от дороги. Впереди трехногая собака вылезает из-под изгороди и с лаем бросается на переднее правое колесо. Старуха в молодежной соломенной шляпке и вроде бы в саване устроилась на диване-качелях на крыльце и провожает вас недобрым взглядом красных глаз. Еще через два дома девочка в грязном розовом платье и короне из фольги бросает блестящую, увенчанную звездой волшебную палочку в костер из горящих крышишек. Потом появляется прямоугольный щит-указатель, закрепленный на высоком столбе: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОКРУГ ОРЕЛОСТ». Скоро деревья отступают от асфальтового полотна, дорога выпрямляется. Избавившись от необъяснимой тревоги, вы нажимаете на педаль газа и торопитесь к подруге, встреча

с которой после этого маленького приключения становится еще более желанной.

Пограничье не подчиняется привычным правилам, там все искажено. Абсурдное, непредсказуемое, незаконное укореняется в Пограничье и пышно расцветает. Главный признак Пограничья – соскальзывание в иррациональное. И, любуясь дивными красотами природы, мы одновременно пересекали естественное Пограничье, очерченное великой рекой, а также малыми реками, широкими моренами, утесами из песчаника, долинами, которые остаются невидимыми, как черный дом, пока не взглянешь на них под нужным углом или не столкнешься лицом к лицу.

Вам приходилось видеть разъяренного старика в потрепанной одежде, который катит по улицам города пустую тележку из супермаркета и ругает на чем свет стоит цены на мясо? Иногда на нем бейсболка, иногда глаза закрывают солнцезащитные очки с одним треснувшим стеклом.

Вам приходилось в испуге стоять в дверях своего дома и наблюдать, как мужчина с солдатской выправкой и зигзагообразным шрамом на щеке разгоняет пьяную толпу, чтобы обнаружить, что посреди на земле лежит юноша с разбитой головой и вывернутыми карманами? Вы видели злость и жалость на лице этого человека?

То признаки соскальзывания.

Еще один лежит под нами на окраине Френч-Лэндинга, и, несмотря на весь ужас, который он вызывает, у нас нет выбора, кроме как лицезреть его. Нашим свидетельствованием мы окажем ему честь, насколько это для нас возможно; представ пред нашими глазами, предложив себя нашим молчаливым взглядам, признак этот отблагодарит нас сторицей.

Мы снова поднимаемся на высоту парения орла, и под нами, словно топографическая карта, распростерся округ Френч. Утренние солнечные лучи, уже куда более яркие, освещают зеленые прямоугольники полей, отражаются от громоотводов на крышах амбаров. Озерцами света сверкают редкие легковые автомобили, катящиеся мимо полей в город. Коровы тыкаются мордами в ворота загонов, торопя хозяев вывести их на встречу с доильной установкой.

Достаточно удалившись от черного дома, который явил нам прекрасный пример соскальзывания, мы плывем на восток, пересекаем прямую как стрела Одиннадцатую улицу и попадаем в переходную зону разбросанных домов и частных фирм, миновав которую шоссе номер 35 вырывается в чистое поле. «С семи до одиннадцати» проплывает мимо, Дом ветеранов зарубежных войн, где государственный флаг поднимется на флагштоке еще через сорок пять минут. В одном из жилых домов, чуть отстоящем от дороги, женщина, которую зовут Ванда Киндерлинг, жена Торнберга Киндерлинга, злобного и неумного, отбывающего пожизненное заключение в калифорнийской тюрьме, просыпается, смотрит, сколько водки осталось в бутылке на столике у кровати, и решает, что завтрак можно отложить еще на час. Чуть дальше сверкающие тракторы, выстроившиеся стройными рядами, как солдаты почетного караула, словно отдают честь огромному административному куполу из стали и стекла. Это владения Теда Гольца, «Центр продажи сельскохозяйственной техники», обслуживающий весь округ Френч, куда вскоре явится на работу Фред Маршалл, добропорядочный встревоженный муж и отец. С ним нам предстоит познакомиться в самом скором времени.

За радующим глаз стеклянным куполом и асфальтовым морем стоянки «Гольца» на полмили тянется каменистое поле, которое давно уже не знало плуга, и растут на нем только сорняки. По полю проходит отходящая от шоссе заросшая травой дорога, упирающаяся вроде бы в груды бревен, наваленных между сараем и древней бензоколонкой. Туда нам и надо. Мы скользим над землей. Груда бревен при ближайшем рассмотрении превращается в наклонившееся, обветшалое здание, которое грозит обрушиться при первом порыве ветра. Старый жестяной рекламный щит «Кока-колы» привалился к стене, изрешеченный пулями. На земле – пустые пивные банки и окурки сигарет с фильтром. Изнутри доносится мерное громкое гудение многочисленных мух. Нам хочется подняться в чистый воздух и ретироваться. Дурных впечатлений нам хватило и около черного дома. Там – гнилое место, но это... еще хуже.

Еще один признак соскальзывания состоит вот в чем: это ощущение, что общая ситуация или стала, или в самом ближайшем времени станет хуже.

В полуразрушенном, напоминающем вагон здании, которое мы видим перед собой, раньше находилось плохо управляемое и отличающееся крайней антисанитарией предприятие общественного питания. Называлось оно «Закусим у Эда». Там за всегда грязным прилавком высился огромный, весом 350 фунтов, Эд Гилбертсон, предлагавший немногочисленной клиентуре, в основном местным подросткам, приезжающим на велосипедах, жирные, пережаренные гамбургеры, сэндвичи с майонезом, копченой колбасой и отпечатками своих больших пальцев и стаканчики мороженого. Давно уже ушедший в мир иной, Эд приходился одним из многочисленных дядьев Дейлу Гилбертсону, нынешнему шефу полиции Френч-Лэндинга, и был одной из достопримечательностей города. Его поварской фартук цветом не сильно отличался от сажи, состояние рук и ногтей повергло бы в шок любого заезжего санитарного инспектора, кастрюли и сковороды, вылизывая, чистили исключительно кошки. Под прилавком стояли бачки с мороженым, тающим от жара гриля. Над головой висели клейкие ленты, практически полностью залепленные тысячами мушиных трупиков. Пусть с неохотой, но приходится признавать, что долгие десятилетия в этой точке общепита микробы вольготно жили и множились на полу, прилавке, гриле, колонизировали самого Эда, лопаточку, которой он переворачивал жарящиеся гамбургеры, вилку, которой цеплял их, ложку, которой набирал мороженое, отвратительную еду, которую готовил, и, наконец, попадали во рты и желудки детей, которые все это съедали, а случалось, и мамаш.

Хоть это покажется странным и необъяснимым, но ни один человек не умер, закусив у Эда. После того как хозяин заведения скончался от сердечного приступа, залезши на стул, чтобы наконец повесить над прилавком десяток новых липких лент, ловушек для мух, ни у кого не хватило духу снести этот рассадник антисанитарии. Последние двадцать пять лет гниющая лачуга служила прибежищем романтических парочек и использовалась стайками подростков, решивших впервые в истории, пусть не человечества, а страны, как, во всяком случае, им казалось, познакомиться с дарами Бахуса.

Жужжание мух, доносящееся изнутри, подсказывает нам, что на этот раз в лачуге мы не найдем ни парочку истомленных молодых любовников, ни отключившихся от выпитого подростков. Жужжание

мух, конечно же неслышное с шоссе, указывает, что нам предстоит увидеть более неприятное, едва ли не запредельное, зрелище. Мы даже можем сказать, что зрелище, более свойственное другому, отличному от нашего миру, а потому заведение Эда в каком-то смысле может считаться порталом.

Мы входим. Солнечный свет проникает сквозь многочисленные щели в восточной стене и прохудившейся крыше, желтые полосы лежат на грязном полу, подсвечивая какие-то перья, пыль, песок, многочисленные следы животных и людей. Старые, протертые до дыр, изъеденные молью армейские одеяла кучей свалены у стены слева от нас, пустые банки из-под пива и окурки сигарет с фильтром валяются вокруг керосиновой лампы с треснутым фонарем. Солнечный свет мягко гладит цепочку следов, которые ведут к тому, что осталось от прилавка Эда, и за него, туда, где раньше стояли раковина, плита, полки. Там следы исчезают. По взбитой пыли на полу можно судить, что за прилавком шла нешуточная борьба, а у дальней стены мы видим совсем не истертое армейское одеяло, как нам бы того хотелось. Что-то лежит у стены, частично на грязном полу, частично в луже темной, липкой жидкости. Ошалевшие от радости мухи выются над ней, садятся на нее. Чуть дальше, в углу, дворняга с рыжевато-коричневой шерстью яростно рвет зубами мясо и кость, выступающие из белого предмета, который пес держит передними лапами. Белый предмет – кроссовка. Точнее, кроссовка модели «Нью баланс». Еще точнее, детская кроссовка модели «Нью баланс», пятого размера.

Нам хочется воспользоваться нашей способностью летать и убраться отсюда к чертовой матери. Нам хочется вылететь через крышу и подняться в синее небо, но мы не можем, мы должны засвидетельствовать случившееся. Мерзкий пес жует отрезанную детскую ступню, прилагая все силы, чтобы вытащить ее из кроссовки «Нью баланс». Держит ее передними лапами, вцепившись в ногу зубами, тащит. Тащит, тащит. Но шнурки кроссовки крепко завязаны – дворняге не повезло.

Теперь становится понятным, что у стены, лицом вверх, лежит детское тело, верхняя половина – отдельно, нижняя – в луже темной, липкой жидкости. Одна рука бессильно вытянулась по грязному полу, вторая откинута на стену. Пальцы сжаты. Светлые, цвета соломы волосы откинута с лица. Глаза и рот выражают легкое удивление. Это

особенность строения лица, ничего больше. При жизни, когда девочка спала, ее лицо всегда выражало легкое удивление. Синяки и пятна грязи темнеют на скулах, висках, шее. Белая футболка с эмблемой «Милуокских пивоваров» в грязи и засохшей крови закрывает ее тело от шеи до пупка. Нижняя половина тела, бледная, как дым, за исключением мест, покрытых запекшейся кровью, лежит в темной луже, над которой в экстазе вьются мухи. Бледная, тоненькая левая нога целая, она заканчивается белой, запятнанной кровью кроссовкой «Нью баланс». Шнурки завязаны, мысок смотрит в потолок. А там, где должна быть вторая нога, – пустота, потому что от правого бедра остался вызывающий тошноту обрубок.

Мы видим перед собой третью жертву Рыбака – десятилетнюю Ирму Френо. Волны шока, распространившиеся по округу вчерашним днем после ее исчезновения прямо с тротуара у видеомагазина, значительно усилятся после того, как чуть позже Дейл Гилбертсон наткнется на тело.

Рыбак похитил девочку на Чейз-стрит и доставил (мы не можем сказать как) сюда, миновав Чейз-стрит и Лайлл-роуд, проехав мимо «С семи до одиннадцати» и Дома ВЗВ, мимо дома, где кипит от злости и пьют Ванда Киндерлинг, мимо сверкающего стеклом, напоминающего космический корабль административного блока в «Гольце», через границу между городом и сельской местностью.

Через дверь рядом с пробитым пулями щитом «Кока-колы» Рыбак протащил ее живой. Она, должно быть, сопротивлялась, она, должно быть, кричала. Рыбак прижал ее к дальней стене и заглушил крики ударами в лицо. Вероятнее всего, задушил. Уложил тело на полу, одну руку откинул, вторую прислонил к стене. Раздел от пояса. Снял трусики, джинсы, все, что было на Ирме, когда он ее похищал. Оставил только белые кроссовки «Нью баланс». А потом Рыбак отрезал ее правую ногу. Каким-то длинным, с тяжелым лезвием ножом, обойдясь без топора или пилы. Резал плоть и кость, пока не отделил ногу от тела. И двумя или тремя ударами чуть выше лодыжки отхватил стопу. Отшвырнул, вместе с белой кроссовкой. Стопа Ирмы Рыбака не интересовала – ему требовалась только ее нога.

Вот тут, друзья мои, мы столкнулись с истинным соскальзыванием в иррациональное.

Маленькое, безжизненное тело Ирмы Френо расплющено, словно пытается вжаться в наполовину сгнившие половицы. Жужжат пьяные от крови мухи. Дворняга все пытается вытащить свою вкусную добычу из кроссовки. Если бы нам удалось вернуть к жизни простодушного Эда Гилбертсона и поставить рядом с собой, он бы упал на колени и заплакал. Мы с другой стороны...

Мы здесь не для того, чтобы плакать. В отличие от Эда, который бы в ужасе смотрел на растерзанную девочку, отказываясь верить своим глазам. Что-то страшное и таинственное побывало в этой лачуге, и везде мы видим и чувствуем его следы. Мы прибыли сюда, чтобы наблюдать, фиксировать, сохранять впечатления, последовательные образы^[14], остающиеся за этим неведомым, как хвост – за кометой. Следы говорят за чудовище, а потому оно словно рядом, а потому оно окружает нас. Увиденное нами несет в себе что-то безмерно важное, и эта важность смиряет нас. Покорность – наша самая лучшая, самая оптимальная первая реакция. Без нее мы можем упустить главное, страшная тайна ускользнет от нас, мы пойдем дальше, слепые и глухие, невежественные, как свиньи. Не стоит нам превращаться в свиней. Мы должны отдать должное этой сцене: жужжащие мухи, собака, рвущая стопу, бедное, бледное тельце, безмерность произошедшего с Ирмой Френо... признание собственной ничтожности. В сравнении со всем этим мы – клочок дыма.

Толстый шмель залетает в пустую оконную раму в задней стене, в шести футах от тела Ирмы, и по кругу медленно облетает ту часть лачуги, где лежит Ирма. Подвешенный на пребывающих в непрерывном движении крыльях, шмель выглядит слишком тяжелым для того, чтобы летать, однако летит, вроде бы не прилагая к этому никаких усилий, неспешно кружит над залитым кровью полом. Мухи, дворняга и Ирма не обращают на него внимания.

Для нас, однако, шмель, который продолжает удовлетворенно жужжать, паря над камерой ужасов в дальней части лачуги, более не является приятным отвлечением, он встроился в окружающую нас таинственность. Он стал неотъемлемой частью упомянутой выше сцены, тоже требует от нас смирения и по-своему объясняет случившееся. Мощное, густое жужжание его крыльев, кажется,

является эпицентром более высокого звукового фона, создаваемого жадными мухами. Как солист с микрофоном, стоящий впереди хора, шмель контролирует этот фон. Звук набирает силу, концентрируется. Когда шмель попадает в солнечный луч, проникший в лачугу через щель в восточной стене, полоски его туловища блестят черным и золотым, крылышки начинают напоминать лопасти вентилятора, насекомое превращается в удивительное, плывущее по воздуху чудо природы. Убитая девочка распостерта на залитых кровью половицах. Наше смирение, наше чувство ничтожности, наше осознание значимости всего того, что мы видим, позволяет ощутить силы, которые нам не дано понять, силы гигантских масштабов, которые всегда присутствуют и всегда действуют, но открываются простым смертным лишь в такие знаковые моменты.

Нам оказана честь, но честь эта – невыносимо тяжелая ноша. Говорящий шмель, завершая очередной круг, возвращается к окну и улетает в другой мир, и мы следуем за ним, в окно, к солнцу и воздушным высотам.

Запахи говна и мочи в «Центре Макстона по уходу за престарелыми»; едва уловимое ощущение соскальзывания в заброшенном доме к северу от шоссе номер 35; жужжание мух и запах крови в лачуге, где раньше находилась забегаловка «Закусим у Эда». Брр! Фу! Есть ли во Френч-Лэндинге хоть одно спокойное, тихое местечко? Где видимое глазом является именно тем, что есть на самом деле?

Ответ короток: нет. На всех дорогах и тропах, ведущих во Френч-Лэндинг, следует поставить знаки-указатели: «БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ! ИДЕТ СОСКАЛЬЗЫВАНИЕ! ВХОДЯЩИЙ СИЛЬНО РИСКУЕТ, ВОЗМОЖНО, И ЖИЗНЬЮ!»

Здесь действует магия Рыбака. Она пусть временно, но исключает такие понятия, как тихое, спокойное, милое. Но мы можем найти островок относительного спокойствия, потому что нам надо передохнуть. Мы, возможно, не сможем убежать от соскальзывания, но нам по силам отправиться туда, где никто не срет прямо в постели и не заливает кровью пол (во всяком случае, пока).

Пусть шмель летит своим путем, а мы – своим, и наш ведет на юго-запад, опять над лесами, дарящими жизнь и кислород, ведь нет

другого такого воздуха, как над лесом, во всяком случае в этом мире, а потом вновь возвращаемся к людям.

Эта часть города называется Либертивилль. Так окрестил ее городской совет Френч-Лэндинга в 1976 году. Вы не поверите, но толстопузый Эд Гилбертсон, этот король хот-догов, в середине прошлого столетия избирался членом городского совета. Странные то были времена, воистину странные. Хотя все-таки не столь странные, как эти, рыбные дни Френч-Лэндинга, склизкие дни соскальзывания в иррациональное.

Улицы Либертивилля носят названия, которые взрослым кажутся очень красочными, тогда как дети их не понимают.

Некоторые из них даже окрестили эту часть города Древневилль. Мы спускаемся вниз, сквозь сладкий утренний воздух (уже заметно потеплело, удачный выдался денек для Клубничного фестиваля). Молча плывем над Камелот-стрит до перекрестка с Авалон, следуем по Авалон до Мейд-Мариан-уэй. А уж Мейд-Мариан-уэй приводит нас, что неудивительно, к Робин-Гуд-лейн.

Здесь, в номере 16 (милый, уютный домик, в котором может жить только добропорядочная, трудолюбивая семья, непрерывно поднимающаяся по ступенькам благосостояния), на кухне открыто окно. Из него тянет запахами кофе и гренок, удивительного сочетания, которое напрочь отрицает само существование соскальзывания (да только мы знаем, что оно существует, мы видели дворнягу, пытающуюся вытащить детскую ногу из кроссовки, как ребенок вытаскивает сосиску из хот-дога), и летим на запахи. Как это здорово – быть невидимыми! Наблюдать в нашем божественном молчании. Если бы только наши божественные глаза не видели столько ужаса! Но не будем о грустном. Мы уже на кухне, хорошо это или плохо, но пора заниматься делом. Не будем попусту тратить время, в здешних краях таких не жалуют.

На кухне дома номер 16 мы видим Фреда Маршалла, чья фотография красуется на стенде «Продавец месяца» в демонстрационном зале «Центра продажи сельскохозяйственной техники» округа Френч. Фред также три года из четырех признавался «Продавцом года» (два года назад Тед Гольц признал лучшим Отто Эйсмана, чтобы потеснить его монополию), и на работе он – само радушие и обаяние, без труда предугадывает желания клиента. Вы

желаете, чтобы вас быстро и качественно обслужили? Господа, позвольте представить вам Фреда Маршалла.

Только сейчас располагающая к себе улыбка стерта с лица, а волосы, для работы столь аккуратно причесанные, этим утром еще не встретились с расческой. На нем шорты «Найк» и футболка с обрезанными рукавами, а не выглаженные брюки цвета хаки и спортивная рубашка. На столике у плиты лежит утренний номер «Ла Ривьера геральд», раскрытый на внутренних страницах.

В последнее время у Фреда появились проблемы... вернее, проблемы появились у его жены, Джуди. Но ведь все то, что ее, одновременно и его (так говорил священник, связавший их узами брака), и статья, которую Фред читает стоя, не поднимает ему настроения. Скорее наоборот. Это продолжение статьи с первой полосы, и, разумеется, ее автор – известный всем грязекопатель Уэнделл Грин, пишущий на этот раз, само собой, о «Рыбаке, который по-прежнему гуляет по Френч-Лэндингу».

Продолжение посвящено главным образом двум первым убийствам; читая, Фред сгибает и разгибает сначала правую ногу, потом левую, готовя мышцы бедер к утренней пробежке. Утренняя пробежка – какое уж тут соскальзывание? Что может быть лучше? Разве что-нибудь может испортить такое удачное начало прекрасного висконсинского дня?

Выходит, что может. Например, это:

«У Джонни Иркенхэма были самые обычные мечты, сообщает нам его убитый горем отец («Убитый горем отец, – повторяет про себя Фред Маршалл и думает о сыне, спящем наверху. – Господи, спаси меня от роли убитого горем отца», – молит он, не подозревая, как скоро он окажется именно в этой самой роли). – Джонни хотел стать астронавтом. – На мгновение на измученном лице вспыхивает улыбка. – Когда не помогал тушить пожары пожарной команде Френч-Лэндинга и не боролся с преступностью вместе с Американской лигой справедливости.

Эти невинные мечты оборвал кошмар, которого мы не можем себе и представить («Но ты, я уверен, пытался», – думает Фред, приподнимаясь на пальцах и вновь опускаясь на пятки). В начале этой недели его расчлененное тело нашел Спенсер Ховдал, проживающий в Сентралии. Ховдал, сотрудник кредитного отдела Первого

фермерского банка, обследовал заброшенную ферму, расположенную на территории Френч-Лэндинга и принадлежащую Джону Эллисону из соседнего округа. Надо было определить, следует ли начинать судебный процесс по отчуждению собственности за долги. «Я вообще не хотел туда ехать, – рассказал Ховдал Вашему корреспонденту. – Если я что-то и ненавижу, так это отчуждение собственности должников (Фред достаточно хорошо знает Спенса Ховдала, чтобы усомниться, что тот ненавидит забирать собственность за долги). И еще больше пожалел, что приехал, после того, как заглянул в курятник. Я бы и не заглянул, если бы не назойливое жужжание пчел. Пчелы – моя страсть, вот я и любопытствовал, а чего они жужжат. Господи, как же Ты наказал меня. Навек отбил охоту любопытствовать».

В курятнике он нашел тело семилетнего Джона Уэсли Иркенхэма. Расчлененное тело, фрагменты которого свисали с полусгнивших стропил курятника на цепях. Хотя начальник полиции не подтвердил и не опроверг эту информацию, надежные источники в полиции Ла Ривьера сообщили, что на бедрах, торсе и ягодицах обнаружены следы укусов...»

Этого Фреду хватает с лихвой. Он складывает газету и отодвигает к «Мистеру Кофе»^[15]. Господи, во времена его детства такого в газетах не печатали. И почему, скажите на милость, Рыбак? Зачем нужно присваивать звонкое прозвище каждому монстру, превращать его в «Психа месяца»?

Разумеется, ничего такого не случилось, когда он был таким же мальчишкой, как Тайлер, но принцип... этот чертов принцип...

Фред больше не приподнимается на пальцах, он твердит себе, что нужно поговорить с Тайлером. Это будет непростой разговор, похлеще доверительной беседы, почему его штучка иногда твердеет, но без этого не обойтись. «Дружеская порука, – скажет сыну Фред. – Круг друзей. Ты должен все время быть с друзьями, Тай. Пока никаких прогулок в одиночку, идет?»

Однако мысль, что Тая могут убить, кажется Фреду абсурдной. Это уже из области телевизионной документалистики или фильма Уэса Крейвена. Под названием «Крик-4: Рыбак». Кстати, а не было ли такого фильма? Человек в непромокаемом рыбацком плаще шляется по округе и убивает детей гарпуном. Может, не таких маленьких детей,

как Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэм. Господи, мир разваливается прямо на глазах.

Фрагменты тела, подвешенные на цепях в курятнике, – эта картинка теперь будет преследовать его. Неужели такое может быть? Здесь, прямо здесь и сейчас, в стране Тома Сойера и Бекки Тэтчер?

Ладно, хватит об этом. Пора на пробежку.

«А может, сегодняшней газете стоит затеряться, – думает Фред, берет газету, складывает ее до формата книги в обложке (но часть заголовка остается на виду: «РЫБАК ПО-ПРЕЖНЕМУ Г...»). – Может, газета сама по себе... ну, в общем, каким-то образом сразу угодила в мусорный контейнер за домом».

Да, хорошая идея. Потому что Джуди последнее время стала какая-то странная, а статьи Уэнделла Грина о Рыбаке, от которых волосы встают дыбом, не способствуют восстановлению душевного равновесия («Бедрa и торс со следами укусов, – думает Фред, направляясь к двери погруженного в утреннюю тишину дома, – и раз уж мы коснулись этой темы, официант, попросите их отрезать для меня сочный кусок ягодицы»). Она просто не может оторвать глаз от этих статей, она никак их не комментирует, но Фреду не нравятся ее бегающие глаза и другие вдруг появившиеся навязчивые привычки: например, она то и дело касается языком верхней губы... а еще, в последние два-три дня он видел, как она поглаживала языком желобок верхней губы, практически доставая до носа. Он бы не поверил, что такое возможно, если бы не наблюдал этот «подвиг» прошлым вечером, во время телевизионного информационного выпуска «Местное время». Она ложится спать все раньше и раньше и иногда говорит во сне... произносит какие-то странные, тягучие слова, вроде бы и не английские. Иногда, когда Фред обращается к ней, не реагирует, просто смотрит в никуда, широко раскрыв глаза, шевеля губами, крепко сцепив руки. Так крепко, что на них появляются царапины, хотя ногти она стрижет коротко.

Тай тоже заметил странности в поведении матери. В субботу, когда отец и сын сидели за ленчем, Джуди ушла наверх, теперь она частенько спала и днем, мальчик неожиданно спросил:

– Что-то не так с мамой?

– Тай, с мамой все...

– Не все! Томми Эрбтер говорит, что у нее поехала крыша.

Он едва не перегнулся через тарелки с томатным супом и сэндвичем с сыром, чтобы ударить сына. Своего единственного ребенка! Милого, доброго Тая, который тревожился из-за матери. «Господи, помоги ему», – подумал Фред.

Выйдя за дверь, уже на бетонной дорожке, ведущей к улице, Фред ускоряет шаг, набирая полную грудь воздуха и тут же выдыхая его, вентилируя легкие. Обычно для него это лучшее время дня (не считая того, когда он и Джуди занимаются любовью, но теперь это случается крайне редко). Ему нравится представлять себе, что эта дорожка может вывести его куда угодно. Он стартует в Либертивилле, части Френч-Лэндинга, а финишировать может в Нью-Йорке... Сан-Франциско... Бомбее... на горных перевалах Непала. Каждый шаг за дверью собственного дома приглашает его в большой мир (может, во Вселенную), интуитивно Фред Маршалл чувствует, что так оно и есть. Он продает тракторы «Джон Дир» и культиваторы «Кейс», все так, но при этом он не лишен воображения. Когда он и Джуди учились в Висконсинском университете в Мэдисоне, первые свидания проходили в кафетерии, расположенном рядом с кампусом. Назывался кафетерий «Шоколадный контрабас», и бал там правили эспрессо, джаз и поэзия. Поэтому не будет сильным преувеличением утверждение, что они влюбились друг в друга под сердитые пьяные голоса, читающие стихи Аллена Гинсберга^[16] или Гэри Снайдера^[17] в микрофон дешевой, но очень уж громкой звуковой системы «Шоколадного контрабаса».

Еще один глубокий вдох, Фред переходит на бег. Вниз по Робин-Гуд-лейн к Мейд-Мариан-уэй, где машет рукой Деку Первису. Дек в халате и шлепанцах как раз поднимает с крыльца утреннюю дозу обреченности, прописанную Уэнделлом Грином. Потом Том сворачивает на Авалон, прибавляет скорость, показывая пятки ясному утру.

Но он не может обогнать свои тревоги.

«Джуди, Джуди, Джуди», – думает он голосом Кэри Гранта (их маленькая семейная шутка, которая уж давно как упрятана в дальний ящик).

Галиматья, слетающая с губ, когда она спит. Метающийся из стороны в сторону взгляд. И опять же тот случай (все-то прошло три дня), когда он шел за ней на кухню и не нашел ее там...

А появилась она у него за спиной, спустившись по лестнице. Как она это проделала, не имело особого значения в сравнении с вопросом: зачем? Она, конечно же, тихонько поднялась по лестнице черного хода, а потом с грохотом сбежала по основной лестнице (именно так и поступила, по-другому просто быть не могло). Постоянные странные похлопывания и эти движения языком. Фред знает, что все это означает: Джуди ведет себя как женщина, которую обуял ужас. Только началось все это до убийства Эми Сен-Пьер, то есть причина ужаса – не Рыбак, точнее, не только Рыбак.

И есть еще нюанс. Двумя неделями раньше Фред сказал бы любому, что его жене незнакомо чувство страха. И пусть роста в ней всего пять футов и два дюйма («Ой, да она у тебя просто Дюймовочка», – высказала свое мнение его бабушка, когда он познакомил Джуди со своими родственниками), у Джуди сердце льва, викинга. Это не чушь, не гипербола, не образное выражение, это чистая правда. И контраст между тем, что он всегда знал, и тем, что видит теперь, пугает Фреда больше всего.

С Авалона он направляется на Камелот, минует перекресток, не притормозив, не посмотрев, не едет ли кто справа или слева, бежит быстрее, чем обычно, не трусцой, а прямо-таки как спринтер. Вспоминает одно происшествие, имевшее место быть примерно через месяц после того, как они начали встречаться.

Как обычно, они поехали в «Шоколадный контрабас», только не вечером, а в три часа дня, чтобы послушать джаз-квартет, который им очень нравился. Как теперь вспоминает Фред, квартет они особо не слушали, он главным образом говорил Джуди, как ему не нравится сельскохозяйственный колледж (Му-у, как называли его снобы, выбравшие будущей профессией научно-технические специальности или искусство), в котором ему приходится учиться, а также пусть невысказанное, но твердое желание семьи видеть его после получения диплома на семейной ферме во Френч-Лэндинге. Мысль о том, что всю жизнь ему придется пахать в одной упряжке со старшим братом Филом, вгоняла Фреда в депрессию.

«А что же ты хочешь?» – спросила тогда Джуди, взяв его за руку. Они сидели за столом, горела свеча, квартет играл «Я буду там ради тебя».

«Не знаю, – ответил он, – но вот что я тебе скажу, Джуди. Мне следовало учиться в колледже менеджмента, а не в Му-у. С продажами у меня дела бы пошли куда лучше, чем с севом».

«Так почему тебе не перейти?»

«Потому что моя семья считает...»

«Твоей семье не придется жить за тебя, Фред... это твоя жизнь».

«Разговор-то был ни о чем», – думает он, вспоминая. Зато на обратном пути произошло событие, которое продолжает изумлять его и теперь, тринадцать лет спустя.

Они по-прежнему обсуждали его и их общее будущее («Я согласна стать женой фермера, – сказала тогда Джуди, – но лишь при условии, что мой муж действительно хочет стать фермером»). Увлечлись разговором. Шли и шли, позволив выбирать дорогу ногам, а не голове. А потом, на перекрестке Стейт и Горхэм-стрит визг тормозов и грохот металла прервали их разговор. Фред и Джуди оглянулись и увидели, что «додж»-пикап «поцеловался» бампером со стареньким «фордом»-универсалом.

Из «форда», который явно проскочил знак «стоп» на выезде из Горхэм-стрит без остановки, вылезал мужчина средних лет в старомодном коричневом костюме. Выглядел он очень испуганным, и, как подумал Фред, не без причины. К нему приближался водитель пикапа, молодой и здоровый парень (особенно Фреду запомнился живот, нависающий над джинсами), с монтировкой в руке. «Ах ты, гребаный козел! – кричал Молодой и Сильный. – Посмотри, что ты сделал с моим пикапом! Это пикап моего отца, гребаный козел!»

Старомодный Костюм пятился, широко раскрыв глаза, поднимая руки. Фред, наблюдая за ними (они с Джуди стояли перед витриной магазина «Скобяные товары Рикмана»), думал: «Нет, мистер, это плохая идея. Нельзя уходить от такого парня, как этот, надо идти к нему, пусть он и чертовски зол. А так вы его провоцируете... неужели вы не понимаете, что провоцируете его?» Его зачаровало происходящее на перекрестке, и он даже не заметил, что больше не держит Джуди за руку. Он слушал бормотание все пятящегося Старомодного Костюма. Тот лепетал, что это его вина... не посмотрел... задумался... страховка... Фермерский банк... нарисовать схему... вызвать полицию...

И все это время Молодой и Сильный надвигался, похлопывая монтировкой по ладони левой руки, ничего не слушая. Какая страховка, какая компенсация, если Старомодный Костюм до смерти напугал его, когда спокойно ехал, никому не мешал и слушал Джонни Пейчека. Молодой и Сильный намеревался рассчитаться за испуг... да и запах страха и незащитности, идущий от Старомодного Костюма, все больше превращал его в зверя. Классический случай кролика и овчарки. Как только пятиться кролику будет некуда... И вот мистер Старомодный Костюм уперся спиной в свой «универсал», монтировка начала подниматься.

Но успела только подняться – не опустилась, не пролила кровь. Потому что Джуди Делуа, миниатюрная, как Дюймовочка, уже стояла между ними, бесстрашно глядя в лицо Молодому и Сильному.

Фред моргнул, гадая, каким образом она столь быстро там очутилась (через много лет у него возникнет тот же вопрос, когда он последует за ней на кухню, чтобы услышать, как она сбегает с лестницы позади него). А тогда? Тогда Джуди ударила Молодого и Сильного по руке! Шлепнула сильно и звонко, так, что на массивном бицепсе, чуть ниже рукава поношенной синей футболки, отпечаталась вся ее ладошка. Фред все это видел, но просто не мог поверить своим глазам.

«Прекрати! – заорала Джуди прямо в удивленное лицо Молодого и Сильного. – Опустит эту штуковину, немедленно! Ты что, совсем одурел? Хочешь сесть в тюрьму из-за помятой железяки, которую тебе поменяют за семьсот долларов? Опустит эту штуковину! Ты слышишь меня, здоровяк? Опустит... эту... ШТУКОВИНУ!»

На мгновение Фреду показалось, что Молодой и Сильный таки опустит монтировку, но аккуратно на голову его красивой миниатюрной подруги. Но Джуди не отступила, продолжала смотреть в глаза парня с монтировкой, который возвышался над ней на добрый фут, а весом превосходил на сотню фунтов. И уж она точно не источала запаха страха, ее язык не скользил по верхней губе или губному желобку, сверкающие глаза смотрели прямо, а не бегали из стороны в сторону.

И мгновение спустя Молодой и Сильный опустил монтировку.

Фред даже не подозревал о том, что на тротуаре собралась толпа, пока не услышал спонтанные аплодисменты трех десятков зевак. Присоединился к ним и он, испытывая невероятную гордость

за Джуди. И тут впервые на лице девушки отразилось некоторое недоумение. Словно она сама не понимала, как оказалась в такой ситуации. Но с места не сдвинулась. Более того, ухватив мистера Старомодный Костюм, подтащила к себе, буквально заставила их обменяться рукопожатиями. А когда прибыли копы, Молодой и Сильный и мистер Старомодный Костюм сидели бок о бок на каменном бордюре и изучали страховые полисы. Инцидент был исчерпан.

Фред и Джуди, держась за руки, направились к кампусу. Два квартала Фред молчал. Восторгался ею? Скорее всего да. Наконец сказал: «Это было потрясающе».

Она смущенно посмотрела на него, мило улыбнулась. «Нет, – возразила Джуди. – Если ты хочешь как-то охарактеризовать мое поведение, считай, что это гражданский поступок. Я же видела, что этот парень вот-вот посадит себя в тюрьму. Мне этого не хотелось. А второй мог получить серьезные увечья».

Но произнесла она эти слова после короткой паузы, словно оправдываясь, и Фред впервые понял, что, кроме смелости, у нее и неколебимое сердце викинга. Она встала на сторону Молодого и Сильного, потому что... ну, потому что второй человек перепугался.

«Ты не подумала, чем это может закончиться, а? – спросил он ее. Потрясенный увиденным, он тогда еще не сообразил, что должен испытывать стыд: в конце концов, его подруга совершила некое действие, тогда как он остался стоять столбом, хотя законы Голливуда требовали обратного. – Ты не боялась, что в состоянии аффекта этот парень может врезать монтировкой тебе?»

Джуди отвела глаза. «Мне это и в голову не приходило», – ответила она.

Камелот в конце концов добирается до Чейз-стрит, откуда в такие ясные дни, как этот, видна Миссисипи, но Фред так далеко не бежит. У Либерти-Хейтс поворачивает и возвращается тем же маршрутом, в мокрой от пота футболке. Обычно пробежка поднимает ему настроение, но не сегодня, во всяком случае, пока не подняла. Бесстрашная Джуди перекрестка Стейт и Горхэм-стрит так не похожа на Джуди, которая сейчас живет в его доме, с бегающими глазками, иногда бормочущую что-то бессвязное, спящую днем, царапающую

руки ногтями, что Фред даже переговорил об этом с Пэтом Скардой. Вчера, когда док заглянул в «Гольц», чтобы посмотреть самоходные газонокосилки.

Фред показал ему пару, «Дир» и «Хонду», осведомился о здоровье близких, потом спросил (он надеялся, ненавязчиво): «Эй, док, скажите мне... как по-вашему, может человек сразу сойти с ума? Безо всякого предупреждения, раз – и готово?»

Скарда пристально глянул на него, что не очень понравилось Фреду.

«Вы говорите о подростке или взрослом, Фред?»

«Ну, я говорю вообще, так сказать, в принципе. – Громкий смех, прозвучавший неубедительно даже для его собственных ушей, судя по выражению лица Пэта Скарды, не убедил того, что вопрос чисто теоретический. – Не о реальном человеке. Но раз вы так ставите вопрос, давайте считать, что речь идет о взрослом».

Скарда на мгновение задумался, потом покачал головой: «В медицине есть всего несколько абсолютных истин, в психиатрии и того меньше. Так вот, должен сказать вам, по моему разумению, вероятность того, что человек может в один миг сойти с ума, как вы говорите, «раз – и готово», ничтожно мала. Это может быть достаточно быстрым процессом, но все-таки процессом. Мы слышим, как люди говорят: «Такой-то вдруг свихнулся», – но это лишь слова. Расстройства психической деятельности, неврозы или психозы, растянуты во времени, и есть признаки, по которым можно судить об их появлении. Как себя чувствует ваша мама, Фред?»

«Мама? О, нормально. С ней все в порядке».

«А Джуди?»

Ему потребовалась секунда, чтобы изобразить улыбку, зато получилась она во все тридцать два зуба.

«Джуди? И у нее все в порядке, док. Разумеется, в порядке. Как всегда, цветет и пахнет».

Само собой. Как всегда, цветет и пахнет. За исключением нескольких признаков.

«Может, все пройдет, – думает он. Старые, добрые эндорфины^[18] наконец-то сделают свое дело, и все сразу покажется не таким уж страшным. Оптимизм – нормальное состояние для Фреда, который не верит в соскальзывание в иррациональное. На губах появляется

легкая улыбка, первая за день. – Может, все пройдет. Может, то, что с ней происходит, уйдет так же быстро, как и пришло. Может, это что-то вроде месячных».

Господи, как же хочется, чтоб все образовалось. И еще надо думать о Тае. Он должен поговорить с Таем о дружеской поручке, поскольку, пусть Фред и не верит гипотезе Уэнделла Грина о том, что по какой-то неведомой причине в округе Каули объявился призрак Альберта Фиша^[19], знаменитого людоеда, жившего в начале прошлого века, которым до сих пор пугают детей, кто-то здесь определенно объявился и этот кто-то убил маленьких девочку и мальчика и сотворил что-то невыразимое словами (если только ты – не Уэнделл Грин) с их телами.

«На бедрах, торсе и ягодицах следы укусов», – думает Фред и бежит быстрее, хотя уже начало колоть в боку. Слова эти крутятся и крутятся в голове, но он не верит, что все эти ужасы могут коснуться его сына, не понимает, как они могли вызвать странности в поведении Джуди, тем более что они появились, когда Эми Сен-Пьер была еще жива, Джонни Иркэнхэм тоже, и они оба весело играли во дворах своих домов.

Может, все так. Может – нет... но оставим Фреда и его тревоги, хорошо? Выскользнем из его головы и обгоним его на пути к дому 16 по Робин-Гуд-лейн... отправимся напрямиком к источнику его тревог.

Окно супружеской спальни на втором этаже открыто, сетка от мошкары, конечно же, не помеха, так что мы влетаем в спальню с ветерком и первыми звуками просыпающегося дня.

Звуки просыпающегося Френч-Лэндинга не будят Джуди Маршалл. Отнюдь. Она лежит без сна с трех часов ночи, выискивая в тенях не пойми что, убегая от снов, слишком ужасных, чтобы вспоминать их. Однако кое-что помнит, хоть ей этого ой как не хочется.

– Опять видела глаз, – сообщает она пустой комнате. Ее язык вываливается изо рта, и раз уж Фред не наблюдает за ней (она знает, что он наблюдает, она одержима, но не глупа), не просто дотрагивается языком до губного желобка, но часто-часто проходится по нему языком, совсем как собака, которая облизывается, вычистив миску. – Красный глаз. Его глаз. Глаз Короля.

Она смотрит на тени, отбрасываемые растущими у дома деревьями. Они пляшут по потолку, образуя причудливые тела и лица, лица и тела.

– Глаз Короля, – повторяет Джуди и теперь смотрит на свои сцепленные руки с впившимися в кожу ногтями. – Аббала! Лисы в лисьих норах! Аббала-дун, Алый Король! Крысы в крысиных норах! Аббала Маншан! Король в своей башне, ест хлеб и мед! Разрушители в подземелье делают ему деньги!

Она мотает головой из стороны в сторону. О, эти голоса, они приходят из темноты, а иногда, просыпаясь, она видит перед собой то, что ей только что снилось, огромную Темную Башню, возвышающуюся на поле из роз. Поле крови. Затем начинается говорильня, на разных языках, заявления, слова, которые она не понимает и уж тем более не контролирует, смесь английского и белиберды.

– Плестись, плестись, плестись, – говорит она. – Малыши плетутся на сбитых в кровь ножках... о господи, неужели это никогда не закончится?

Язык вновь вылезает изо рта и облизывает желобок. В голове грохочет: «Аббала, Аббала-дун, Кан-та Аббала...»

Эти ужасные незнакомые слова, эти ужасные образы Башни и горячих пещер под ней, пещер, по которым устало тащатся дети на кровоточащих ножках. Ее голова заполнена ими, и есть только один способ заставить их остановиться, один способ обрести покой.

Джуди Маршалл садится. На столике у кровати лампа, последний роман Джона Гришэма, маленький блокнот (подарок Тая на день рождения, на каждой странице заголовок: «ВОТ ЕЩЕ ИДЕЯ, КОТОРАЯ У МЕНЯ ВОЗНИКЛА!») и шариковая ручка с надписью «ЛА РИВЬЕРА ШЕРАТОН» на корпусе.

Джуди хватает блокнот и пишет: «Нет Аббалы нет Аббалы-дуна нет Башни нет Разрушителей нет Алого Короля все это сны все это мои сны».

Этого достаточно, но ручки – это ведь дороги неведомо куда, и прежде чем Джуди удастся оторвать ручку от страницы подарочного блокнота, она записывает еще пару строк: «Черный дом дверь к Аббале вход в ад Шеол Маншан все эти миры и души...»

Хватит! Боже милостивый, хватит! И самое ужасное: а вдруг все это начнет обретать смысл?

Джуди бросает ручку на стол, та катится и замирает у подставки лампы. Потом вырывает листок из блокнота, сминает, засовывает в рот. Яростно жует, не разрывает, но хотя бы превращает в кашицу, проглатывает. На мгновение бумажный комок застревает в горле, но наконец проскальзывает вниз по пищеводу. Джуди, обессиленная, откидывается на подушку. Лицо бледное и потное, глаза полны слез, но в тених на потолке она больше не видит лиц, лиц плетущихся детей, или крыс в крысиных норах, или лис в лисьих норах, или глаза Короля, Аббала, Аббала-дун! Теперь это снова тени деревьев. Она – Джуди Делуа Маршалл, жена Фреда, мать Тая. Это Либертивилль, это Френч-Лэндинг, это Висконсин, это Америка, это Северное полушарие, это мир, и нет никакого другого мира, кроме этого. Пусть так будет.

Господи, пусть так будет.

Джуди закрывает глаза, и когда она наконец погружается в сон, мы пересекаем спальню, направляясь к двери. Но прежде чем добираться до нее, Джуди произносит еще две фразы... произносит в тот самый момент, когда пересекает границу между бодрствованием и сном:

– Бернсайд – не твое имя. Где твоя нора?

Дверь в спальню заперта, поэтому мы пользуемся замочной скважиной, просачиваемся, как выдох. Продвигаемся по коридору мимо фотографий родственников Джуди и Фреда, мимо одной фотографии на семейной ферме Маршаллов, где Фред и Джуди провели ужасный, но, к счастью, короткий период времени вскоре после свадьбы. Хотите добрый совет? Не заговаривайте с Джуди Маршалл о брате Фреда, Филе. Не заводите ее, как всенепременно сказал бы Джордж Рэтбан.

В двери в конце коридора замочной скважины нет, поэтому мы проползаем под дверью, как телеграмма, и сразу понимаем, что попали в комнату мальчика. Об этом нам говорят смешанные запахи грязных спортивных носков и крема для ног. Она маленькая, эта комната, но кажется больше, чем спальня Джуди и Фреда, потому что в ней нет тревожной ауры. На стенах фотографии Шакила О'Нила, Джереми Барница, «Милуокских оленей»^[20] и... идола Тайлера Маршалла – Марка Макгуайра. Макгуайр играет за «Сент-Луис Кардинал»,

«Кардиналы» – это соперники, но, черт побери, «Милуокские пивовары» ни на что особо не претендуют. О «Пивную команду» вытирают ноги в Американской лиге, о «Кардиналов» – в Национальной^[21]. Но Макгуайр... он – герой, не так ли? Сильный, скромный и может отбить бейсбольный мяч на целую милю. Даже отец Тайлера, который болеет только за висконсинские команды, согласен с тем, что Макгуайр – это уникал. «Величайший бэттер в истории игры» – так он охарактеризовал Макгуайра после сезона, в котором тот сделал семьдесят круговых пробежек. Тайлер тогда был совсем маленьким, но эти слова запомнил.

Также на стене в комнате маленького мальчика, которому скоро суждено стать четвертой жертвой Рыбака (ведь мы уже знаем, на его счету три жертвы), на самом почетном месте, за изножьем, висит рекламный плакат туристического агентства, где изображен огромный темный замок, высящийся над чуть затянутым туманом лугом. Вдоль нижнего среза плаката, приклеенного к стене скотчем (мама Тая не разрешает портить стены кнопками), надпись: «ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ В ОЛД СОД» – большими зелеными буквами. Тай давно уже подумывает о том, чтобы отрезать надпись. Он держит плакат на стене не потому, что ему нравится Ирландия. Для него этот плакат символизирует что-то другое, что-то Совсем Иное. словно фотография какого-то прекрасного, волшебного королевства, где по лесам бродят единороги, а в пещерах живут драконы. Ирландия тут ни при чем; как и Гарри Поттер, этот замок – из королевства Совсем Иного. Его Тайлер Маршалл видит прежде всего – и когда просыпается по утрам, и когда засыпает по вечерам. И вполне этим доволен.

Он свернулся калачиком на боку, в одних трусах, человек со спутанными светлыми волосами и большим пальцем, застывшим у самого рта, может, в каком-то дюйме. Ему что-то снится: мы видим, как глазные яблоки двигаются под закрытыми веками. Его губы шевелятся... он что-то шепчет... Аббала? Он шепчет слово своей матери? Нет, конечно, но...

Мы наклоняемся ниже, но, прежде чем нам удастся что-то услышать, таймер включает красный радиоприемник со встроенными в него часами, и мгновенно комнату заполняет голос Джорджа Рэтбана, вырывая Тайлера из сна:

– Друзья, вы должны послушать меня, пусть я и говорил вам об этом много раз. Если вы не бывали в мебельных магазинах братьев Хенрайд во Френч-Лэндинге и Сентральной, значит, вы не знаете, что такое мебель. Вот уж где вы увидите колониальный стиль во всей его красе. И не только. Гостинные гарнитуры, столовые, спальни, знаменитые фирмы, продукции которых вы можете доверять. «Лей-зи-бой», «Бретон вудз», «Музхед». **ДАЖЕ СЛЕПОЙ СМОЖЕТ УВИДЕТЬ, ЧТО «БРАТЯ ХЕНРАЙД» ОЗНАЧАЕТ КАЧЕСТВО!**

Тай Маршалл смеется еще до того, как открывает глаза. Он любит Джорджа Рэтбана, Джордж – парень что надо.

И тут же, не делая паузы после рекламы, Джордж продолжает:

– Вы уже подготовились к «Пивному конкурсу», не так ли? Отправили мне открытки с именем, адресом и el telefono?^[22] Надеюсь, что да, поскольку срок истек в полночь. Кто не успел... тот опоздал. Очень сожалею.

Тай закрывает глаза и трижды произносит одно слово: «Дерьмо, дерьмо, дерьмо». Он, конечно же, забыл и надеяться может только на отца, который знает о забывчивости сына и мог отправить открытку на участие в конкурсе за него.

– Первый приз? – вещает Джордж. – **ЕДИНСТВЕННЫЙ** шанс для вас или кого-то из ваших лучших друзей стать бэтбоем или бэтгерл^[23] на всех играх с Цинциннати. **ЕДИНСТВЕННЫЙ** шанс получить биты с автографом Ричи Секссона, кусок **ДЕРЕВА**, в который упрятана **МОЛНИЯ!** Не говоря уже о пятидесяти местах около первой базы, рядом со мной, Джорджем Рэтбаном, выездным колледжем бейсбольных знаний округа Каули. **НО ЗАЧЕМ Я ВАМ ВСЕ ЭТО ГОВОРЮ?** Если вы не отправили открытку, то уже опоздали. Дело закрыто, игра закончена, застегивайте молнию на ширинке! О, я знаю, почему вспомнил об этом – чтобы вы в следующую пятницу настроились на мою волну в надежде услышать, как я называю в прямом эфире **ВАШУ ФАМИЛИЮ!**

Тай стонет. Шансов услышать свою фамилию у него практически нет. А если остались, то благодарить за это можно только отца. В бэтбои его особо не тянет. Невелика радость бегать в тяжелой амуниции «Пивоваров» перед забитыми до отказа трибунами «Миллер-парка». Но вот стать обладателем биты с автографом Ричи Секссона, куска дерева с молнией внутри... здорово, не так ли?

Тайлер скатывается с кровати, нюхает подмышки футболки, которую носил днем раньше, бросает на стул, берет из ящика комода другую. Отец иногда спрашивает его, чего он ставит будильник на столь ранний час, все-таки летние каникулы, и Тайлер никак не может убедить его: в жизни важен каждый день, особенно те, что наполнены теплом, солнечным светом и беззаботностью. У него в голове словно звучит тихий голос, внушающий, что нельзя терять ни минуты, потому что время коротко.

Следующая фраза Джорджа Рэтбана смахивает с Тайлера последние остатки сна, совсем как ведро холодной воды.

– Эй, жители Каули, хотите поговорить о Рыбаке?

Тайлер замирает, уже в футболке, с кроссовкой в руках, странный, неприятный холодок бежит по его спине, потом рукам. Рыбак. Какой-то псих, убивающий детей... и поедающий их? Да, он слышал эти разговоры от ребят постарше на бейсбольном поле и в Центре развлечений Френч-Лэндинга, но кто мог пойти на такое? Людоедство, это же надо!

Джордж вдруг понижает голос:

– А теперь я поделюсь с вами маленькой тайной, поэтому внимательно слушайте дядю Джорджа. – Тайлер сидит на кровати, внимательно слушает, как его и просили. Так странно, что Джордж Рэтбан коснулся темы, столь далекой от спорта, но Тайлер ему доверяет. Разве два года назад Джордж не предсказал, что «Милуокские олени» как минимум войдут в восьмерку лучших, тогда как все утверждали, что они вылетят из плей-офф на первом этапе. Да, предсказал. Дело закрыто, игра сделана, застегивай молнию на ширинке.

Голос Джорджа становится еще тише, падает до шепота:

– Настоящий Рыбак, мальчики и девочки, Альберт Фиш, мертв уже добрых семьдесят шесть лет и, насколько мне известно, никогда не заходил западнее Нью-Джерси. Более того, он, должно быть, болел за ЧЕРТОВЫХ ЯНКИ!^[24] ПОЭТОМУ РАССЛАБЬСЯ, ОКРУГ КАУЛИ! ПРОСТО УСПОКОЙСЯ!

Тайлер расслабляется, улыбается, начинает надевать кроссовки. Успокоиться – это правильно. День только начался, солнце яркое, да, мама в последнее время немного ку-ку, но у нее это пройдет.

На этой оптимистичной ноте мы и отбываем – погостили, и будя, как сказал бы Джордж Рэтбан. А раз уж мы вспомнили о Джордже, вездесущем утреннем голосе округа Каули, почему бы нам не поискать его? Не самая плохая идея. Реализуем ее незамедлительно.

Глава 3

Мы вылетаем из окна Тайлера, оставляем за собой Либертивилль, по диагонали держим курс на юго-запад, не парим, а быстро машем крылышками, потому что летим по делу. Направляемся к отблеску лучей утреннего солнца на поверхности Отца вод, к самой большой в мире шестибаночной упаковке. Между ней и находящейся в ведомстве округа дорогой Оо (мы можем называть ее Нейлхауз-роуд, потому что уже практически стали почетными горожанами Френч-Лэндинга) высится радиобашня, сигнальный маяк на вершине сейчас не виден в ярком свете июльского дня. Вдыхаем ароматы травы, деревьев, согревающейся земли, но по мере приближения к башне их перебивает дрожжевой запах пива.

Рядом с радиобашней, в промышленной зоне, занимающей восточную часть Пенинсула-драйв, стоит небольшое, сложенное из блоков здание. К нему примыкает автостоянка, где едва хватает места для полудюжины автомобилей и разъездного мини-вэна, старенького «форд эконолайна», покрашенного в розовый цвет. Когда вторая половина дня начнет переходить в вечер, длинные тени резервуаров с пивом лягут на щит, установленный на лужайке против стоянки, потом на здание и, наконец, на стоянку. На щите надпись: «KDCU-AM – ВАШ ГОЛОС В ОКРУГЕ КАУЛИ». Поперек – другая, нанесенная розовым, почти в тон мини-вэну, спреем: «Трой любит Марианн! Да!» Чуть позже Хоуви Соул, член У-команды, так называют себя сотрудники радиостанции, сотрет ее, возможно, во время передачи Раша Лимбо, которая принимается на спутниковую антенну и полностью автоматизирована, но пока она красуется на щите, говоря нам о том, как проявляется любовь в одноэтажной Америке. Видите, мы все-таки нашли и что-то хорошее.

Аккурат в момент нашего прибытия из боковой двери здания радиостанции выходит худощавый мужчина в «докерсах»^[25] цвета хаки, белой рубашке из египетского хлопка, застегнутой на все пуговицы, без галстука, и в темно-бордовых подтяжках (они такие же тонкие, эти подтяжки, как и он сам, и слишком модные, чтобы называть их помочами; помочи – это вульгарная часть мужского

туалета, их могут носить только такие люди, как Шустрик Макстон и Сонни Хартфилд из похоронного бюро). На голове этого серебряноволосого мужчины очень крутая соломенная «федора», старинная, но прекрасно сохранившаяся. Большие «авиационные» солнцезащитные очки закрывают глаза. Он останавливается возле газона, слева от двери, под громкоговорителем, из которого доносится прогноз погоды на текущий день: на KDCU идет выпуск местных новостей. Далее – последняя информация с Чикагской биржи сельскохозяйственной продукции, а потому за микрофон мужчине садиться только через десять минут.

Мы с растущим недоумением наблюдаем, как он достает пачку сигарет «Американ спиритс», прикуривает от золотой зажигалки. Конечно же, этот мужчина в подтяжках, «докерсах» и «федоре» не может быть Джорджем Рэтбаном. Мысленно мы нарисовали себе совсем другого Джорджа, никоим образом не похожего на этого. Мы вообразили мужчину с огромным животом, нависающим над ремнем клетчатых брюк (жареные колбаски, они свое берут), кирпично-красным лицом (а за это уже спасибо пиву, не говоря об истошных криках у микрофона) и мощной шеей (в иной таким голосовым связкам просто не уместиться). Воображаемый нами, да и всем округом Каули, Джордж Рэтбан – пучеглазый, широкозадый, с растрепанными волосами, с кожаными легкими. Если он курит, то, конечно, сигары, ездит на «шевроле», голосует за республиканцев и в любой момент может стать жертвой сердечного приступа. Язык у него без костей, предрассудков – выше крыши, да еще повышенный холестерин.

Этот мужчина – не тот мужчина. Этот двигается с грациозностью танцора. Этот – ледяной чай в жаркий день, хладнокровный, как король пик.

Ларчик открывается просто. Дело в том, что Джорджа Рэтбана не существует вовсе. Он – хобби, выдумка, всего лишь один из ликов этого худощавого мужчины. Сотрудникам KDCU известно его настоящее имя, и они считают себя участниками разыгрываемого спектакля (один из его атрибутов – фирменная фраза насчет слепого), но, право, не знают и половины того, что связано с этим человеком. Если говорить точно, знают только треть, потому что мужчина

в «докерсах» и соломенной «федоре» на самом деле объединяет в себе четырех людей.

В любом случае Джордж Рэтбан – спаситель KDCU, последней еще живой станции диапазона АМ на рынке, захваченном эфэмовскими^[26] хищниками. Пять дней в неделю он ведет утреннюю передачу, которая пользуется бешеной популярностью, а следовательно, привлекает спонсоров. Поэтому У-команда души в нем не чает.

Над его головой громкоговоритель выплевывает: «...нет никаких ниточек, согласно словам начальника полиции Дейла Гилбертсона, который назвал Уэнделла Грина, репортера «Геральд», заезжим паникером, больше интересующимся тиражом газеты, чем нашим стремлением навести порядок во Френч-Лэндинге.

А пока в Ардене пожар в доме унес жизни пожилого фермера и его жены. Хорст П. Лепплемайер и его жена, Гертруда, восьмидесяти двух лет...»

– Хорст П. Лепплемайер, – повторяет худощавый мужчина, с удовольствием затягиваясь сигаретой. – Сможешь повторить десять раз или как?

За его спиной справа вновь открывается дверь, и хотя курильщик стоит под громкоговорителем, он слышит этот звук. Глаза за «авиационными» солнцезащитными очками мертвы от рождения, поэтому слух у худощавого мужчины обострен.

У вновь прибывшего бледное, одутловатое лицо, он щурится на солнце, как новорожденная бабочка, которую плуг вытащил на поверхность земли и выковырял из кокона. Голова у него гладко выбрита, если не считать гребня посередине (как у индейца племени могаук), на затылке плавно переходящего в косичку, которая начинается чуть повыше шеи и доходит до лопаток. Гребень ярко-красный, косичка – цвета электрик. Серьга в одном ухе, вроде бы молния, подозрительно напоминает знаки различия частей СС нацистской Германии. На нем черная порванная футболка с надписью «СНИВЕЛЛИНГ ШИТС-97: МЫ ХОРОШО ПОДГОТОВИЛИСЬ К ЭТОМУ ТУРНЕ». В одной руке этот колоритный тип держит футляр с си-ди^[27].

– Привет, Моррис, – здоровается с ним худощавый мужчина в «федоре», не поворачиваясь.

У Морриса от удивления приоткрывается рот, и в этом состоянии он становится похож на милого еврейского мальчика, каковым он, собственно, и является. Моррис Розен проходит на радиостанции летнюю практику. Его направили сюда от Ошкошского филиала Висконсинского университета. «Господи, как же мне нравится бесплатная рабочая сила!» – заявил как-то по этому поводу Том Уиггинс, управляющий радиостанцией, довольно потирая руки. Никто так придирчиво не следит за расходами компании, как это делает Том Уиггинс на KDCU. Он – словно дракон, восседающий на груди золота (хотя на счетах KDCU не просматривалось такой груды; повторим, диапазон АМ практически вымер, просто чудо, что эта радиостанция до сих пор находится на плаву).

Выражение удивления на лице Морриса – будет справедливо назвать это удивлением смущения – сменяется улыбкой.

– Вау, мистер Лайден! Ну вы и даете! Какие же у вас уши!

Тут он хмурится. Даже если мистер Лайден, который стоял под твякающим громкоговорителем, не следует это забывать, и услышал, что кто-то вышел из здания, каким образом ему удалось узнать, кто именно появился у него за спиной?

– Как вы узнали, что это я? – спрашивает он.

– По утрам здесь только двое пахнут марихуаной, – объясняет Генри Лайден. – Один из них после косячка полощет рот «Скоуп»^[28], второй, это ты, обходится без оного.

– Вау. – В голосе Морриса слышится уважение. – Да у вас нюх как у собаки.

– Именно так, – соглашается Генри. Продолжает мягко и задумчиво: – Это трудная работа, но кто-то должен ее делать. Так вот, насчет твоих утренних свиданий с ароматной травкой. Позволь мне поделиться с тобой одним индейским афоризмом.

– Да, конечно. – Это первый долгий разговор Морриса с Генри Лайденом, и он на все сто процентов соответствует образу, который ему нарисовали. На все сто и даже больше. И уже совсем не трудно поверить, что он может быть другим... полностью перевоплощаться, как Брюс Уэйн. Но... все это так необычно.

– То, чем мы занимаемся в детстве, становится привычкой. – Все тот же мягкий голос, не имеющий ничего общего с голосом Джорджа Рэтбана. – Это мой тебе совет, Моррис.

– Да, абсолютно, – отвечает Моррис. Он понятия не имеет, о чем толкует мистер Лайден. Но медленно, застенчиво протягивает руку с футляром с си-ди. На мгновение, пока Генри не пытается взять футляр, Моррис чувствует острую обиду. Ему вдруг снова семь лет, и он пытается произвести впечатление на своего вечно занятого отца картиной, которую рисовал в своей комнате всю вторую половину дня. Потом думает: «Он же слепой, дубовая твоя башка. Он может унюхать марихуану в твоём дыхании, и уши у него, возможно, как у летучей мыши, но откуда он может знать, что у тебя в руке гребаный си-ди?»

Осторожно, словно пугаясь собственной смелости, Моррис берет Генри за запястье. Чувствует, как тот вздрагивает, но потом позволяет подвести его к пластмассовой коробочке.

– А, си-ди, – говорит Генри. – И что там записано?

– Вы должны поставить седьмой трек в вашу вечернюю программу, – отвечает Моррис. – Пожалуйста.

Впервые на лице Генри отражается тревога. Он затягивается сигаретой, бросает ее (даже не посмотрев... естественно, ха-ха) в наполненное песком пластиковое ведро у двери.

– О какой программе ты говоришь? – спрашивает он.

Вместо прямого ответа Моррис губами издает быстрые чавкающие звуки, изображая маленького, но прожорливого грызуна, поедающего что-то вкусное. Хуже того, дополняет их фирменной фразой Висконсинской крысы, которую молодежь возраста Морриса знает так же хорошо, как их родители, – вопль Джорджа Рэтбана «Даже слепой»: «Жуй это, ешь, запивай, оно все-е-е равно выйдет из одного и того же места!»

С имитацией у Морриса не очень, но вопроса, кого он имитирует, не возникает: одну-единственную Висконсинскую крысу, чья вечерняя программа на KWLA-FM известна на весь округ Каули (скорее следовало бы сказать «пользуется дурной славой во всем округе Каули»). KWLA – крошечная студенческая радиостанция, работающая в FM-диапазоне, пятнышко на полотне висконсинского радиоэфира, но аудитория Крысы огромна.

Но если кто-то узнает, что обожаемый всеми, болеющий за «Пивную команду», голосующий за республиканцев, вещающий в AM-диапазоне Джордж Рэтбан одновременно и Висконсинская крыса, который однажды в прямом эфире вывалил содержимое

кишечника на си-ди «Бэкстрит бойз», могут быть неприятности. И очень серьезные, которые, вполне возможно, выйдут за пределы висконсинского радиомирка.

– С чего ты вдруг решил, Моррис, что Висконсинская крыса – это я? – спрашивает Генри. – Я же практически не знаю человека, о котором ты говоришь? Кто вбил тебе в голову такую странную идею?

– Информированный источник, – уклончиво отвечает Моррис.

Он не собирается выдавать Хоуви Соула, даже если ему будут вырывать ногти раскаленными щипцами. Да и Хоуви выяснил это случайно: как-то зашел в сортир после Генри и увидел, что тот выронил бумажник из заднего кармана, пока сидел на троне. Казалось бы, человек со столь обостренными органами чувств не мог не заметить падения бумажника на пол, но, возможно, Генри в тот момент крепко о чем-то задумался: человеку, столь занятому работой, как Генри, есть о чем подумать. В любом случае в бумажнике Генри лежал пропуск KWLA (в бумажник Хоуви, по его словам, заглянул из чистого любопытства), и в строке «Фамилия» кто-то поставил «оттиск крысы». Дело закрыто, игра закончена, застегивай молнию ширинки.

– Я никогда в жизни не переступал порога KWLA, – говорит Генри, и это абсолютная правда. Передачу Висконсинской крысы (среди прочих) он делает дома, потом посылает пленку через абонентский ящик, который арендует на имя Джо Страммера в почтовом отделении в центре города. Пропуск с «оттиском крысы», скорее, приглашение от менеджмента KWLA, которым он еще ни разу не воспользовался... Но пропуск сохранил.

– Ты тоже стал чьим-то информированным источником, Моррис?

– Что?

– Ты кому-нибудь говорил, что я – Висконсинская крыса?

– Нет! Конечно же нет! – Как нам известно, люди всегда так говорят. К счастью для Генри, в данном случае это правда. По крайней мере пока, день ведь только начался.

– И не скажешь, не так ли? Потому что слухи имеют одну особенность: они укореняются. Совсем как плохие привычки, – бормочет Генри, создавая дымовую завесу.

– Я умею держать рот на замке, – гордо заявляет Моррис.

– Я на это надеюсь. Потому что, если ты будешь распространять слухи, мне придется тебя убить.

«Распространять слухи, – думает Моррис. – О-го-го, да за кого он меня держит?»

– Конечно же, убить, как же иначе. – Моррис смеется.

– И съесть, – добавляет Генри. Он не смеется, даже не улыбается.

– Да, да. – Моррис продолжает смеяться, но теперь даже для его собственных ушей смех звучит очень уж неестественно. – Словно вы – Ганнибал Лектер.

– Словно я – Рыбак, – отвечает Генри, и «авиационные» очки медленно поворачиваются к Моррису. Солнечные лучи отражаются в них, и на мгновение они превращаются в языки пламени. Моррис непроизвольно, даже не подозревая об этом, отступает на шаг. – Альберту Фишу нравится начинать с задницы, ты это знал?

– Н...

– Именно так. Он говорит, что кусок юной задницы так же хорош, как телячья вырезка. Его собственные слова. Из письма матери одной из жертв.

– Ни фиги себе. – Голос у Морриса – как у человека, готового шлепнуться в обморок, как у откормленного маленького поросенка, не пускающего в свой дом большого голодного волка. – Но мне нет нужды особо волноваться. Ведь вы – не Рыбак.

– Не Рыбак? С чего ты так решил?

– Ну, прежде всего вы – слепой.

Генри молчит, только смотрит на Морриса, которому с каждым мгновением становится все тревожнее, сверкающими на солнце очками. И Моррис думает: «А слепой ли он? Для слепого он слишком хорошо ориентируется... Как он меня вычислил, стоило мне выйти из двери. Это очень подозрительно».

– Я буду молчать, – обещает он. – Честное слово.

– Именно это мне и нужно, – ровным голосом отвечает Генри. – А теперь, раз уж с этим нам все ясно, что ты мне принес? – Он держит в руке си-ди, но, с облегчением замечает Моррис, держал бы иначе, если б мог разглядеть.

– Ну, это группа из Расина. «Грязная сперма». И они сделали новую аранжировку «Куда ушла наша любовь?» старой песни

«Супримз». Только резко взвинтили темп. Получилось чертовски весело. Совсем другой ритм.

– «Грязная сперма», – повторяет Генри. – Не они раньше назывались «Клиитор Джейн Виатт»?

Моррис смотрит на Генри с обожанием, которое может быстро перерасти в любовь.

– Ведущий гитарист «Грязной спермы» в свое время собрал «КДВ». Потом он и бас-гитара поругались, не сошлись насчет Дина Киссинджера и Генри Ачесона, и Акки Дакки, этот гитарист, ушел, чтобы организовать «Грязную сперму».

– «Куда ушла наша любовь», – мурлычет Генри, потом отдает сиди. Словно увидев, как вытягивается лицо Морриса, добавляет: – Никто не должен видеть меня с этим диском, понимаешь? Сунь его в мой шкафчик.

Лицо Морриса тут же расплывается в широкой улыбке.

– Конечно! Будет сделано, мистер Лайден.

– И чтоб никто тебя при этом не видел. Особенно Хоуви Соул. Хоуви обожает совать нос в чужие дела. Не стоит следовать его примеру.

– Никогда! – Все еще улыбаясь, довольный тем, как все закончилось, Моррис берет за ручку двери.

– Моррис...

– Да?

– Раз уж ты знаешь мой секрет, может, тебе лучше называть меня Генри.

– Генри! Да! – Для Морриса Розена это лучшее утро за все лето.

Можете поверить.

– И вот что еще...

– Да? Генри? – Моррис решает представить себе день, когда они станут Хэнком и Морри.

– Насчет Крысы держи рот на замке.

– Я уже обещал...

– Да, и я тебе верю. Но искушение подкрадывается исподволь, Моррис. Искушение подкрадывается, как вор в ночи или как киллер, выслеживающий жертву. Если ты поддашься искушению, я об этом узнаю. Я это учую на твоей коже, как дешевый одеколон. Ты мне веришь?

– Э... да. – Потом, когда у него появилось время все хорошенько обдумать и взвесить, Моррис придет к выводу, что угроза Лайдена – чушь собачья, но сейчас он ему верит. Верит. Словно его загипнотизировали.

– Очень хорошо. А теперь иди. Скажи, чтобы подготовили рекламные ролики «Лучших скобяных товаров», «Салона «шевроле» Заглата» и «Мистера Вкусные Ребрышки».

– Понял.

– Что же касается вчерашней игры...

– Страйк-аут Уикмена в восьмом иннинге? Вот козел. Так подвел «Брюэров».

– Нет. Я думаю, нам нужна круговая пробежка Марка Лоретты в пятом. Лоретте не часто удается так ловко попасть по мячу, а болельщики его любят. Не могу понять почему. Даже слепому ясно, что игрок он так себе. И удар слабоват, и скорость не та. Положи си-ди в мой шкафчик, и я обязательно его передам, если увижу Крысу. Я уверен, что он прокрутит диск.

– Трек...

– ...семь, семь, божественные ритмы. Я не забуду, и он тоже. А теперь иди.

Моррис бросает на Генри еще один благодарный взгляд и исчезает за дверью. Генри Лайден, он же Джордж Рэтбан, он же Висконсинская крыса, он же Генри Шейк (мы познакомимся с ним, но не сейчас, позже), закуривает новую сигарету, глубоко затягивается. У него нет времени, чтобы докурить ее до конца, сельскохозяйственные биржевые новости уже в эфире (свинина дорожает, пшеница дешевеет, кукурузу отрывают с руками), но ему необходима пара затяжек, чтобы успокоиться. Генри предстоит долгий-долгий день, который должен закончиться концертом на Клубничном фестивале в «Центре Макстона по уходу за престарелыми», доме антикварных ужасов. Господи, убереги меня от когтей Уильяма Шустрика Макстона, часто думает он. Выбирая между перспективой жить в ЦМ и сгореть, облившись бензином, он всякий раз отдает предпочтение самосожжению. А потом, если он совсем не выдохнется, к нему заедет его друг и они смогут приступить к чтению «Холодного дома», как уже давно собирались. Это будет настоящий подарок.

Сколько долго, думает он, Моррис Розен сможет держать язык за зубами? Генри полагает, что сумеет это выяснить. Он слишком любит Крысу и сдаст ее лишь в случае крайней необходимости. Это бесспорно.

– Дин Киссинджер, – бормочет он. – Генри Ачесон. Акки Дакки. Спаси нас, Господи.

Он еще раз затягивается, бросает сигарету в ведро с песком. Пора идти в студию, пора воссоздать в эфире вчерашнюю круговую пробежку Марка Лоретты, пора отвечать на звонки фанатов спорта из округа Каули.

А нам пора улетать. Колокол лютеранской церкви возвещает, что висконсинское время – семь утра.

Во Френч-Лэндинге жизнь набирает ход. В этой части света люди не привыкли залеживаться в кроватях, и мы должны поспешить, чтобы всюду успеть. Скоро начнут происходить разные события, и происходить быстро. Пока мы выдерживаем нужный темп, до прибытия в конечный пункт нам остается только одна остановка.

Мы поднимаемся в теплое небо, на мгновение зависаем рядом с радиобашней KDCU (мы так близко, что слышим, как включается и отключается невидимый на солнце сигнальный фонарь, до нас доносится низкий, но немного зловещий гул электричества), смотрим на север, определяемся с нашим местоположением. В восьми милях выше по течению реки расположен город Грейт-Блафф, названный так по высящемуся там действительно огромному известняковому утесу^[29]. Место это, по слухам, нехорошее, потому что в 1888 году вождь индейского племени фокс (по имени Дальний Взор) собрал всех своих воинов, шаманов, женщин, детей и велел им прыгать с утеса, дабы избежать ужасной судьбы, которая привиделась ему во сне. И индейцы его племени, как и последователи Джима Джонса, подчинились.

Но так далеко вверх по течению мы забираться не будем, призраков нам хватает и во Френч-Лэндинге. Вместо этого вновь летим над Нейлхауз-роуд («харлеев» нет: Громобойная пятерка во главе с Нюхачом Сен-Пьером отправилась на работу на пивоваренный завод), над Куин-стрит и «Центром Макстона» (Берни еще там, по-прежнему смотрит в окно... брр-р) к Блафф-стрит.

Здесь практически сельская местность. Даже теперь, в двадцать первом веке, маленькие городки округа Каули удивительно быстро переходят в леса и поля.

Герман-стрит, по левую руку от Блафф, уже не город, но еще и не лес с полями. Здесь, на краю большого, в полмили, луга, еще не открытого застройщиками (такие есть и в округе Каули), в крепком кирпичном доме живут Дейл Гилбертсон, его жена Сара и шестилетний сын Дэвид.

Задерживаться мы не можем, поэтому лишь ненадолго впливем в окно кухни. В конце концов, оно открыто, и для нас есть место на столике у плиты, между «Сайлексом» и тостером. Гилбертсон сидит за кухонным столиком, читает газету и ложку за ложкой, не чувствуя вкуса, отправляет в рот «Спешл-кей»^[30] (он забыл и про сахар, и про нарезанный банан, расстроившись из-за очередной статьи Уэнделла Грина на первой полосе «Геральд»). В это утро Дейл, без сомнения, самый несчастный человек во всем Френч-Лэндинге. Вскоре мы познакомимся с его соперником за этот титул, но пока побудем с Дейлом.

«Рыбак, – с тоской думает он, и его рассуждения по этому поводу сродни мыслям Бобби Дюлака и Тома Лунда. – Ну почему ты, паршивый бумагомарака, не нашел ему более современного прозвища? Не обозвал, скажем, Терминатором? Ведь звучит неплохо».

Да только Дейл знает почему. Слишком уж очевидны, слишком сильны параллели между Альбертом Фишем, творившим свое черное дело в Нью-Йорке, и подонком, что зверствует во Френч-Лэндинге. Фиш душил своих жертв, и Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэма тоже задушили. Фиш обедал своими жертвами, и мальчиком и девочкой тоже отобедали. И Фиш, и этот гад похвалялись, что им особо по вкусу мо... в общем, определенная часть тела.

Дейл смотрит на залитый молоком сухой завтрак, бросает ложку, отодвигает тарелку.

И письма. Невозможно забыть эти письма.

Дейл смотрит на свой «дипломат», прикипший к ножке стула, как верный пес. Папка там, и она притягивает его, как стреляющий болью зуб притягивает язык. Может, ему все-таки удастся не притронуться к письмам, пока он находится в своем доме, где играет в мяч с сыном и занимается любовью с женой... но вот

не думать о них... это совсем другое дело, как принято говорить в здешних краях.

Альберт Фиш написал длинное, с отвратительными подробностями письмо матери Грейс Бидд, убийство которой и привело к тому, что старый людоед оказался на электрическом стуле («С каким восторгом я жду, чтобы через меня пропустили электрический ток! – вроде бы заявлял Фиш своим тюремщикам. – Это единственное, чего я не испытал в жизни»). Рыбак тоже отправил аналогичные письма, одно – Элен Иркенхэм, второе – отцу Эми, отвратительному (но, по оценке Дейла, истинно скорбящему) Арману «Нюхачу» Сен-Пьеру. Дейлу хотелось бы верить, что письма эти написаны каким-нибудь шутником, не имеющим отношения к убийствам, но оба содержат информацию, которую скрыли от прессы, сведения, которые мог знать только убийца.

Дейл наконец уступает искушению (как понял бы его Генри Лайден) и берется за «дипломат». Открывает его и кладет пухлую папку на место, где совсем недавно стояла тарелка с сухим завтраком, залитым молоком. Ставит «дипломат» на пол, у ножки стула, открывает папку, маркированную: СЕН-ПЬЕР/ИРКЕНХЭМ. Никаких тебе Рыбаков. Перекладывает рвущие души школьные фотографии двух улыбающихся детей, отчеты медицинских экспертов, слишком ужасные, чтобы их читать, фотографии с мест преступления, слишком ужасные, чтобы на них смотреть (но он должен на них смотреть, смотреть снова и снова: окровавленные цепи, мухи, застывшие глаза). Тут же различные показания, самое длинное – Спенсера Ховдала, который нашел маленького Иркенхэма и на очень короткое время даже попал в подозреваемые.

Далее ксерокопии трех писем. Одно послали Джорджу и Элен Иркенхэм (пусть адресовалось оно только Элен, разве в этом суть). Второе – Арману «Нюхачу» Сен-Пьеру (так и значилось на конверте: имя, прозвище и фамилия). А третье – матери Грейс Бадд, жительнице Нью-Йорка, которое та получила вскоре после убийства дочери поздней весной 1928 года.

Дейл выкладывает их перед собой, одно к другому.

«Грейс сидела на моем колене и целовала меня. Я решил ее съесть». Так написал Фиш миссис Бадд.

«Эми сидела на моем колене и обнимала меня. Я решил ее съесть». Это фраза из письма, полученного Нюхачом Сен-Пьером, и не стоило удивляться, что этот человек угрожал сжечь полицейский участок Френч-Лэндинга дотла. Дейл не любил этого сукина сына, но признавал, что на его месте, возможно, повел бы себя точно так же.

«Я пошел наверх и разделся. Я знал: если я этого не сделаю, то забрызгаю одежду кровью». От Фиша – миссис Бадд.

«Я обошел курятник и разделся. Я знал: если я этого не сделаю, то забрызгаю одежду кровью». От неизвестного – миссис Иркенхэм. Вопрос: как могла мать, получив такое письмо, остаться в здравом уме? Возможно ли такое? Дейл полагал, что нет. Элен связно отвечала на вопросы, даже предлагала чай, когда он заезжал к Иркенхэмам в последний раз, но ее остекленевшие глаза красноречиво говорили, что всеми действиями управляет автопилот.

Три письма – два новых, одно написанное почти семьдесят пять лет назад. И все три так похожи. Письмо Сен-Пьеру и Иркенхэм написаны от руки, согласно заключению экспертов полицейского управления, левшой. Бумага – обычная писчая, белая, какая продается в любом канцелярском магазине, лежит во всех почтовых отделениях. Написаны письма шариковой ручкой, вероятно «Вис». Те еще улики.

От Фиша – миссис Бадд, в далеком двадцать восьмом: «Я не трахнул ее, хотя мог, если б захотел. Она умерла девственницей».

От неизвестного – Нюхачу Сент-Пьеру: «Я НЕ трахнул ее, хотя мог, если б захотел. Она умерла ДЕВСТВЕННОЦЕЙ».

От неизвестного – Элен Иркенхэм: «Вас, возможно, это успокоит. Я НЕ трахнул его, хотя мог, если бы захотел. Он умер ДЕВСТВЕННИКОМ».

С этим делом самому Дейлу не справиться, и он это понимает, но надеется, что все-таки не круглый дурак. Автор писем, хоть и не подписывает их фамилией давно умершего людоеда, хочет, чтобы его с ним отождествляли. Он сделал для этого все, разве что не оставлял мертвых рыбин на месте преступлений.

Горестно вздохнув, Дейл убирает письма в папку, папку – в «дипломат».

– Дейл? Дорогой? – сонный голос Сары с верхней лестничной площадки.

Дейл подпрыгивает от неожиданности, как человек, застигнутый за непотребным занятием, и защелкивает «дипломат».

– Я на кухне, – отвечает он. О Дейве можно не беспокоиться. Он спит как убитый до половины восьмого.

– Идешь позже?

– Да. – Он часто приходит на работу позже, зато задерживается до семи, восьми, а то и до девяти вечера. Уэнделл Грин об этом не упоминал... во всяком случае, пока. До этого ему дела нет, все внимание людоедам.

– Сможешь полить цветы перед уходом? А то земля очень сухая.

– Конечно. – Дейл любит поливать цветы Сары. И потом, когда у него в руке садовый шланг, на ум часто приходят дельные мысли.

Наверху пауза... но он не слышит шарканья шлепанцев, возвращающихся в спальню. Он ждет.

– Ты в порядке, дорогой? – наконец доносится сверху.

– Да, – отвечает он, надеясь, что голос звучит достаточно искренне.

– Ночью ты просто метался по кровати.

– Не волнуйся, я в норме.

– Знаешь, что спросил у меня Дэви, когда вчера вечером я мыла ему голову?

Дейл закатывает глаза. Он ненавидит разговоры на расстоянии. А вот Сара их, похоже, обожает. Он встает, вновь наполняет чашку кофе.

– Нет, так что?

– Он спросил: «Теперь папа останется без работы?»

Дейл не доносит чашку до рта.

– И что ты ответила?

– Ответила, что нет. Само собой.

– Тогда ты ответила правильно.

Он ждет, но продолжения не следует. Добавив ему еще толику волнений: теперь надо думать, как отразятся его неурядицы на работе на хрупкой психике Дэви, Сара ретируется в их спальню и скорее всего дальше, в душ.

Дейл возвращается к столу, маленькими глотками пьет кофе, потом прикладывает руку ко лбу, закрывает глаза. В этот момент мы видим, какой он испуганный и несчастный. Дейлу сорок два года,

вредных привычек у него нет, но в резком ярком солнечном свете, бьющем в окно, через которое проникли в кухню и мы, он выглядит большим шестидесятилетним стариком.

Он, естественно, беспокоится за свою должность, понимает, что в следующем году, на очередных выборах, его прокатят, если убийца Эми и Джонни будет и дальше творить свои черные дела. Его тревожит и Дэви... хотя Дэви не главная его забота. Как и Фред Маршалл, он не представляет, что Рыбак может похитить их единственного сына. Нет, куда больше его волнует судьба других детей Френч-Лэндинга, а также детей Сентралии и Ардена.

Но главный его страх вызван тем, что этот сукин сын ему просто не по зубам. И он убьет третьего ребенка, четвертого, а может, одиннадцатого и двенадцатого.

Видит Бог, он затребовал помощь. И получил ее... в какой-то степени. К делу приписали двух детективов из полицейского управления штата, к расследованию подключился агент ФБР из Мэдисона (правда, неофициально, поскольку это дело подпадает под юрисдикцию полиции). Но даже в помощи со стороны Дейлу видится что-то сюрреалистическое. Возможно, дело в странном совпадении фамилий. Агента ФБР зовут Джон П. Реддинг. Детективов из центрального управления – Перри Браун и Джеффри Блэк. То есть в его команде появились Покрасневший, Коричневый и Черный. Цветной отряд, как называет их Сара. Все трое ясно дают понять, что их дело – только помощь, во всяком случае пока. Ясно дают понять, что на капитанском мостике лишь он, Дейл Гилбертсон.

«Господи, как же мне хочется, чтобы Джек помог мне в этом деле, – думает Дейл. – Я бы тут же сделал его полицейским, как в старых добрых вестернах».

Когда Джек впервые появился во Френч-Лэндинге, почти четыре года назад, Дейл не знал, как ему относиться к человеку, которого его подчиненные сразу же окрестили Голливудом. Но к тому времени, когда они вышли на Торнберга Киндерлинга, да, безобидного, неприметного Торнберга Киндерлинга, вот кто никак не тянул на убийцу, он уже точно знал, с кем имеет дело. Этот парень был лучшим детективом, с которым ему доводилось общаться, детективом от бога.

Единственным детективом от бога, вот что ты имел в виду.

Да, все так. Единственным. И хотя они разделили славу поровну (по настоянию пришельца из Лос-Анджелеса), именно мастерство Джека позволило выйти на преступника. Он действовал, как знаменитые книжные детективы... Эркюль Пуаро, Эллери Куин, словно был одним из них. Разве что не полагался только на дедукцию, не ходил, постукивая себя по виску, не говорил о «маленьких серых клетках». Он...

– Он слушает, – бормочет Дейл и встает. Направляется к двери черного хода, потом возвращается за «дипломатом». Чтобы положить его на заднее сиденье своей патрульной машины до полива цветов. Не хочет, чтобы ужасные фотографии находились в доме дольше необходимого.

Он слушает.

Как слушал Дженну Мэссенгейл, барменшу из «Гриль-бара». Дейл понятия не имел, почему Джек проводил столько времени с этой маленькой шлюшкой. Ему даже приходила мысль, что мистер Лос-Анджелес старается затащить ее в постель, чтобы по возвращении домой рассказать друзьям с Родео-драйв, что он отведал сладенького в Висконсине, где воздух свежий, а ноги длинные и сильные. Но Джек тратил время на другое. Он слушал, и в конце концов она поделилась с ним тем, что он ожидал услышать.

«Да, сэр, люди становятся такими забавными, когда выпьют, – рассказывала Дженна. – Есть тут один парень, который после пары стаканчиков начинает зажимать себе ноздри...» И она показала, что делает этот парень: зажала ноздри между большим и указательным пальцами, развернув руку ладонью к собеседнику.

Джек, по-прежнему улыбаясь, маленькими глотками пил газировку.

«И всегда выворачивая ладонь? Вот так?» – Он повторил движения руки официантки.

Дженна улыбалась, уже влюбившись в детектива: «Именно так, красавчик... ты все схватываешь на лету».

Джек: «Иногда случается. И как зовут этого парня, дорогая?»

Дженна: «Киндерлинг. Торнберг Киндерлинг. Только после стаканчика-другого, начав зажимать нос, он просит, чтобы все звали его Торни».

Джек (все улыбаясь): «Он пьет джин «Бомбей», не так ли, дорогая? С одним кубиком льда и капелькой горькой настойки?»

Дженна со сползающей с лица улыбкой, в изумлении, словно столкнулась с экстрасенсом, читающим мысли: «Как вы это узнали?»

Как он это узнал, особого значения не имеет, потому что слова Дженны становятся последним элементом картинка-головоломки. Дело закрыто, игра закончена, застегивай молнию ширинки.

И в итоге Джек улетел в Лос-Анджелес с арестованным Торнбергом Киндерлингом, безобидным, очкастым, проживающим в Сентралии агентом страховой компании, клиентами которой были окрестные фермеры, страховавшие в ней свое имущество, с Торнбергом Киндерлингом, который, казалось бы, не мог шугануть и гусыню, не сказал бы «говно» даже с набитым им ртом, в жаркий день постеснялся бы попросить стакан воды в незнакомом доме, но убил двух проституток в Городе ангелов. Торни никого не душил, пользовался ножом фирмы «Бак», который купил, это позже выяснил Дейл, в магазине «Спортивные товары Лафэма», расположенном рядом с баром «Сэнд», главным значным заведением Сентралии.

К тому времени вину Киндерлинга уже удалось доказать проведенным анализом ДНК, но Джека обрадовало известие о том, что установлено место приобретения орудия убийства. Он лично позвонил Дейлу, чтобы поблагодарить его. Дейла, который не бывал западнее Денвера, этот звонок вежливости тронул до глубины души. В ходе расследования Джек не раз и не два говорил, что любых доказательств вины может оказаться недостаточно, если у преступника черные душа и сердце, а именно с таким в лице Торни Киндерлинга они и столкнулись. Он, разумеется, пытался симулировать безумие, и Дейл – он очень надеялся, что его вызовут в качестве свидетеля, – радовался, как ребенок, узнав, что присяжные ему не поверили и приговорили к пожизненному заключению без права досрочного освобождения.

Но как он и Джек сумели этого добиться? Что послужило главной причиной? Умение Джека слушать. Вот и все. Слушать барменшу, которая привыкла к тому, что мужчина смотрит на ее грудь, тогда как слова если и влетают в одно ухо, то лишь для того, чтобы тут же вылететь из другого. А кого слушал Джек Голливуд до долгих бесед с Дженной Мэссенгейл? Похоже, какую-то проститутку с Сансет-

Стрип^[31]... а скорее далеко не одну. («Как бы их всех обозвать? – рассеянно думает Дейл, вытаскивая из гаража поливочный шланг. – Выводок ночных бабочек? Бригада постельных тружениц?») Никто из них не сумел опознать Торнберга Киндерлинга, потому что Торнберг, приезжавший в Лос-Анджелес, разительно отличался от Торнберга, колесившего по фермам округа Каули и Миннесоты. Лос-анджелесский Торнберг носил парик, контактные линзы вместо очков, маленькие усики.

– Но самый удачный ход – темный тональный крем, – говорил Джек. – Благодаря этому Торнберг легко сходил за местного жителя.

– Учась в средней школе Френч-Лэндинга, он все четыре года занимался в драматическом кружке, – мрачно ответил ему Дейл. – Я узнавал. Поверишь ли, этот подонок играл Дон Жуана.

Именно усилия по изменению внешности стали причиной того, что присяжные не поверили в безумие подсудимого. А вот про привычку зажимать ноздри двумя пальцами, выворачивая ладонь, Торни забыл. Наверное, потому, что проделывал это неосознанно. Автоматически. Какая-то проститутка запомнила эту особенность, упомянула вскользь, Дейл в этом не сомневался, точно так же, как Дженна Мэссенгейл, но Джек услышал.

Потому что слушал.

«Позвонил, чтобы поблагодарить, что удалось выяснить, откуда взялся нож, потом, чтобы сообщить о решении присяжных, – думает Дейл, – но второй раз он еще что-то хотел. И я знал, что именно. Даже до того, как он открыл рот».

Потому что, пусть он и не детектив от бога, как его друг из Золотого штата, Дейл все же заметил, как поразил молодого человека Западный Висконсин. Джек влюбился в округ Каули, и Дейл поставил бы немалую сумму на то, что имела место быть классическая любовь с первого взгляда. Именно об этом, несомненно, говорило лицо Джека, когда они ездили из Френч-Лэндинга в Сентралию, из Сентралии в Арден, из Ардена в Миллер. На нем отражались радость и благоговейный восторг. Дейлу Джек напоминал человека, который приехал в новые для себя края, чтобы обнаружить, что вернулся домой.

– Слушай, до чего же мне здесь нравится, – как-то сказал он Дейлу, когда они ехали в старом патрульном «каприсе»^[32] Дейла, где

постоянно что-то ломалось, даже клаксон. – Ты хоть понимаешь, до чего здорово здесь жить, Дейл? Должно быть, это один из самых прекрасных уголков мира.

Дейл, живший в округе Каули с рождения, не собирався с ним спорить.

И в конце их второго телефонного разговора о Торнберге Киндерлинге Джек напомнил Дейлу, что однажды просил (не так чтобы совсем серьезно, но и не в шутку) дать ему знать, если неподалеку от одного из городков будет продаваться небольшой дом. И по тону Джека Дейл понял, что шутки кончились.

– Так ты у меня в долгу, – бормочет Дейл, закидывая на плечо свернутый шланг. – Ты у меня в долгу, паршивец.

Разумеется, он уже просил Джека неофициально помочь ему в поисках Рыбака, но Джек отказался... чуть ли не со страхом. «Я на пенсии, – отрезал он. – Если ты не знаешь, что сие означает, Дейл, мы можем вместе заглянуть в словарь».

Но это нелепо, не так ли? Разумеется, нелепо. Как может уйти на пенсию человек, не достигший тридцати пяти лет? Особенно тот, кто знает свое дело гораздо лучше других.

– Ты у меня в долгу, парень, – повторяет он, направляясь к крану. Небо над головой безоблачное, лужайка, не знающая недостатка в воде, зеленая, никаких признаков соскальзывания здесь, на Герман-стрит, казалось бы, нет и в помине. Но, возможно, все-таки есть, возможно, мы их чувствуем. Слышим какой-то неприятный звук вроде гула, который вызывал ток высокого напряжения в стальных фермах башни KDCU.

Мы, однако, провели здесь слишком много времени. Пора вновь махать крылышками на пути к конечной точке нашего маршрута. Мы знаем еще далеко не все, но нам известно о трех важных моментах: первое, Френч-Лэндинг – город, которому грозит чудовищная беда; второе, лишь несколько людей (собственно, только Джуди Маршалл и Чарльз Бернсайд) знают на каком-то подсознательном уровне, что город столкнулся с чем-то похуже действующего в одиночку педофила-убийцы; третье, мы не встретили ни одного человека, способного осознать силу соскальзывания, берущую в оборот тихий город на берегу реки Тома и Гека. Все люди, с кем мы познакомились, по-своему такие же слепцы, как Генри Лайден. То же самое можно сказать

и о тех, с кем мы еще не встречались: Нюхаче Сен-Пьере, Уэнделле Грине и Цветном отряде.

Мы жаждем найти героя. И пока его не нашли (на дворе, в конце концов, двадцать первый век, время не д'Артаньяна и Джека Обри, а Джорджа Буша и «Грязной спермы»), мы, возможно, найдем человека, который проявил себя героем. Давайте отыщем нашего давнего друга, с которым расстались в тысяче с хвостиком миль восточнее, на берегу Атлантического океана. Прошли годы, и он, конечно, уже не тот мальчик, каким был раньше. Он забыл многое, что случилось с ним в те дни, большую часть взрослой жизни прожил в состоянии амнезии. Но он – единственная надежда Френч-Лэндинга, поэтому мы взмахиваем крылами и летим на восток, над лесами, полями, пологими холмами.

В основном под нами сельскохозяйственные угодья: кукурузные поля, тучные луга, желтые прямоугольники люцерны. Узкие пыльные дороги ведут к белым домам фермеров, рядом с которыми – высокие сараи, зернохранилища, силосные, из бетонных колец, башни, длинные металлические ангары для сельскохозяйственной техники. Мужчины в джинсовых куртках деловито идут по дорожкам от домов к хозяйственным постройкам. Нам уже знаком сладкий аромат утреннего воздуха. Здесь к нему добавляются запахи масла, дрожжей, земли, роста и гниения, усиливающиеся по мере того, как солнце поднимается выше, а свет становится ярче.

Под нами шоссе номер 93 пересекает шоссе номер 35 в центре маленькой Сентралии. Пустующая стоянка за баром «Сэнд» ожидает шумного прибытия Громобойной пятерки, которая обычно проводит здесь вторую половину субботы, вечера и ночи, наслаждаясь бильярдом, гамбургерами и амброзией, созданию которой они посвятили свои неординарные жизни, лучшему продукту «Пивоваренной компании Кингсленда», пиву, которое долгое время может нести свою пенистую корону, не уступая в этом любому другому сорту, изготовленному что в специальной мини-пивоварне, что в бельгийском монастыре, «Кингслендским пивом». Если Нюхач Сен-Пьер, Мышонок и иже с ними говорят, что это лучшее пиво в мире, с чего нам сомневаться в их словах? Они не только знают о пиве гораздо больше нас, но и вложили в создание «Кингслендского эля» все свои знания, опыт, силы и вдохновение, чтобы сделать этот

сорт эталоном пивоваренного искусства. Собственно, они и приехали во Френч-Лэндинг, потому что пивоваренная компания, которую они выбирали очень тщательно, выразила согласие работать с ними.

Попробовать «Кингслендское пиво» хочется, но с этим искушением мы справляемся: все-таки половина восьмого утра, в это время пьют только фруктовый сок, кофе и молоко (за исключением Ванды Киндерлинг и ей подобных, но Ванда полагает, что пиво, даже «Кингслендское пиво», – диетическая замена водки «Аристократ»), опять же мы ищем нашего давнего друга, показавшего себя настоящим героем до того, как мы расстались с ним на берегу Атлантического океана. Мы не собираемся терять время, мы летим по неотложному делу прямо здесь и сейчас. Миля за милей остаются позади, мы движемся вдоль шоссе номер 93. Поля прижимаются к дороге, холмы становятся выше.

При всей нашей спешке мы, очевидно, должны знать, где находимся.

Глава 4

Тремя годами раньше наш давний друг ехал по этому участку шоссе номер 93 на пассажирском сиденье старого «каприса» Дейла Гилбертсона. Его сердце выскакивало из груди, горло перехватывало, рот пересох, и все потому, что Дейл, на которого Джек произвел неизгладимое впечатление лишь тем, что справлялся со своей работой, вез его к сельскому дому, окруженному пятью акрами земли, принадлежащими умершему отцу. «Это милое местечко» стоило совсем ничего, потому что кузены Дейла им не интересовались, а для остальных оно не представляло никакой ценности. Дейл держался за дом и участок из сентиментальности, но тоже не видел особого смысла сохранять их за собой. Второй дом представлял собой только обузу, на поддержание его в пристойном состоянии уходило много времени. В принципе, работа по дому Дейлу нравилась, но он не возражал против того, чтобы переложить ее на другие плечи. Дейл по-прежнему восторгался нашим другом, поэтому желание Джека поселиться в доме его отца не вызывало у него внутреннего отторжения. Наоборот, он считал это за честь.

Что же касается пассажира «каприса», он просто не мог оторвать глаз от окружающей природы, не видел ничего, кроме лесов, полей и холмов, так что не замечал трепетного отношения Дейла, которое в иной ситуации смутило бы его. Будь они в другом месте, наш друг привел бы Дейла в тихий бар, купил ему пива и сказал: «Слушай, я знаю, что сделанное мной произвело на тебя впечатление, Дейл, но я всего лишь такой же коп, как и ты. И все. Честно говоря, я гораздо более удачлив, чем того заслуживаю». (Вот тут он говорил чистую правду. После нашего расставания удача постоянно благоволила к нему, и он уже не садился играть в карты и не делал ставки на спортивные события. Когда все время выигрываешь, выигрыши приобретают привкус прокисшего грейпфрутового сока.) Но в «каприсе», едва они выехали за пределы Сентральной, его захлестнула буря эмоций, а потому он практически не воспринимал преклонения Дейла. Эта короткая поездка к дому, в котором он никогда не был, обернулась давно лелеемым, но все откладывавшимся

путешествием домой. Все, что он видел вокруг, приобретало глубокий смысл. Все казалось священным. Он знал, что купит этот дом, независимо от его состояния и стоимости. Цена просто не имела значения. Он собирался его купить, и точка. Впрочем, в одном обожание Дейла не осталось незамеченным: Джек понял, что придется приложить немало усилий, чтобы его почитатель не запросил слишком мизерную сумму. Но сейчас он боролся со слезами, которые так и норовили навернуться на глаза.

С высоты мы можем видеть ледниковые долины, прорезающие территорию справа от шоссе номер 93, как отпечатки пальцев великана. Он же видел только узкие дороги, уходящие от шоссе и теряющиеся в переплетении солнечного света и теней. Каждая дорога говорила: «Уже близко». Шоссе указывало: «Вам сюда». Глядя вниз, мы видим придорожную площадку для парковки автомобилей, две бензоколонки и длинную серую крышу с выцветшей на солнце надписью «МАГАЗИН РОЯ». Когда Джек посмотрел направо, то увидел деревянные ступени лестницы, широкое, приглашающее крыльцо, дверь в магазин. Создалось ощущение, что он уже сотни раз поднимался по этим ступеням и заходил в торговый зал, чтобы купить хлеб, молоко, пиво, мясо, рукавицы, отвертку, коробку гвоздей, всякие хозяйственные мелочи, сваленные на полках. Он уже знал, что придется бывать в этом магазине очень и очень часто.

В пятидесяти ярдах от стоянки синевато-серая серебристая извилистая лента Тамарака пересекла шоссе, держа курс в «Норвэй-Вэлли». Когда автомобиль Дейла проезжал по металлическому, тронутому ржавчиной мосту, мост сказал: «Приехали!» – обращаясь к мужчине в неброской, но дорогой одежде, сидевшему на пассажирском сиденье «каприса». А мужчина, который ничего не смыслил в сельском хозяйстве, видел пахотные земли только через иллюминатор самолета, летевшего на высоте сорок тысяч футов, и не мог отличить пшеницы от кукурузы, почувствовал, как сладостно заняло сердце. По другую сторону моста стоял указатель с надписью «Норвэй-Вэлли-роуд».

– Приехали. – Дейл включил правый поворотник и свернул с шоссе.

А наш друг прикрыл рот рукой, словно боялся, что Дейл услышит звуки, которые издавало его сердце.

Тут и там по обочинам росли и кивали тяжелыми головками полевые цветы, одни высокие и яркие, другие прячущиеся в густой зелени травы.

– Когда я еду по этой дороге, у меня всегда поднимается настроение, – улыбнулся Дейл.

– Неудивительно, – удается вымолвить нашему другу.

Большой части сказанного Дейлом не удалось прорваться сквозь ураган эмоций, бушевавший в голове и теле нашего друга. «Это старая ферма Лундов, кузенов моей матери. Вот тут стояла школа на один класс, которую давно снесли. В ней преподавала моя прабабушка. Это дом Дуэйна Апдала, слава богу, он нам не родственник». Бу-бу-бу. Бу-бу-бу. Вновь они переехали Тамарак, поблескивающая сине-серая вода смеялась и кричала: «А вот и мы!» Они обогнули поворот, полевых цветов, льнущих к автомобилю, прибавилось. Растущие среди них тигровые лилии тянулись к нашему другу. Новый шквал эмоций, не ураган, поспокойнее, но не менее сильный, выдавил-таки слезы.

Тигровые лилии. Что с того? Вроде бы тигровые лилии ничего для него не значили. Он имитировал зевок, чтобы вытереть глаза, надеясь, что Дейл ничего не заметил.

– А вот и мы! – воскликнул Дейл, если он и заметил слезы, то не стал комментировать, и свернул на длинную подъездную дорожку, в цветах и траве, которая вроде бы вела на большущий луг. За лугом виднелись прямоугольники полей, уходящие к заросшему лесом склону холма.

– Дом отца увидишь через секунду, – продолжил Дейл. – Луг продается вместе с домом, примыкающее к нему поле принадлежит моим кузенам Рэнди и Кенту.

Белый двухэтажный фермерский дом открылся нашему другу, лишь когда они миновали половину последнего поворота подъездной дорожки, и он молчал, пока Дейл не остановил «каприс» перед домом, не заглушил двигатель и они вместе не вылезли из кабины. Дом стоял перед ними, крепкий, свежеевыкрашенный, ухоженный, очень компактный, на краю зеленого луга, усыпанного цветами.

– Боже мой, Дейл, – выдохнул наш друг, – это же рай.

Здесь мы и найдем участника наших прежних странствий, в юности знакомого с мальчиком, которого звали Морган Слоут,

и с другим, откликнувшись на короткое имя – Волк. В этом крепком, уютном, подновленном белом доме мы найдем нашего давнего друга, того, кто в юности пересек страну от океана до океана в поисках одной очень нужной вещи – великого талисмана. Кто, несмотря на все трудности и преграды, нашел его и мудро им воспользовался. Кто вел себя как герой и совершил несколько чудес. Кто ничего этого не помнит. В этом доме мы, наконец, встретим бывшего лейтенанта отдела расследования убийств полиции Лос-Анджелеса, Джека Сойера, завтракающего под аккомпанемент голоса Джорджа Рэтбана с радиостанции KDCU.

Наш Джек. Джеки-бой, как называла его мать, уже ушедшая от нас Лили Кавано Сойер.

Он следовал за Дейлом по пустому дому: первый этаж, второй, снова первый, подвал; как положено, восхищался новыми печью и нагревателем воды, которые Гилбертсон установил за год до смерти отца, качеством ремонта, выполненного Дейлом, блеском навощенных деревянных полов, толщиной изоляции на чердаке, крепостью окон, многими мелочами, на которые обращал его внимание Дейл.

– Да, я тут много чего сделал, – рассказывал Дейл. – Дом требовал внимания, но я люблю работать руками. Потому для меня это превратилось в хобби. Когда удавалось выкроить время, по уик-эндам и не только, я приезжал сюда на несколько часов и возился. Не знаю, может, мне казалось, что так я поддерживаю связь с отцом. Он был хорошим человеком, мой отец. Хотел, чтобы я стал фермером, как он, но, узнав, что я хочу пойти в полицию, сразу поддержал меня. Знаешь, что он сказал? «Если у тебя не лежит душа к фермерству, лучше этим не заниматься. Будешь чувствовать себя мулом с утра и до вечера. Твоя мать и я растили тебя не для того, чтобы ты превратился в мула».

– А что думала она? – спросил Джек.

– Моя мать происходила из фермерской семьи. Фермерами были многие поколения ее предков. Она думала, что, возможно, мне понравится роль мула. Умерла она на четыре года раньше отца и к тому времени уже привыкла, что я – коп. Давай выйдем через дверь кухни и взглянем на луг, не возражаешь?

Когда они вышли за дверь и смотрели на луг, Джек спросил Дейла, сколько он хочет за этот дом. Дейл, давно ожидавший этого вопроса, сбросил пять тысяч с максимальной цены, которую он и Сара, по их прикидкам, могли получить за него. А разве могло быть иначе? Он хотел, чтобы Джек Сойер купил дом, в котором сам вырос, хотел, чтобы тот проводил рядом хотя бы пару недель в году. Если он и мог продать этот дом, то только Джеку.

– Ты серьезно? – спросил Джек.

– По-моему, это справедливая цена, – в некотором смущении ответил Дейл.

– Для тебя – нет, – покачал головой Джек. – Я не позволю тебе продать дом за бесценок только потому, что ты хорошо ко мне относишься. Поднимай цену, а не то я уйду.

– Вы, самовлюбленные горожане, умеете торговаться. Ладно, пусть будет на три тысячи больше.

– На пять, – возразил Джек. – Или я дом не беру.

– Согласен. Но ты разбиваешь мне сердце.

– Надеюсь, больше мне не придется покупать дома у норвежской деревенщины вроде тебя.

Дом он купил, отправив деньги из Лос-Анджелеса, подписями на документах они обменялись по факсу. Дейл ничего не знал о прошлом Джека Сойера, но понимал, что жалованье полицейского офицера не является единственным источником его доходов. Две недели спустя Джек появился в округе Каули, договорился о подключении дома к телефонной линии, перевел на себя счета за электричество, скупил полмагазина Роя, побывал в Ардене и Ла Ривьере, где приобрел новую кровать, постельное белье, столовые приборы, посуду, кастрюли, сковородки, набор французских ножей, микроволновую печь, телевизор с огромным экраном, стереосистему, стоившую, по расчетам Дейла, приглашенного в дом на стаканчик виски, никак не меньше его годового оклада. Среди покупок Джека были и такие, что сильно удивили Дейла. Он понятия не имел, что их можно приобрести в округе Френч штата Висконсин. Да кому здесь мог потребоваться штопор ценой шестьдесят пять долларов, называемый «Мастер вин»? Кто же этот парень? В какой семье он воспитывался?

Дейл заметил пакет с незнакомым ему названием магазина, наполненный лазерными дисками по пятнадцать-шестнадцать долларов за штуку. За си-ди в этом же пакете Джек выложил порядка двухсот долларов. Ему открылась еще одна сторона увлечений Джека Сойлера. Он, видать, сильно любил музыку. Заинтригованный, Дейл наклонился, вытащил несколько компактв. Клиффорд Браун, Лестер Янг, Томми Фланаган, Пол Десмонд.

– Никогда о таких не слышал, – признался он. – Это что, джаз?

– Ты совершенно прав, – кивнул Джек. – Слушай, если я попрошу тебя помочь мне с расстановкой мебели, картинами? Через месяц-другой я много чего сюда привезу.

– Конечно. – Тут Дейла осенило. – Слушай, тебя надо познакомить с моим дядей Генри! Он – твой сосед, живет в четверти мили дальше по дороге. Муж моей тети Роды, сестры отца, которая умерла три года назад. Генри – энциклопедия странной музыки.

Джек никоим образом не мог согласиться с утверждением, что джаз – странная музыка. С другой стороны, возможно, она казалась странной для ушей Дейла.

– Я не думал, что фермерам хватало времени, чтобы слушать музыку.

Дейл расхохотался:

– Генри – не фермер. Генри... – Улыбаясь во весь рот, Дейл раскинул руки с растопыренными пальцами, подбирая нужное слово. – Он – фермер наоборот. Когда ты вернешься, я вас познакомлю. Ты просто влюбишься в него.

Шестью неделями позже Джек вернулся, чтобы встретить трейлер с вещами и сказать грузчикам, куда ставить мебель и все остальное. Еще через несколько дней, распаковав большинство ящиков, он позвонил Дейлу и спросил, остается ли в силе его обещание помочь. Часы показывали пять вечера, день выдался таким скучным, что Том Лунд заснул за столом, и Дейл поехал в Норвэй-Вэлли, не переодевшись в гражданское.

Джек пожал ему руку, пригласил в дом. Дейл переступил порог и остолбенел, не в силах двинуться дальше. Прошло две или три секунды, прежде чем он понял, что остолбенел от шока и шок этот самый что ни на есть радостный. Старый дом совершенно преобразился, словно Джек обманул его, открыв знакомую дверь

в совершенно другой дом. Гостиная, кухня ничем не напоминали ему ни обстановку, знакомую с детства, ни голые стены последнего времени. По дому словно прошла волшебная палочка, и он, так казалось Дейлу, превратился в нечто, никогда им не виданное, виллу на Ривьере, квартиру на Парк-авеню (Дейл не бывал ни в Нью-Йорке, ни на юге Франции). Потом до него дошло, что Джек не трансформировал старый дом, просто увидел в нем нечто недоступное его глазам. Кожаные диваны и кресла, яркие ковры, широкие столы, настольные лампы прибыли из другого мира, но идеальным образом встроились в этот дом, будто специально для него и создавались. Все, что он видел перед собой, приглашало войти, и Дейл обнаружил, что вновь может двигаться.

– Вау! – воскликнул он. – Похоже, дом попал в хорошие руки.

– Я рад, что тебе тут нравится, – улыбнулся Джек. – Должен признаться, мне тоже. Результат получился даже лучше, чем я ожидал.

– А чего ты меня позвал? Тут уже все на месте.

– Нам надо развесить картины, – ответил Джек. – Вот тогда все будет на месте.

Дейл решил, что Джек ведет речь о семейных фотографиях^[33]. Он не понимал, какая нужна помощь для того, чтобы развесить по стенам несколько рамок, но раз уж Джек позвал его, почему не помочь? Опять же фотографии могли многое рассказать ему о семье Джека, которая очень его интересовала. Однако Джек повел его к плоским деревянным ящикам, которые стояли на кухне, прислоненные к разделочному столику. У Дейла вновь возникло ощущение, что он перенесся в другой, незнакомый ему мир. Ящики эти явно изготавливались вручную. И служили для того, чтобы в очень серьезных передрягах содержимое оставалось в целости и сохранности. Высота некоторых достигала пяти, а то и шести футов при одинаковой ширине. Понятно, что находились в них не фотографии ма и па. Им с Джеком стоило немало усилий вытащить гвозди и отделить от ящиков крышки. Дейл пожалел, что не заехал домой переодеться. Форма взмокла от пота, когда они вытащили из пяти ящиков пять тяжелых прямоугольных предметов, завернутых в несколько слоев ткани. А ведь многих ящиков поменьше они еще не касались.

Часом позже они вынесли пустые ящики в подвал и поднялись вверх, выпить пива. Затем срезали ткань, и глазам Дейла открылись картины, которые он мог, пожалуй, охарактеризовать как современное искусство. Он не мог понять, что изображено на многих, хотя в большинстве своем они ему понравились, особенно два пейзажа. Он явно никогда не слышал об этих художниках, но понимал, что их фамилии наверняка знают люди, которые живут в больших городах и ходят в музеи и галереи. Это искусство, все эти образы, большие и маленькие, которые теперь смотрели на Дейла, поражали его. Он действительно вошел в другой мир, в котором не находил ни одного знакомого ориентира. А потом вспомнил, что он и Джек Соьер намереваются развесить картины по стенам дома его родителей. И тут же на душе его стало легко и покойно. Разве соседние миры не могут пересекаться? Разве этот соседний мир принадлежит не Джеку?

– Ладно. Жаль, что Генри, дядя, о котором я тебе говорил, что живет чуть дальше по дороге, не сможет увидеть эти картины. Генри оценил бы их по достоинству.

– А почему он не сможет их увидеть? Я приглашу его в гости.

– Я тебе не говорил? – спросил Дейл. – Генри слепой.

Картины переместились на стены гостиной, поднялись по лестнице, заняли спальни. Пару небольших картин Джек разместил в большой ванной на втором этаже и маленькой – на первом. У Дейла начали болеть руки от тяжелых рам, которые ему приходилось держать, пока Джек намечал места, куда следовало вбивать гвозди. После первых трех картин он снял галстук и закатал рукава, чувствуя, как пот течет по лицу и шее. Расстегнул промокший насквозь воротник. А вот Джек выглядел так, словно размышлял об обеденном меню, а не занимался тяжелым физическим трудом.

– Так ты у нас коллекционер? – спросил Дейл. – Много потребовалось времени, чтобы собрать все эти картины?

– Я слишком мало знаю, чтобы считаться коллекционером, – ответил Джек. – В основном это картины, которые мой отец купил в пятидесятых и шестидесятых годах. Кое-что приобретала и моя мать, если видела картину, берущую за душу. Скажем, вот этот маленький пейзаж Фэрфилда Портера, с крыльцом, лужайкой и цветами.

Маленький пейзаж Фэрфилда Портера – Дейл понял, что так звали художника, – приглянулся ему, как только Джек достал его из ящика. Такую картину он бы повесил и в своей гостиной. С такого крыльца мог бы сойти на зеленую лужайку. Странно, подумал Дейл, а ведь если бы он повесил эту картину в своей гостиной, большинство людей, которые заходили туда, ее бы просто не заметили.

Джек что-то сказал насчет того, как он рад, что наконец-то удалось забрать картины из хранилища.

– Так их дали тебе твои отец и мать? – спросил Дейл.

– Я унаследовал их после смерти матери, – ответил Джек. – Мой отец умер, когда я был еще ребенком.

– О черт, извини. – Дейл рывком выскочил из мира, в который приглашал его мистер Фэрфилд Портер. – Это ужасно – потерять отца таким молодым. – Он решил, что Джек объяснил, чем обусловлена аура самодостаточности и отстраненности, которая всегда окружала его. Но за секунду до того, как Джек ответил ему, сказал себе, что все это бред. Он понятия не имел, почему человек становится таким, как Джек Сойер.

– Да, – кивнул Джек. – К счастью, мать оказалась крепче.

Дейл обеими руками ухватился за возможность узнать побольше.

– А чем занимались твои старики? Ты из Калифорнии?

– Родился и вырос в Лос-Анджелесе. Мои родители работали в шоу-бизнесе, но не ставь это им в минус. Они были великими людьми.

Джек не пригласил Дейла остаться на ужин, чем неприятно его удивил. Им потребовалось полтора часа, чтобы повесить остальные картины. Джек Сойер оставался дружелюбным и добродушным, но Дейл не зря много лет служил копом и, конечно же, почувствовал, что раскрывать душу его приятель не собирается. Да, дверь чуть-чуть приоткрылась, но тут же захлопнулась. А характеристика «великие люди» сразу вывела родителей Джека за пределы досягаемости. Когда мужчины вновь прервались, чтобы выпить пива, Дейл заметил два пакета из продовольственного магазина Сентральной, лежащие рядом с микроволновой печью. Время близилось к восьми вечера, тогда как в округе Френч ужинать привыкли в шесть. Джек мог решить, что Дейл приехал к нему после того, как поел, но полицейская форма убеждала в обратном.

Он попытался завести разговор о самом сложном расследовании, в котором ему доводилось участвовать. Из ближайшего пакета чуть высовывались две упаковки со стейками. У Дейла урчало в животе. Но Джек тему не поддержал.

– Дело Торнберга Киндерлинга ничем не отличалось от других, которыми я занимался в Лос-Анджелесе. И я очень благодарен тебе за помощь.

Дейл все понял. Еще одна запертая дверь. Джек не хотел сближаться ни на йоту. Не хотел вдаваться в прошлое.

Они допили пиво, повесили последние картины. После приезда Дейла они говорили на разные темы, но в границах, которые устанавливал Джек Соьер. Дейл не сомневался, что его вопрос о родителях Джека сократил вечер, но не мог понять почему. Что скрывал этот человек? И от кого? После завершения работы Джек тепло поблагодарил его и проводил до автомобиля, похоронив надежды на то, что они часок-другой посидят за столом. Дело закрыто, игра закончена, застегивай молнию ширинки, как говаривает неподражаемый Джордж Рэтбан. Когда они вышли в ночь, благоухающую ароматами полевых цветов и травы, под миллионы звезд, усеявших небо, Джек удовлетворенно вздохнул:

– Я надеюсь, ты знаешь, как я тебе благодарен. Честно говоря, так жаль, что надо возвращаться в Лос-Анджелес. До чего же тут красиво.

Когда Дейл возвращался во Френч-Лэндинг по пустынному шоссе номер 93, никто не догонял его, никто не ехал навстречу, он подумал: а не звалась ли сфера шоу-бизнеса, в которой работали родители Джека, порнобизнесом? Может, папаша снимал, а мамаша играла главную роль? Люди, которые делали порнофильмы, наверняка загребали кучу денег, особенно если в съемках участвовала вся семья. Но, не проехав и десятой части мили, Дейл признал, спасибо Фэрфилду Портеру, что эти мысли – досужая выдумка, не имеющая ничего общего с действительностью. Ни одна женщина, зарабатывающая на жизнь тем, что трахается с незнакомцами на съемочной площадке, не стала бы тратить живые деньги на такую картину.

Давайте войдем на кухню Джека Соьера. На обеденном столе лежит нераскрытый утренний номер «Геральд». Чугунная сковородка с брошенным на нее куском сливочного масла разогревается

на ближней левой горелке газовой плиты. Высокий, поджарый, задумавшийся о своем мужчина в линялой футболке с буквами ЮКУ^[34] на груди, джинсах и итальянских туфлях цвета черной патоки со сбивалкой в руке склонился над стальной миской, превращая в однородную массу белки и желтки большого количества яиц.

Глядя, как он хмурится, устремив взгляд поверх сверкающей миски, мы отмечаем, что красавец мальчик, которого мы в последний раз видели в комнате на четвертом этаже заброшенного отеля в Нью-Хэмпшире, превратился в мужчину, привлекательная внешность которого лишь малая часть его достоинств. А что достоинств у Джека Сойера много, ясно с первого взгляда. Даже если он чем-то озабочен. И пусть его окружает некая таинственность, в нем чувствуется удивительная уверенность в себе, умение принимать решения и исполнять их. Глядя на него, сразу понимаешь: Джек – один из тех людей, к которым приходят те, кто чувствует, что им угрожают, их унижают или оскорбляют. Ум, решительность, надежность так впечатались в черты его лица, что замечаются раньше красоты. Этот мужчина не останавливается, чтобы полюбоваться своим отражением в зеркале: тщеславие ему чуждо. Понятно, почему он считался восходящей звездой управления полиции Лос-Анджелеса, почему его личное дело распухало от благодарностей, почему именно его отбирали для специальных программ и тренировочных циклов ФБР, разработанных, чтобы ускорить подъем восходящих звезд (по мнению коллег и начальников Джека, к сорока годам он бы стал полицейским комиссаром мегаполиса масштаба Сан-Диего или Сиэтла, а десятью или пятнадцатью годами позже, если бы ничего не случилось, Сан-Франциско или Нью-Йорка).

Отметим, что его возраст столь же незаметен, как и красота: у него вид человека, прожившего не одну жизнь до начала этой, побывавшего в таких местах и видавшего такого, что большинство людей не сможет себе даже представить. Неудивительно, что Дейл Гилбертсон восхищается им, неудивительно, что хочет заручиться поддержкой Джека. На его месте мы стремились бы к тому же, но нам повезло бы ничуть не больше. Джек на пенсии, он вышел из игры, очень жаль, чертовски сожалею и все такое, но человек должен смешать белок и желток, если хочет съесть омлет, как сказал Джон Уэйн Дину Мартину в «Рио-Браво».

– И как моя мама твердила мне, – Джек вдруг озвучивает свои мысли, – как она говорила: «Солнышко мое, когда герцог говорил, все внимательно слушали, потому что иначе он начинал махать топором». Да, так она и сказала, именно этими словами. – Он молчит, потом добавляет: – Одним прекрасным утром в Беверли-Хиллз... – и, наконец, замечает, что делает.

Мы видим перед собой на редкость одинокого мужчину. Одиночество так давно живет с Джеком Сойером, что он воспринимает его как должное, смирившись с тем, что по-другому и быть не может. Но одиночество – не самое худшее, что может выпасть на долю человека. Вспомним, к примеру, церебральный паралич или болезнь Лу Герига. Одиночество – часть программы, заложенной в человека, ничего больше. Даже Дейл заметил эту особенность характера своего друга, а ведь, несмотря на многие достоинства начальника полиции Френч-Лэндинга, нельзя сказать, что он силен в психологии.

Джек смотрит на часы над плитой и видит, что до отъезда во Френч-Лэндинг, где он должен забрать Генри Лайдена по окончании утренней радиопрограммы, еще сорок пять минут. Это хорошо, времени у него достаточно, он сможет использовать его с толком, твердя себе: «Все хорошо, со мной все в порядке, чему я очень, очень рад».

Когда Джек проснулся этим утром, тихий голос в его голове объявил: «Я – копписмен»^[35].

«Черта с два», – подумал он и предложил голосу оставить его в покое. Тихий голос может катиться ко всем чертям. Он завязал со службой в полиции, перестал расследовать убийства...

...огни карусели отражались от лысого черепа чернокожего мертвеца, который лежал на пирсе Санта-Моники^[36]...

Нет. Туда не надо... Потому что... потому что не надо, вот и все.

Джеку вообще не следовало появляться в Санта-Монике. В Санта-Монике хватало своих копов. Насколько он знал, толковых, компетентных копов, пусть и не полностью соответствовавших стандартам, установленным нашим замечательным другом, восходящей звездой, самым молодым лейтенантом отдела расследования убийств УПЛА^[37]. На их территорию восходящая звезда забрела только по одной причине: она только что вдрызг

разругалась с очень милой, во всяком случае достаточно милой, жительницей Малибу, мисс Брук Крир, сценаристкой, труд которой высоко ценился ее коллегами, специализирующейся в жанре авантюрно-романтической комедии, остроумной, обаятельной, красивой. Именно поэтому Джек мчался по живописному отрезку Прибрежной автострады в районе каньона Малибу в непривычно мрачном настроении.

Миновав очередной поворот на въезде в Санта-Монику, он увидел яркое колесо Ферриса^[38], вращающееся над морем огней и нарядной толпой на пирсе. Блеск, веселье, беззаботность зрелища захватили и увлекли его. Импульсивно Джек припарковал автомобиль и двинулся навстречу огням, радостно сверкающим в темноте. В последний раз он бывал на пирсе Санта-Моники шестилетним мальчиком. Тогда, ухватившись за руку Лили Кавано Сойер, он тянул ее за собой, как собака – хозяина.

Конечно же, то, что произошло потом, иначе как случайностью не назовешь. Говорить о совпадении просто бессмысленно. Совпадение обычно связывает два ранее независимых фрагмента некоего большего события. Здесь ничего не связывалось, не было и большего события.

Он подошел к аляповато украшенному входу на пирс и тут заметил, что колесо Ферриса не вращается. Круг стационарных фонарей освещал пустые кабины. В это мгновение гигантское сооружение выглядело злобным инопланетянином, тщательно замаскировавшимся и выбирающим момент, чтобы причинить как можно больше вреда. Джек буквально слышал, как пришелец что-то мурлычет себе под нос. «Ну конечно, – подумал он, – колесо Ферриса, готовое наброситься на людей... возьми себя в руки. Ссора потрясла тебя сильнее, чем ты хотел бы себе в этом признаться». А потом посмотрел вниз и понял, что пирс действительно окутывает аура зла: он подоспел аккурат под самое начало расследования убийства.

Среди огней у колеса Ферриса поблескивали и «маячки» патрульных машин полиции Санта-Моники. На пирсе четверо полицейских в форме сдерживали толпу зевак, напиравших на ленту,

которой обнесли место преступления у ярко освещенной карусели. Джек сказал себе, что ему тут делать нечего. Он тут лишний. Кроме того, карусель вызывала у него какие-то смутные, неприятные чувства. Беспокоила его еще больше, чем остановившееся колесо Ферриса. От одного вида карусели его всегда бросало в дрожь, не так ли? Эти карликовые разрисованные лошади, застывшие, с оскаленными зубами, со стальными прутьями, пронзающими их чрево – садистский кич.

«Уходи, – сказал себе Джек. – Тебя бортанула подружка, вот и настроение хуже некуда».

А насчет карусели...

Резко опустившийся ментальный свинцовый занавес оборвал дискуссию о каруселях. С ощущением, будто его подталкивают изнутри, Джек ступил на пирс, двинулся сквозь толпу, едва отдавая себе отчет, что в своей карьере никогда не вел себя столь непрофессионально.

Протолкнувшись в первый ряд, нырнул под оградительную ленту и сунул свой жетон под нос молоденькому копу, который попытался остановить его. Где-то неподалеку гитарист заиграл блюзовую мелодию, название которой Джек почти вспомнил. Оно уже поднялось на поверхность, но сорвалось, опять нырнув в глубины памяти. Молоденький коп одарил его недоуменным взглядом и отошел к детективу, стоявшему вместе с другими над трупом, на который Джеку смотреть абсолютно не хотелось. Музыка раздражала его. Сильно раздражала. Если точнее, просто выводила из себя. Понятное дело, реагировал он неадекватно, подумаешь, музыка, но какой идиот решил, что расследование убийства должно сопровождаться саундтреком?

Разрисованная лошадь вздыбилась и замерла, залитая ярким светом.

У Джека скрутило живот, в груди что-то яростное и настойчивое, нечто такое, чего не следовало замечать ни при каких обстоятельствах, изготовилось и раскинуло руки. Или распростерло крылья. Это ужасное нечто желало вырваться на свободу и заявить о себе. Джек испугался, что его сейчас вырвет. Как только приступ тошноты прошел, туман, окутавший сознание, на какие-то мгновения рассеялся.

Добровольно, не торопясь, он ступил в безумие и теперь пребывал в нем. Другого объяснения он не находил. К нему, с написанными на лице изумлением и яростью, направлялся детектив Анджело Леоне, до перевода в Санта-Монику служивший в одном полицейском управлении с Джеком. Там он прославился жадностью, страстью к насилию, продажностью, презрением к гражданским, независимо от цвета кожи, расы, богатства и социального положения, но, будем справедливыми, также бесстрашием и абсолютной преданностью всем полицейским офицерам, которые придерживались тех же взглядов на службу, которые проделывали то же, что и он, которым, как и ему, все сходило с рук. Презрение, испытываемое Анджело Леоне к Джеку Соьеру, который исповедовал совсем иное отношение к службе, ничуть не уступало зависти, вызываемой у Леоне успехами молодого коллеги. До встречи с пещерным человеком оставалось несколько секунд. И вместо того, чтобы думать, как объяснить пещерному человеку свое появление на пирсе, Джек ломал голову над каруселями и гитарами, размышлял о том, как сходят с ума. Он ничего не мог объяснить. Никакого объяснения и быть не могло. Какой-то внутренний порыв вытолкнул его на пирс, но едва ли Джек мог говорить с Анджело Леоне о внутренних позывах. Не смог бы он предложить внятного объяснения и своему капитану, если бы Леоне написал жалобу.

«Ну, видите ли, получилось так, будто кто-то еще дергал меня за ниточки и по пирсу шел другой человек...»

Первые слова Анджело уберегли его от беды.

– Только не говори мне, что ты здесь по делу, маленький честолобивый сопляк.

Поскольку на службе Леоне не раз и не два нарушал закон, над ним постоянно висела угроза официального расследования. Стратегическое отступление на заранее заготовленные позиции, переход в другое полицейское управление не спасало от археологических раскопок, которые мог провести отдел внутренней безопасности, если бы пресса не оставила высшим чинам другого выхода. Каждые десять или двадцать лет благожелатели, предатели, сосунки, озлобленные штатские и копы, слишком глупые, чтобы следовать главной заповеди полиции: один за всех, все – за одного, – вставляли бомбу в коллективный анус прессы, от взрыва которой

разлетались многие головы. Поэтому Леоне, за которым числилось много грехов, сразу пришла на ум мысль, что козырной туз отдела расследования убийств УПЛА собирает на него досье.

Как Джек и предполагал, сбивчивые слова о том, что его просто потянуло на место преступления, как пожарного, проходящего мимо пожара, только усилили подозрения Леоне.

– Ладно, ты оказался здесь случайно. Отлично. А теперь послушай меня. Если в течение ближайших шести месяцев я вдруг услышу твое имя в связи с тем, что может мне не понравиться, ты будешь до конца своих дней писать через трубочку. Так что проваливай и не мешай мне заниматься делом.

– Я ухожу, Анджело.

Напарник Леоне уже направлялся к ним через залитый светом пирс. Леоне скорчил гримасу и жестом дал понять, что ему тут делать нечего. Не собираясь этого делать, не думая об этом, Джек случайно позволил взгляду скользнуть мимо детектива на труп, лежащий рядом с каруселью. Набравшее еще большую силу, ужасное существо в его груди взмахнуло крыльями, руками, когтистыми лапами, всем, чем можно, в яростной попытке вырваться наружу.

Крылья, руки, лапы рвали легкие Джека. Когти скребли по стенкам желудка.

Существовало неписаное правило, которое ни при каких обстоятельствах не мог нарушить детектив, работающий в отделе расследования убийств, тем более лейтенант этого отдела: не блевать при виде трупа. Джек изо все сил пытался сохранить честь мундира. Желчь уже стояла в горле, и он закрыл глаза. Мерзкая, вонючая тварь все рвалась и рвалась.

Огни отражались от лысого черепа чернокожего мертвеца, лежавшего рядом с каруселью...

Не ты. Нет, не ты. Стучись, сколько хочешь, ты не можешь войти.

Крылья, руки, когтистые лапы опустились: существо впало в дрему. Не переступив запретную черту, Джек вновь смог открыть глаза. Он не знал, сколько прошло времени. Морщинистый лоб, мрачные глаза, хищный рот Анджело с расстояния в шесть дюймов перекрывали все поле зрения.

– Что ты здесь делаешь? Оцениваешь нашу работу?

– Мне бы хотелось, чтобы этот идиот убрал гитару в футляр.

На лице Анджело отобразилось удивление.

– Гитару? Я не слышу никакой гитары.

Тут Джек понял, что не слышит и он.

Разве любой здравомыслящий человек не попытается выбросить из головы подобный эпизод? Выбрасывают же мусор. Он ни на что не годится, использовать его невозможно, так чего держаться за него? Инцидент на пирсе ничего не значил. Ни с чем не был связан, ни к чему не вел. Не мог иметь никаких последствий. После того как любовница дала ему от ворот поворот, Джек стал сам не свой, и временное помрачение рассудка привело к тому, что он забрел на место преступления, находящееся на чужой территории. Произошла досадная ошибка, ничего больше.

Но через пятьдесят шесть дней и одиннадцать часов звездный мальчик вошел в кабинет своего капитана, положил на стол жетон и пистолет и объявил изумленному начальнику о немедленном уходе в отставку. Ничего не зная о его стычке с детективом Леоне на пирсе Санта-Моники, капитан, естественно, не поинтересовался, какое влияние оказали на решение лейтенанта остановившаяся карусель и чернокожий мертвец. Но даже если бы поинтересовался, Джек ответил бы, что ровным счетом никакого.

«Не ходи туда», – советует он себе, и ему удастся последовать собственному совету. Нет, он видит несколько «снимков», словно при вспышках стробоскопа. Голова деревянного вздыбленного пони, перекошенное от злобы лицо Анджело Леоне, объект, занимающий центральную позицию, с какой стороны ни посмотри, который он особенно не хочет видеть... и в тот момент, когда возникает очередная вспышка, Джек отсылает эти видения прочь. Он чувствует себя практикующим магом. Он действительно маг, добрый маг. Он прекрасно знает, что его подвиги в изгнании видений являются самозащитой, и если мотивы, побуждающие его использовать защитную магию, неясны, сама необходимость защиты сомнений не вызывает. Если хочешь сделать омлет, надо смешать белки и желтки, таково мнение непререкаемого авторитета, герцога Уэйна.

Джеку Сойеру есть о чем подумать и без неуместных замечаний сонного голоса, который произнес слово «полисмен» на детский

манер. Этот голос он бы тоже отправил куда подальше с помощью магии, но не получается, голоса отказываются затихать, жужжат, словно рассерженные осы.

Как ни посмотри, он не очень-то владеет ситуацией, наш Джек. Он смотрит на часы, потом на яйца, которые выглядят как-то не так, пусть он и не может сказать, с чего такое ощущение. Не может понять, какие он должен делать выводы из вида яиц. Яйца ни о чем ему не говорят. Периферийным зрением он ухватывает заголовок на первой полосе «Ла Ривьер геральд». Большие буквы разом срываются с бумаги и плывут к нему. «РЫБАК ПО-ПРЕЖНЕМУ ГУЛЯЕТ ПО...» Нет, этого достаточно. Он отворачивается от ужасных слов, которые возвращают его к Рыбаку. Как насчет «ПО СТЕЙТЕН-АЙЛЕНДУ» или «ПО БРУКЛИНУ», где настоящий Альберт Фиш настиг двух из своих жертв?

От всего этого его мутит. Двое детей мертвы, Ирма Френо пропала и скорее всего тоже мертва и частично съедена, лунатик, который косит под Альберта Фиша... Дейл буквально насильно заставил его все это выслушать. Подробности проникают в его тело, как яд. Чем больше он узнает – а для человека, который действительно старался держаться подальше от этого дела, Джек узнал на удивление много, – тем выше концентрация яда в крови, тем более искаженным становится его восприятие действительности. Он поселился в Норвэй-Вэлли, чтобы убежать от мира, который вдруг стал хрупким и подвижным, словно под внешним давлением потерял прочность. В его последний месяц в Лос-Анджелесе давление это стало невыносимым. Какие-то странные тени мелькали в темных окнах и между домами, грозя обрести форму. В выходные не отпускало ощущение, что он нахлебался грязной воды из посудомоечной машины, отчего дышалось с трудом и приходилось все время бороться с тошнотой. Вот и работал он практически без отдыха, успешно завершая одно расследование за другим (по выставленному им самим диагнозу, вина за его состояние лежала на работе, но едва ли мы можем винить капитана за то, что он изумился, когда его лучший детектив так внезапно попросился в отставку).

Он укрылся в забытом Богом уголке Америки, в этом убежище, в этом раю, примыкающем к желтому лугу, как можно дальше от мира угроз и безумия, почти в двадцати милях от Френч-Лэндинга,

достаточно далеко от Норвэй-Вэлли-роуд. Однако все попытки отгородиться провалились. Но он по-прежнему пытался уйти от поднявшейся бури, отстаивать свое право на уединение. Потому что, уступив видениям и голосам, донимавшим его, он бы признал, что мир, от которого удрал три года назад, все-таки вышел на его след и наконец настиг.

В Калифорнии трудности работы сокрушили его; теперь все беды Западного Висконсина он должен держать на расстоянии вытянутой руки. Иногда, глубокой ночью, он просыпается от эха сладенького, отравленного голоска: «Больше никаких копписменов, не буду, слишком близко, слишком близко». О том, что близко, Джек Сойер не хочет и думать, это доказывает, что он должен избегать дальнейшего отравления.

Плохие новости для Дейла, он это знает и сожалеет о своей невозможности как принять участие в расследовании, так и объяснить причину отказа своему другу. На карту поставлено будущее Дейла, двух мнений тут быть не может. Он – хороший начальник полиции, более чем хороший для Френч-Лэндинга, но он недооценил игру и подставился под удар. Выражая уважение к местной власти, присланные центральным полицейским управлением детективы Браун и Блэк, низко поклонившись, отступили в сторону, позволив Дейлу Гилбертсону, который думал, что они оказывают ему честь, самолично затянуть петлю на шею. Плохо, конечно, но Дейл только сейчас понял, что стоит на опускаемом люке с черным мешком на голове. Если Рыбак убьет еще одного ребенка... Ну, Джек Сойер выражает глубочайшее сожаление. Прямо сейчас сотворить чудо он не может, извините. Голова Джека занята более важными вопросами.

Красными перышками, например. Такими маленькими. Маленькие красные перышки как занимали мысли Джека, так и занимают, несмотря на попытки избавиться от них с помощью магии. А появились они за месяц до убийств. Однажды утром, когда он вышел из спальни и спускался по лестнице, чтобы приготовить завтрак, одноединственное красное перышко, меньше пальчика младенца, вроде бы выплыло из скошенного потолка над верхними ступенями и спланировало вниз. За ним последовали еще два или три. Овальная секция штукатурки напротив словно моргнула и открылась, как глаз, и из этого глаза перышки так и посыпались, будто их с силой

выдуло из какой-то трубы. Перышковая дробь, перышковый ураган обрушился на его грудь, поднятые руки, голову.

Но это...

Этого никогда не случалось.

Случилось что-то другое, и ему потребовались минута или две, чтобы сообразить, что к чему. Какой-то нейрон в мозгу дал сбой. Какой-то рецептор захватил не ту химическую молекулу, а может, лишнюю. В результате по проводящим путям прошел не тот сигнал, на который зрительные центры отреагировали созданием иллюзии. По существу, эта иллюзия практически ничем не отличалась от галлюцинации, а галлюцинации – обычное дело для алкоголиков, наркоманов и сумасшедших, особенно параноидальных шизофреников, с которыми Джеку приходилось часто иметь дело на том отрезке его жизни, когда он был копписменом. Джек не попадал ни под одну из этих категорий, включая последнюю. Знал, что он не параноидальный шизофреник и вообще не сумасшедший. Если вы думали, что Джек Соьер – псих, значит, это у вас не все дома. Он абсолютно, как минимум на 99 процентов, верил в здравость своего рассудка.

Поскольку он не галлюцинировал, летящие в него перышки были не чем иным, как иллюзией. Любое другое объяснение включало реальность, а перышки не имели никакого отношения к реальности. В каком, скажите на милость, мире мы живем, если такое может с нами случиться?

Пронзительный крик Джорджа Рэтбана ворвался в его мысли: «Мне больно это говорить, честное слово, потому что я люблю нашу дорогую «Пивную команду», вы знаете, что люблю, но бывают моменты, когда любовь должна сжать зубы и взглянуть правде в лицо... например, признать убогость наших питчеров. Бад Селиг, о, Б-А-А-Д, это я пытаюсь докричаться до Хьюстона. Пожалуйста, вернись! Даже слепому удалось бы больше страйков, чем нашим КРИВОРУКИМ, ТУПОГОЛОВЫМ НЕУДАЧНИКАМ».

Старина Генри! Он настолько перевоплощался в Джорджа Рэтбана, что казалось, ты видишь пот, выступающий на рубашке у него под мышками. Но лучшим из перевоплощений Генри, по мнению Джека, был образ уверенного в себе, не терпящего возражений хиппаря Генри Шейка («Аравийский Шейк, Шейк, Шейк»), который,

если пришлось бы к слову, мог рассказать, какого цвета носки надел Лестер Янг в день записи «Чистильщика обуви» или «Леди, будьте пайнкой», а также описать интерьеры двух десятков знаменитых, но в большинстве своем давно уже закрывшихся джаз-клубов.

«...и прежде чем мы услышим очень мелодичную, очень красивую, очень простую музыку, которую однажды в воскресенье «Трио Билла Эванса» нашептывало слушателям в «Виллидж Авангард», проявим уважение к третьему, внутреннему глазу. Давайте почтим третий глаз, глаз воображения. Вторая половина жаркого июньского дня в Гринвич-Виллидж, Нью-Йорк. По залитой солнцем Южной Седьмой авеню неспешно заходим в тень шатра «Авангарда», открываем белую дверь и по длинной узкой лестнице спускаемся в просторную подземную пещеру. Музыканты выходят на сцену. Билл Эванс садится за рояль и кивает аудитории. Скотт Лафаро обнимает контрабас. Пол Мотиан берет в руки палочки. Эванс наклоняет голову, чуть в сторону, чуть вниз, его пальцы касаются клавиатуры. Для тех из нас, кто удостоен чести быть там, такого больше не повторится.

«Мое глупое сердце», исполняется «Трио Билла Эванса» в «Виллидж Авангард» 29 июня 1961 года. Я, Генри Шейк, «Аравийский Шейк, Шейк, Шейк», принимаю вас у себя в гостях».

Улыбаясь, Джек выливает взбитые белки и желтки на сковородку, дважды цепляет вилкой кашницу там, где она не кажется ему однородной, уменьшает огонь. Вспоминает, что забыл сварить кофе. Бог с ним, с кофе. Кофе ему ни к чему, он прекрасно обойдется апельсиновым соком. Взгляд на тостер подсказывает, что он не поджарил себе и гренок. А нужен ли ему гренок? Нельзя ли обойтись без гренка? Учитывая масло, учитывая холестерин, который вот-вот проникнет в артерии. Омлет – блюдо рискованное, и у него есть веские подозрения, что он разбил слишком много яиц. Теперь Джек не может вспомнить, а с чего он вдруг решил приготовить на завтрак омлет. Он редко ест омлеты. Собственно, и яйца покупает из чувства долга, чтобы заполнить два ряда углублений в верхней части дверцы холодильника. Если бы людям не полагалось покупать яйца, проектировщики холодильников не позаботились бы о том, чтобы предусмотреть для них особое место.

Он подсовывает лопаточку под края затвердевающей, но еще жидкой кашицы, наклоняет сковородку, чтобы яичный слой стал еще

более равномерным, добавляет нарезанные грибы и лук-шалот, накидывает одну половину омлета на другую. Вот так. Отлично. Смотрится хорошо. У него еще сорок минут свободы. Несмотря ни на что, он, похоже, все делает как должно. Держит ситуацию под контролем.

Лежащая на кухонном столе сложенная «Ла Ривьер геральд» опять попадает на глаза Джека. Он забыл про газету. Но газета про него не забыла и требует своей доли внимания. «РЫБАК ПО-ПРЕЖНЕМУ ГУЛЯЕТ ПО...» и так далее. ПО АРКТИЧЕСКОМУ КРУГУ – прекрасное продолжение, но нет, Джек подходит к столу и видит, что Рыбак остается сугубо местной проблемой. Из-под заголовка выскакивают имя и фамилия автора статьи, Уэнделл Грин, и застревают в глазу, словно соринка. Уэнделл Грин, вездесущий, пронырливый паразит, постоянная головная боль. Прочитав два абзаца, Джек стонет и закрывает рукой глаза.

Я – слепой, назначьте меня судьей!

У Уэнделла Грина уверенность лучшего спортсмена маленького городка, который никогда не бывал за его пределами. Высокий, широкоплечий, с копной рыжеватых волос и талией сенатора, Грин мотается по барам, судам, спортивным аренам Ла Ривьеры и окрестностей, излучая хорошо отрететированное обаяние. Уэнделл Грин – репортер, который знает, как положено вести себя репортеру, журналист, придерживающийся проверенных временем методов работы, «золотое перо» «Геральд».

При их первой встрече «золотое перо» произвел на Джека впечатление третьесортного пустозвона, и с той поры у него не было оснований изменить свое мнение. Он не доверяет Уэнделлу Грину. По мнению Джека, общительность репортера скрывает его безграничное вероломство. Грин – хвостун, позирующий перед зеркалом, но коварный хвостун, а такие типы идут на все ради достижения своих целей.

После ареста Торнберга Киндерлинга Грин попросил дать ему интервью. Джек отказал, как и отклонил три приглашения побеседовать после переезда на Норвэй-Вэлли-роуд. Отказы не удержали репортера от «случайных» встреч.

Через день после обнаружения тела Эми Сен-Пьер Джек вышел из прачечной на Чейз-стрит с коробкой свежестиранных

и выглаженных рубашек под мышкой и уже направился к своему автомобилю, когда чья-то рука коснулась его локтя. Обернувшись, он увидел лучащуюся весельем публичную маску Уэнделла Грина.

– Привет, привет, Голли... – Недобрая ухмылка. – Я хотел сказать, лейтенант Сойер. Я так рад, что наскочил на вас. Вот, значит, где вам стирают рубашки? Справляются?

– Если не обращать внимания на пуговицы.

– Понятно. Занятный вы человек, лейтенант. Подскажу вам один адресок. «Заслуживающие доверия», на Третьей улице в Ла Ривьере. Они свое название оправдывают. О пуговицах и думать забудете. Если хотите, чтобы ваши рубашки выстирали и отгладили как надо, идите к китайцам. Хозяина зовут Ли Сам. Воспользуйтесь их услугами, лейтенант.

– Я больше не лейтенант, Уэнделл. Зовите меня Джек или мистер Сойер. Зовите Голливудом, мне без разницы. А теперь...

Он продолжил путь к автомобилю, но Уэнделл Грин пристроился рядом.

– Может, скажете несколько слов, лейтенант? Извините, Джек? Чиф Гилбертсон – ваш близкий друг, я знаю, и в этой трагической истории, маленькая девочка, расчлененка, прочие ужасы, можете вы предложить нам свой опыт, принять участие, познакомить нас со своими мыслями?

– Вы хотите знать мои мысли?

– Все, что вы пожелаете мне сказать, дружище.

Безотчетная злоба, вдруг охватившая Джека, побудила его положить руку на плечо Грину и дать ему дельный совет:

– Уэнделл, дружище, наведите справки о парне, которого звали Альберт Фиш. Из двадцатых годов прошлого столетия.

– Фиш?

– Фиш. Из уважаемой семьи нью-йоркских уоспов^[39]. Потрясающее дело. Полюбопытствуйте.

До этого момента Джек смутно помнил преступления, совершенные странным мистером Альбертом Фишем. Его давно уже затмили другие, жившие ближе к концу двадцатого века маньяки: Тед Банди, Джон Уэйн Гейси и Джеффри Дамер, не говоря уже о таком экзотическом фрукте, как Эдмунд Эмиль Кемпер Третий, который, совершив восемь убийств, обезглавил свою мать, голову поставил

на каминную доску и использовал ее вместо мишени для дротиков, какими играют в дартс. (На вопрос, почему он это сделал, Эдмунд Третий ответил: «Ей там самое место».) Однако именно давно всеми забытый Альберт Фиш вдруг выплыл из памяти Джека и нырнул в открытые уши Уэнделла Грина.

Что на него нашло? Что ж, хороший вопрос, не так ли?

Ой, омлет! Джек хватает из буфета тарелку, достает из ящика нож и вилку, подскакивает к плите, выключает горелку, перекладывает содержимое сковороды на тарелку и вновь садится за стол. Открывает «Геральд» на пятой странице и читает, что Милли Куби в общевисконсинском конкурсе по спеллингу^[40] едва не стала третьей, но в слове «опопанакс» ошиблась, назвав вместо второго «а» – «и». В общем, не такая уж серьезная ошибка, ее вполне мог пропустить корректор в местной газете. Можно ли ожидать от ребенка, чтобы он правильно произнес по буквам такое слово, как «опопанакс»?

Джек отправляет в рот уже третий кусочек омлета, прежде чем неприятные ощущения на языке и нёбе отвлекают его от чудовищной несправедливости, совершенной по отношению к Милли Куби. По вкусу омлет напоминает наполовину сгоревший мусор. Он выплевывает еду и видит кусок серой кашицы и зеленый, наполовину пережеванный лук. Несъеденная часть завтрака выглядит не более аппетитной. Он не приготовил омлет – испортил его.

Его голова падает на грудь, он стонет. Дрожь, словно оборвавшийся электрический провод, бродит по телу, высекая искры, от которых сжимается горло, легкие, пульсируют внутренние органы. «Опопанакс, – думает он. – Я разваливаюсь на части. Прямо здесь и сейчас. Забудь, что я это говорил. Дикий опопанакс схватил меня своими когтями, потряс меня своими опопанакскими лапами, собирается бросить меня в бурлящую реку Опопанакс, где я должен встретить своего опопанакса».

– Что со мной происходит? – вопрошает он вслух. Визгливые нотки в голосе пугают его.

Опопанакские слезы жгут его опопанакские глаза, он стонет опопанакским стоном, сбрасывает испорченный омлет в мусорный контейнер, моет тарелку и решает, что ему пора возвращаться в мир здравомыслия. Безо всяких опопанаксов. Каждый делает ошибки. Джек смотрит на дверь холодильника, стараясь вспомнить, осталась

у него пара яиц или нет. Конечно же, осталась. Яиц было много, девять или десять, они заполняли весь верхний ряд на двери. Не мог он перевести их все. Одно-два наверняка остались.

Джек берет за край дверцы. И тут же видит свет, отражающийся на лысом черепе чернокожего мертвеца.

Не ты.

Персона, к которой обращаются, отсутствует; персона, к которой обращаются, вовсе и не персона.

Нет, нет, не ты.

Дверь распахивается под давлением его пальцев; лампочка освещает лежащие на полках продукты. Джек Сойер бросает взгляд на два ряда углублений для яиц. Вроде бы пусто. Но более пристальное рассмотрение позволяет обнаружить в самом конце нижнего ряда что-то маленькое, яйцеобразное, окрашенное в светлый, нежный оттенок синего: ностальгически синего, возможно, синеву утреннего неба, которое видел маленький мальчик, лежащий на квадратном акре травы за роскошным особняком на Роксбери-драйв в Беверли-Хиллз, Калифорния. Кто бы ни владел этим поместьем, в одном сомнений быть не могло: этот человек работал в шоу-бизнесе.

Джек знает название этого оттенка синего, спасибо длительному изучению различных оттенков цветов в компании Клер Эвинруд, доктора медицины, очаровательного онколога, в тот период, когда они обдумывали ремонт бунгало в Голливуд-Хиллз, в котором вместе жили. Клер, доктор Эвинруд, наметила этот цвет для их спальни; он, недавно вернувшийся с курсов усовершенствования для самых-самых в Куантико, штат Виргиния, и только что произведенный в лейтенанты, не согласился с ее выбором, высказавшись в том смысле, что оттенок чересчур холодный.

«Джек, ты когда-нибудь видел настоящее яйцо малиновки? – поинтересовалась доктор Эвинруд. – Ты можешь представить себе, какое оно красивое?» – Серые глаза доктора Эвинруд широко раскрылись, словно она мысленно взялась за скальпель.

Джек двумя пальцами залезает в выемку и вынимает из нее маленький яйцеобразный предмет того же цвета, что и яйцо малиновки. Насколько он может судить, это яйцо малиновки. Настоящее, цитируя доктора Эвинруд, яйцо малиновки, снесенное малиновкой, которую иногда называют красногрудкой. Он кладет яйцо

на ладонь левой руки. Там оно и лежит, светло-синее, размером с орех pekan. Способность мыслить, кажется, покидает его. Что, черт побери, он наделал, купил яйцо малиновки? Извините, нет, причинно-следственная связь здесь не срабатывает, опопанакс вышел из строя, «Магазин Роя» яйцами малиновки не торгует.

Медленно, неуклюже, словно зомби, Джек переставляет ноги по кухонному полу и добирается до раковины. Выставляет перед собой левую руку, и когда она оказывается над сливным отверстием в центре раковины, сбрасывает с ладони яйцо малиновки. Оно летит вниз, в мусороперерабатывающую машину. Правая рука включает ее, вызывая привычный шум. Рычание, скрежет, чудовище наслаждается легкой закуской. Г-р-р-р. Оборвавшийся электрический провод по-прежнему болтается внутри его, высекая искры в тех органах, к которым прикасается, но он превратился в зомби, а потому слабо реагирует на внутренние сотрясения. Так или иначе, при всестороннем рассмотрении в данный момент Джеку Сойеру больше всего хочется...

Когда красные, красные...

По какой-то причине он давно, очень давно не звонил матери. Не может вспомнить, почему не звонил, но чувствует, что пора. Даже со всеми этими малиновками, несущими синие яйца. Голос Лили Кавано Сойер, королевы би-фильмов, когда-то единственный его компаньон в заполненной восторгом, необыкновенной, напрочь забытой комнате отеля в Нью-Хэмпшире, является тем самым голосом, который в настоящий момент ему просто необходимо услышать. Лили Кавано – единственный человек в мире, кому он может рассказать о своей нелепой ситуации. И хотя где-то Джек осознает, что переступает границу рационального и, таким образом, заостряет вопрос о собственном психическом здоровье, он подходит к разделочному столику, берет сотовый телефон и набирает номер красивого особняка на Роксбери-драйв, Беверли-Хиллз, штат Калифорния.

Телефон в его прежнем доме звонит пять раз, шесть раз, семь. Наконец раздается мужской голос, злой, слегка пьяный, сонный:

– Кимберли... уж не знаю, чего ты звонишь... но, ради твоего же блага... надеюсь, что дело действительно важное.

Нажатием кнопки Джек обрывает связь. О боже, о дьявол! О, черт побери! В Беверли-Хиллз, в Уэствуде, в Хэнкок-парке, короче, в тех

краях, куда он позвонил, сейчас пять утра. Он забыл, что его мать умерла. О, черт побери, о дьявол, о господи, как такое могло случиться?

Горе Джека, заточивавшее острие, вновь поднимается, чтобы ударить его, словно впервые, поразить в самое сердце. Одновременно мысль о том, что он, пусть и на секунду, мог забыть о смерти матери, вдруг, бог знает почему, кажется ему невероятно забавной. Каким же нелепым можно быть? Не зная, то ли он сейчас заплачет, то ли расхохочется, Джек чувствует, что голова у него идет кругом, и опирается на разделочный столик.

Вертлявый индюк, вспоминает он слова матери. Так стала называть Лили недавно умершего партнера ее покойного мужа после того, как ее дотошные бухгалтеры выяснили, что этот партнер, Морган Слоут, присваивал себе три четверти доходов от обширных активов компании «Сойер и Слоут». Каждый год после смерти Фила Сойера в результате так называемого несчастного случая на охоте Слоут крал миллионы долларов, многие миллионы у семьи прежнего партнера. Лили восстановила справедливость, а потом продала свою половину компании новым партнерам, обеспечив сыну полное финансовое благополучие, не говоря уже о приличном ежегодном доходе, который приносил частный фонд Джека. Лили награждала Слоута и более хлесткими, в сравнении с вертлявым индюком, прозвищами, но именно это шепчет ее голос в его внутреннее ухо.

«В мае, – убеждает себя Джек, – он, должно быть, нашел яйцо малиновки, когда гулял по лугу, и положил его в холодильник. Чтобы не разбилось. Потому что в конце концов оно очень уж нежного оттенка синего, прекрасного синего, как характеризовала этот оттенок доктор Эвинруд. И яйцо так долго лежало в холодильнике, что он про него забыл. Отсюда, теперь он это прекрасно понимает, и иллюзия: посыпавшиеся на него красные перышки!

Для всего находится причина, даже если докопаться до нее не так уж и просто; успокойся, расслабься, перестань вести себя как вертлявый индюк, и причина, возможно, выплывет на поверхность».

Джек наклоняется над раковиной и, чтобы освежиться внешне и внутренне, набирает холодной воды в сложенные лодочкой ладони и выплескивает ее на лицо. На мгновение очищающий шок смывает

и испорченный омлет, и бессмысленный телефонный звонок, и стробоскопические видения. Пора надевать коньки и отправляться в путь. Через двадцать пять минут лучший друг Джека Сойера и единственный человек, которому он полностью доверяет, выйдет из блочного здания KDCU-AM и, прикурив от золотой зажигалки, направится по дорожке к Пенинсула-драйв. Обостренные органы чувств подскажут ему, где ждет пикап Джека Сойера, точным движением руки Генри Лайден найдет ручку, откроет дверцу и влезет в кабину. Легкость, с какой ориентируется в окружающем его мире этот слепой, иной раз кажется фантастической. Такого зрелища нельзя пропустить.

Джек его и не пропускает, потому что, несмотря на трудности, которые ему пришлось преодолевать все утро, поездка обошлась без происшествий, разве что красота окружающей природы не столь радовала его. В 7.55 пикап Джека остановился на Пенинсула-драйв, напротив дорожки, тянущейся к зданию KDCU-AM, за пять минут до выхода его друга в солнечный свет. Генри всегда благотворно действовал на него. Одного вида Генри хватало, чтобы у Джека поднималось настроение. Конечно же, Джек не был первым в истории цивилизации мужчиной (или женщиной), кто под влиянием стресса на мгновение терял связь с реальностью и забывал, что его (или ее) мать закончила земной путь и отбыла в высшие сферы. Придавленным стрессом смертным свойственно обращаться к матерям за утешением и поддержкой. Этот посыл закодирован в нашей ДНК. Услышав эту историю, Генри посмеется и посоветует не сходить с ума.

С другой стороны, стоит ли посвящать Генри в столь абсурдную историю? То же относится и к яйцу малиновки, тем более что Джек не рассказывал Генри об иллюзии обрушившегося на него перышкового урагана и ему не хочется вновь пережевывать эту несуразицу. Живи настоящим; не тормози прошлое, спокойно лежащее в своей могиле; держи хвост пистолетом и обходи грязные лужи. Не обращай к друзьям за психотерапией.

Он включает радио, нажимает кнопку KWTА-FM, университетской радиостанции в Ла Ривьере, родном доме Висконсинской крысы и Генри Шейка, Шейка, Шейка. От музыки, раздавшейся из скрытых динамиков, волосы на руках встают дыбом: Гленн Гулд, сверкая широко раскрытым внутренним глазом, наяривает

что-то из Баха, Джек только не может сказать, что именно. Но Гленн Гулд, но Бах, это точно. Возможно, одну из фуг.

С футляром для си-ди в руке Генри Лайден выскальзывает из скромной двери в боковой стене здания радиостанции, выходит в солнечный свет и без малейшего колебания начинает неспешно шагать по выложенной плитам дорожке, четко прикладываясь резиновыми подошвами замшевых темно-коричневых туфель к середине каждой последующей плиты.

Генри... Генри – это нечто.

Сегодня, отмечает Джек, Генри в наряде владельца малазийского тикового леса, красивая рубашка без воротника, поблескивающие на солнце узкие подтяжки, дорогая соломенная «федора». Если бы Джек не стал своим в жизни Генри, он бы не знал, что стабильно изысканная безупречность одежды Генри обусловлена тщательной, учитывающей все мелочи, системой, с давних пор разработанной и внедренной в огромной комнате, служащей ему гардеробом, Родой Гилберстон Лайден, умершей женой Генри. Все его вещи были разложены соответственно сезону, стилю, цвету. Постепенно Генри запомнил, где что находится. А потому, пусть и слепой от рождения, неспособный определить, что к чему подходит, а что нет, Генри всегда одет со вкусом и в тон.

Из кармана рубашки Генри достает золотую зажигалку и желтую пачку «Американ спиритс», прикуривает, выпускает облачко дыма, которое солнце сразу окрашивает в цвет молока, при этом не сбиваясь с шага.

Розовые кривоватые буквы крика души: «ТРОЙ ЛЮБЕТ МАРИАНН! ДА!» поперек щита с названием радиостанции на лужайке предполагают, что: 1) Трой проводит много времени, слушая KDCU-AM, и 2) Марианн тоже любит его. Порадуемся за Троя, порадуемся за Марианн. Джек аплодирует проявлению любви, пусть даже выраженному розовым спреем, и желает влюбленным счастья и удачи. В голову приходит мысль о том, что в данный момент, если бы он и мог сказать кому-нибудь «люблю», то только Генри Лайдену. Не в том смысле, в каком «Трой любит Марианн» или наоборот, но он все равно «любит» Генри, в чем теперь у него не остается ни малейших сомнений.

Плиты дорожки выводят Генри к каменному бордюру. Его пальцы сжимаются на металлической ручке, он открывает дверцу, забирается в кабину, садится на пассажирское сиденье. Чуть наклоняет голову, прислушиваясь. Поблескивают темные стекла его «авиационных» очков.

– Как тебе это удастся? – спрашивает Джек. – Сегодня помогала музыка, но ведь музыка тебе не нужна.

– Мне это удастся, потому что у меня абсолютный, абсолютный нюх. В этом меня сегодня еще раз убедил наш покуривающий травку практикант, Моррис Розен. Моррис думает, что я – Господь Бог, но мозги у него, похоже, варят, раз он додумался, что Джордж Рэтбан и Висконсинская крыса – один и тот же человек. Я надеюсь, что юноша будет держать рот на замке.

– Я тоже, – соглашается Джек, – но я не позволю тебе увильнуть от ответа. Как тебе всегда удастся так ловко открывать дверь? Не шарить по дверце в поисках ручки, а сразу хвататься за нее?

Генри вздыхает:

– Ручка говорит мне, где находится. Элементарно. Мне остается лишь слушать.

– Ручка издает звук?

– Не такой, как твоя созданная по последнему слову техники радиосистема или концертный рояль, на котором исполняются «Вариации Гольдберга», разумеется, нет. Больше похоже на вибрацию. Звук звука. Звук внутри звука. Разве Даниэль Баренбойм не великий пианист? Ты только послушай его – звенит каждая нота. Хочется поцеловать крышку его «Стейнвея». Ты только представь себе, какие у него мышцы кистей.

– Это Баренбойм?

– Да, а кто же еще? – Генри медленно поворачивает голову к Джеку. Саркастическая улыбка изгибает уголки его рта. – Ага. Понятно. Ты, должно быть, вообразил, что слушаешь Глена Гулда.

– Ничего я не воображал.

– Пожалуйста.

– Может, и подумал, а не Гулд ли это, но...

– Нет, нет, нет. Даже и не пытайся. Твой голос все равно тебя выдает. В каждом слове слышатся пронзительные нотки. Это так трогательно. Мы собираемся ехать в Норвэй-Вэлли или ты и дальше

будешь сидеть и лгать мне? По пути домой я хочу тебе кое-что рассказать.

Он протягивает Джеку футляр с си-ди.

– Позволь мне избавить тебя от необходимости лгать. Этот компакт дал мне любитель марихуаны. «Грязная сперма» исполняет один из хитов «Супримз». Лично меня от такого мутит, но для Висконсинской крысы, возможно, очень даже подойдет. Настрой на трек семь.

Пианист более не извлекает из рояля звуков а-ля Гленн Гулд, и вообще музыка уже не столь яростная. У Джека отпадает необходимость лгать, и он вставляет си-ди в щель под радиоприемником. Нажимает одну кнопку, потом вторую. Неистовый грохот, крики безумцев вырываются из динамиков. Джек откидывается на спинку сиденья.

– Господи, Генри. – Джек протягивает руку, чтобы уменьшить звук.

– Не смей трогать этот диск, – останавливает его Генри. – Если от этого дерьма у тебя не кровоточат уши, значит, оно не выполняет своей функции.

«Уши», Джек это знает, на джазовом жаргоне – способность понимать, как создается музыка, звуковыми волнами распространяющаяся по воздуху. Музыкант с хорошими ушами запоминает песни и аранжировки, которые его просят исполнить, на лету схватывает или заранее знает гармонию темы и без труда следует вариациям или импровизациям играющих вместе с ним. Независимо от того, умеет он читать ноты или нет, музыкант с великими ушами заучивает мелодии и аранжировки после первого же прослушивания, интуитивно улавливает гармонию и немедленно идентифицирует ключевые моменты, обозначаемые клаксонами такси, колокольчиками лифтов, мяукающими кошками. Для таких людей мир – множество индивидуальных звуков, и Генри Лайден один из них. Насколько известно Джеку, уши Генри достойны золотой олимпийской медали, им просто нет равных.

Именно уши Генри позволили ему узнать величайшую тайну Джека, догадаться, что его мать, Лили Кавано Сойер, та самая Лили Кавано. Вскоре после того, как Дейл познакомил их, Генри и Джек

на удивление быстро сдружились. Каждый помогал скрасить одиночество другого, так что два или три вечера в неделю они проводили вместе, обедали, слушали музыку, говорили на самые разные темы, благо оба много чего знали. Джек то приезжал к Генри и оставался у него, то забирал Генри и вез к себе. По прошествии шести или семи месяцев Джек спросил, не хотел бы Генри проводить час-полтора, слушая, как он, Джек, читает книгу, нравящуюся им обоим. Генри ответил: «Дорогой, какая прекрасная идея. Как насчет того, чтобы начать с триллеров?» Они начали с Честера Хаймса^[41] и Чарльза Уиллфорда^[42], перешли на современные романы, затем прошлись по творчеству Сидни Перелмана^[43] и Джеймса Тербера^[44] и, наконец, решились штурмовать литературные бастионы, воздвигнутые Фордом Мэдоксом Фордом^[45] и Владимиром Набоковым (был еще Марсель Пруст, оба это понимали, но Марсель Пруст мог подождать; в ближайшее время они намеревались взяться за «Холодный дом»).

Как-то вечером, после того как Джек закончил читать намеченный на этот день отрывок из «Хорошего солдата» Форда, Генри откашлялся.

– Дейл говорил, что твои родители работали в индустрии развлечений. В шоу-бизнесе.

– Совершенно верно.

– Я не хочу совать нос в чужие дела, но ты не будешь возражать, если я задам несколько вопросов? Захочешь ответить – можешь ограничиться «да» или «нет».

– А в чем дело, Генри? – спросил уже встревожившийся Джек.

– Хочу проверить одну свою догадку.

– Ладно. Спрашивай.

– Спасибо. Твои родители работали в разных сферах шоу-бизнеса?

– Да.

– Один занимался менеджментом, другой – непосредственно выступал?

– Да.

– Твоя мать была актрисой?

– Д-да.

– Можно сказать, знаменитой актрисой. Она не получила признания, которого заслуживала, но в пятидесятых и в середине

шестидесятих снялась во множестве фильмов, а в конце своей карьеры получила «Оскара» за женскую роль второго плана.

– Генри, – только и смог вымолвить Джек, – как ты...

– Помолчи. Я хочу полностью насладиться этим моментом. Твоя мать – Лили Кавано. Это прекрасно. Лили Кавано так и не удалось полностью раскрыть свой талант. Но всякий раз своими ролями она возвышала всех этих девушек и женщин, решительных официанток, дам с пистолетом в сумочке. Прекрасная, остроумная, естественная, она словно сживалась с персонажем, который играла. Она была в сто раз лучше тех, кому доставались главные роли.

– Генри...

– Некоторые из этих фильмов отличали отменные саундтреки. К примеру, «Потерянное лето» Джонни Мандела. Его, правда, уже не посмотришь.

– Генри, как ты...

– Ты сам сказал мне, откуда еще я мог все это узнать? Интонациями своего голоса, как же еще? Все твои предложения отличает особый ритм.

– Ритм?

– Будь уверен. Внутренний ритм, присущий только тебе. И пока ты читал мне «Хорошего солдата», я пытался вспомнить: а почему этот ритм кажется мне знакомым, где я его мог слышать? Ответ никак не давался в руки, но два дня назад меня осенило: Лили Кавано. Ты не можешь винить меня за то, что мне захотелось проверить правильность моей догадки, не так ли?

– Винить тебя? – переспросил Джек. – Я слишком потрясен, чтобы кого-то винить. Дай мне пару минут.

– Твой секрет в полной безопасности. Ты, конечно же, не хочешь, чтобы люди, глядя на тебя, говорили: «Эй, это же сын Лили Кавано». Мне представляется, здравая мысль.

У Генри Лайдена были великие уши, это точно.

Пока пикап едет по Френч-Лэндингу, шум, заполняющий кабину, не позволяет продолжать разговор. «Грязная сперма» прожигает дыру в марципановом центре песни «Куда ушла наша любовь» и в процессе творит немислимые злодеяния в отношении таких милых, таких домашних «Супримз». Генри, который говорил, что его мутит от таких

извращений, сидит, уперевшись коленями в приборный щиток, сложив руки под подбородком, лыбясь от удовольствия.

Напротив «Универмага Шмитта» четверо подростков на велосипедах съезжают с тротуара на мостовую, в двадцати футах от движущегося пикапа. Джек жмет на педаль тормоза, мальчишки на мгновение останавливаются, потом выстраиваются в линию вдоль тротуара, ожидая, пока пикап проедет мимо. Джек отпускает педаль тормоза. Генри выпрямляется, проверяет свои датчики – органы чувств, принимает прежнюю позу. Генри беспокоиться не о чем. Мальчишки, однако, не понимают, как им реагировать на рев, который с приближением пикапа становится все громче. Они смотрят на лобовое стекло с недоумением, смешанным с отвращением, как их прадедушки когда-то смотрели на сиамских близнецов или человека-аллигатора в шоу уродов на ярмарке. Все знают, что водители пикапов слушают музыку только двух видов: хеви-метал или кантри. Выходит, за рулем этого сидит какой-то выродец?

Когда Джек проезжает мимо мальчиков, первый, крупный, полноватый, со злобным лицом школьного хулигана, поднимает руку с выставленным третьим пальцем. Выражением лица двое следующих копируют своих прадедушек в душный вечер 1921 года. Стоят, словно идиоты, разинув рты. Четвертый мальчик, со светлыми волосами, выбивающимися из-под бейсболки с эмблемой «Пивоваров», с блестящими глазами, самый приятный из всех, смотрит Джеку прямо в глаза и, наконец, одаривает его застенчивой улыбкой. Это Тай Маршалл, на пути, пусть он этого еще и не знает, в ничейную землю.

Мальчики остаются позади. В зеркале заднего обзора Джек видит, как они, налегая на педали, мчатся по улице. Задира – первым, самый маленький и симпатичный – последним, его отставание от остальных все увеличивается.

– Независимые эксперты только что высказались о творчестве «Грязной спермы», – говорит Джек. – Четверо мальчиков на велосипедах. – Поскольку он сам себя не слышит, то думает, что его слова не долетели до ушей Генри.

Генри, однако, все слышит, потому что задает вопрос, который растворяется в том, что «Грязная сперма» полагает музыкой. Джек, однако, отвечает, догадываясь, о чем в такой ситуации может спрашивать Генри: «Мнение одного резко отрицательное, еще двоих –

скорее отрицательное, чем положительное, последнего – ближе к положительному».

Неистовое разрушение марципана завершается на Одиннадцатой улице. В кабине словно рассеялся туман, ветровое стекло будто вымыли на ходу, воздух становится чище, цвета – ярче.

– Интересно, – мурлычет Генри, наклонившись, точно попадает пальцем в кнопку «ЕJЕСТ», достает лазерный диск, кладет в футляр. – Познавательная запись, не так ли? Дикую, эгоцентричную ярость нельзя отметать с порога. Моррис Розен не ошибся. Для Висконсинской крысы это идеальная музыка.

– Слушай, по-моему, они думают, что смогут переплюнуть Гленна Миллера.

– Кстати, о Миллере. Ты никогда не догадаешься, какие у меня сегодня планы. Я даю концерт! Шустрик Макстон, вернее, его правая рука, Ребекка Вайлес, которая, я уверен, столь же великолепна, как и ее голос, наняла меня диджеем на танцы, завершающие в «Макстоне» Клубничный фестиваль. Ну, не меня, конечно, а моего давнего, многими забытого двойника, Симфонического Стэна, знатока больших оркестров.

– Тебя подвезти?

– Нет. Дивная мисс Вайлес позаботится обо мне, предоставит комфортабельное заднее сиденье для моего проигрывателя, а багажник – для динамиков и коробок с пластинками. Но все равно спасибо.

– Симфонический Стэн?

– Сногшибательный, неистовый реликт эры больших оркестров, само собой, в «зуте»^[46], и при этом обаятельнейший джентльмен. Для обитателей «Макстона» возвращение к лучшему периоду их жизни будет ни с чем не сравнимой радостью.

– У тебя действительно есть костюм «зут»?

Ответом стало повернувшееся к нему нарочито бесстрастное лицо Генри.

– Извини. Не знаю, что на меня нашло. Чтобы сменить тему, скажу, что твои, вернее, Джорджа Рэтбана утренние слова о Рыбаке скорее всего принесут немало пользы. Я выслушал их с радостью.

Генри открывает рот, и громовой голос Джорджа Рэтбана наполняет кабину пикапа: «Настоящий Рыбак, мальчики и девочки,

Альберт Фиш, мертв уже добрых семьдесят шесть лет».

Просто не верится, что голосовые связки Генри Лайдена, уместившиеся в его изящной шее, могут издавать звуки, свойственные этому разъяренному толстяку. Далее Генри продолжает уже собственным голосом:

– Я надеюсь, что от них будет толк. Прочитав в утренней газете очередной опус твоего дружка Уэнделла Грина, я решил, что Джордж должен как-то отреагировать.

Генри Лайден обожает говорить: «Я читаю, я прочитал, я видел, я смотрел». Он знает, что эти фразы ставят в тупик его собеседников. А Уэнделла Грина назвал дружком Джека не без причины: только ему Джек признался, что посоветовал репортеру ознакомиться с преступлениями Альберта Фиша. Теперь Джек жалеет, что признался. Склизкий Уэнделл Грин ему не дружок.

– Раз уж ты посодействовал прессе, – продолжает Генри, – мог бы подумать о том, чтобы помочь нашим парням в синем. Прости меня, Джек, но ты сам открыл дверь, и я говорю об этом в первый и последний раз. В конце концов, Дейл – мой племянник.

– Я не могу поверить, что слышу от тебя такие слова, – отвечает Джек.

– Знаешь, я сейчас что думаю, то и говорю. Дейл мой племянник, помнишь? Твой опыт очень бы ему пригодился, и он полагает, что ты у него в долгу. Тебе не приходило в голову, что ты можешь помочь ему сохранить за собой его работу? Или если ты действительно любишь Френч-Лэндинг и Норвэй-Вэлли, то должен уделить местным жителям толику своего времени и таланта?

– А у тебя, Генри, не возникала мысль, что я на пенсии? – сквозь зубы цедит Джек. – И мне совершенно, ну совершенно не хочется расследовать убийства?

– Разумеется, возникала, – отвечает Генри. – Но... опять я надеюсь, что меня простишь, Джек... ты уже здесь, человек с навыками и способностями, которые дадут сто очков вперед как Дейлу, так, пожалуй, и всем остальным, и я не могу не задаться вопросом: какие проблемы, что тебя останавливает?

– Ничего меня не останавливает, – чеканит Джек. – Я – гражданское лицо.

– Ты – босс. Мы можем дослушать Баренбойма. – Генри пробегает пальцами по панели радиоприемника и нажимает кнопку.

Следующие пятнадцать минут в кабине пикапа слышен только концертный рояль «Стейнвей», на котором исполняются «Вариации Гольдберга» в театре «Колон» в Буэнос-Айресе. Прекрасная музыка, думает Джек, и только полный невежда мог решить, что играет Гленн Гулд. Человек, способный на такую ошибку, конечно же, не может услышать похожего на вибрацию звука, который издает дверная ручка в автомобиле производства корпорации «Дженерал моторс».

Когда они сворачивают с шоссе номер 93 на Норвэй-Вэлли-роуд, Генри нарушает молчание:

– Хватит дуться. Не следовало мне обвинять тебя в наличии каких-то проблем, потому что на самом деле проблема у меня.

– У тебя? – Джек удивленно смотрит на него. Жизненный опыт тут же подсказывает, что Генри намерен обратиться к нему с просьбой провести неофициальное расследование. – Какая у тебя может быть проблема? Носки лежат в беспорядке? Или... у тебя неприятности с одной из радиостанций?

– С этим я бы справился. – Генри замолкает, пауза затягивается. – Дело в другом. Я чувствую, что у меня едет крыша. Думаю, что схожу с ума.

– Да перестань. – Джек ослабляет давление на педаль газа, и скорость падает вдвое. Генри видел перышковый ураган? Разумеется, нет. Генри ничего не может видеть. А его перышковый ураган – всего лишь иллюзия.

Генри вибрирует, как камертон. По-прежнему «смотрит» на ветровое стекло.

– Скажи мне, что происходит, – просит Джек. – Я начинаю волноваться за тебя.

Генри приоткрывает рот, в щелку как раз может проскочить облатка, какие дают на причастии, и – закрывает. Его всего трясет.

– Гм-м. Выходит труднее, чем я думал. – И куда только подевался его голос, всегда суховатый, размеренный, истинный голос Генри Лайдена.

Пикап уже не едет – ползет. Джек собирается что-то сказать, но в последний момент решает, что молчание – золото.

– Я слышу мою жену, – вырывается у Генри. – Ночью, когда лежу в кровати. В три, четыре утра. Рода шагает по кухне, потом поднимается по лестнице. Должно быть, схожу с ума.

– Как часто это случалось?

– Сколько раз? Точно не знаю. Три или четыре.

– Ты вставал? Звал ее по имени?

Голос Генри по-прежнему дрожит.

– И вставал, и звал. Поскольку не сомневался, что слышал ее. Ее шаги, ее походку. Рода шесть лет как умерла. Забавно, не правда ли? Я бы подумал, что очень забавно, если бы не опасался за свою психику.

– Ты позвал ее по имени, – уточняет Джек. – Вылез из кровати и спустился вниз.

– Как лунатик, как сумасшедший. «Рода? Это ты, Рода?» Пройдя ночью я обошел весь дом. «Рода? Рода?» Можно подумать, что ожидал ее ответа. – Генри не обращает внимания на слезы, которые вытекают из-под больших «авиационных» очков. – И я ожидал его, вот в чем проблема.

– В доме никого не было, – продолжает набирать информацию Джек. – Все на месте. Ничего не исчезло, не оказалось на другой полке или столике.

– Насколько я видел, нет. Все где и должно быть. Там, где я и оставлял. – Он поднимает руку, вытирает лицо.

По правую сторону остается подъездная дорожка к дому Джека.

– Я скажу тебе, что думаю. – Джек представляет себе, как Генри бродит по темному дому. – Шесть лет назад на тебя обрушилось страшное горе, как случается, когда умирает горячо любимый тобой человек. Самые разные чувства охватывали тебя: злость, боль, смирение с неизбежным, многие, многие другие. Ты вроде бы пережил смерть Роды, но тебе по-прежнему недостает ее. Ты вроде бы приспособился к жизни вдовца, неплохо обходишься без жены, которую любил, но на самом деле тебе очень ее не хватает.

– Конечно, твои слова утешают, – отвечает Генри. – Но не объясняют.

– Не прерывай. Случается странное и необъяснимое. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Твой разум восстает. Искажает действительность, выдает неверную информацию. Кто знает почему? Но так происходит.

– Другими словами, ты тоже свихнулся. Я чувствую, что у нас одна судьба.

– Я говорю о том, что у людей бывают иллюзии, галлюцинации, как ни назови. Именно это с тобой и произошло. Волноваться не о чем. Ладно, вот твоя подъездная дорожка. И твой дом.

Он сворачивает на заросшую травой подъездную дорожку, ведущую к белому крестьянскому дому, в котором Генри и Рода Лайден прожили пятнадцать счастливых лет между свадьбой и днем, когда у Роды обнаружили рак печени. Первые два года после ее смерти Генри каждый вечер ходил по дому, везде зажигал свет.

– Галлюцинации? Когда ты видел последнюю?

– Галлюцинации не такая уж редкость, – отвечает Джек. – Особенно для людей, которые мало спят, как ты. – И как я, мысленно добавляет он. – Я ничего не выдумываю, Генри. Такое раз или два случалось и со мной. Один раз точно.

– Галлюцинации. – Тон Генри меняется. – Фантастика.

– Подумай об этом. Мы живем в рациональном мире. Все здесь происходит по какой-то причине, а причины всегда рациональны.

Речь может идти или о химических веществах, вырабатываемых мозгом, или о совпадении. Не будь мы здравомыслящими существами, не смогли бы соображать, что к чему, а потому не знали бы, что происходит.

– Даже слепой может это видеть, – кивает Генри. – Благодарю. С такими словами можно жить. – Он вылезает из кабины, закрывает дверцу. Отходит, возвращается, наклоняется к окну. – Ты хочешь начать сегодня «Холодный дом»? Я должен вернуться в половине девятого, не позже.

– Я подъеду к девяти.

– Динь-дон, – говорит на прощание Генри, вновь поворачивается, поднимается на крыльцо и исчезает в доме, который, само собой, не заперт. В здешних краях двери запирают только родители, да и то в самое последнее время.

Джек разворачивает пикап, выезжает на Норвэй-Вэлли-роуд. Он чувствует, что одним выстрелом убил двух зайцев: помогая Генри, помог и себе. Как здорово, что все образовалось.

Сворачивая на свою длинную подъездную дорожку, он слышит дребезжание, доносящееся из пепельницы под приборным щитком.

Во второй раз слышит его на последнем повороте, за которым открывается его дом. По звуку чувствуется, дребезжит что-то маленькое. Пуговица или монетка. Джек подкатывает к дому, выключает двигатель, открывает дверцу. Потом, словно вспомнив о дребезжании, протягивает руку, выдвигает пепельницу.

И обмирает, увидев в ней миниатюрное яйцо малиновки, размером с миндальное драже M&M.

Миниатюрное яйцо такое синее, что это увидел бы даже слепой.

Трясущимися пальцами Джек достает яйцо из пепельницы. Не отрывая от него взгляда, вылезает из кабины и захлопывает дверцу. Все еще глядя на яйцо, вспоминает, что надо дышать. Рука дергается, пальцы разжимаются, яйцо падает на траву. Джек поднимает ногу и с силой впечатывает каблук в синюю точку. Не оглядываясь, кладет в карман ключи от пикапа и направляется к своему дому, назвать который крепостью уже не поворачивается язык.

Часть вторая
Похищение Тайлера Маршалла

Глава 5

В утреннем облете «Центра Макстона по уходу за престарелыми» краем глаза мы заметили уборщика... Помните его? В мешковатом комбинезоне? С толстым брюхом? С сигаретой во рту, несмотря на таблички с надписями: «НЕ КУРИТЬ! РАБОТАЮТ ЛЕГКИЕ!» – встречающиеся в коридорах через каждые двадцать футов? Со шваброй, напоминающей кладбище мертвых пауков? Нет? Не извиняйтесь. Не заметить Пита Уэкслера – пара пустяков. Неприметный подросток, с трудом окончивший среднюю школу Френч-Лэндинга, неприметный молодой мужчина, теперь столь же неприметный мужчина средних лет. Его единственное хобби – тайком и побольнее ущипнуть кого-нибудь из ветхих стариков, заполняющих его дни жалобами, глупыми вопросами, запахами мочи и газов. Хуже всего те, у кого болезнь Альцгеймера. Говорят, что он иной раз гасит окурок об их костлявые спины или задницы. Нравится ему слышать их крики боли. Эта маленькая пытка приносит, считает он, двойную пользу: будит их и радует его. Помогает коротать дни. Хоть какое-то да развлечение. Тем более что они все равно никому ничего не могут сказать.

О боже, самый мерзкий из них тащится по коридору «Маргаритки». Челюсть Чарльза Бернсайда отвисла, задница голая. Пит прекрасно видит тощие, измазанные в дерьме ягодицы. Шоколадные пятна и на бедрах, аж до колен. Он идет в туалет, только поздновато. Некая коричневая лошадка, назовем ее Утренний Гром, уже вырвалась из конюшни и, безусловно, наскакалась по простыням Берни.

«Слава богу, мыть их – не моя работа, – думает Пит и ухмыляется, не убирая сигареты изо рта. – С этим к Батчу».

Но стол, стоящий в коридоре, где живут «мальчики и девочки» Шустрика Макстона, в данный момент пустует. Батчу Йерксе не повезло: не удастся ему полюбоваться проплывающей мимо голой задницей Берни. Батч, должно быть, вышел покурить, хотя Пит сотню раз говорил этому идиоту, что таблички «НЕ КУРИТЬ» ровным счетом ничего не значат: Шустрику Макстону глубоко наплевать, кто и где

курит (без разницы ему и что служит пепельницей). Таблички висят лишь для того, чтобы бесконечные проверяющие видели, что «Центр» полностью соответствует действующим на территории штата законам.

Ухмылка Пита становится шире, и в этот момент он очень похож на своего сына, Эбби, приятеля Тайлера Маршалла (кстати, именно Эбби Уэкслер показал палец проезжающим Джеку и Генри). Пит задается вопросом, а не найти ли ему Батча и сказать, что тому пора помыть М18, а заодно, разумеется, тамошнего жильца, или не мешать Батчу самому узнать, что Берни в очередной раз обделался. Возможно, Берни вернется в М18 и даст волю пальцам, размазывая говно по всей комнате. Это, конечно, хорошо, но не менее приятно посмотреть, как вытянется лицо Батча, когда он, Пит, скажет ему...

– Пит...

О нет. Откуда только взялась эта сука? Красивая, конечно, сука, но сука есть сука. Пит не двигается с места, не смотрит на нее, в надежде, что она уйдет, если он ее проигнорирует.

Напрасная надежда.

– Пит.

Он поворачивается. Видит перед собой Ребекку Вайлес, нынешнюю секретаршу большого босса. Сегодня она в светло-красном платье, возможно, в честь Клубничного фестиваля, и в черных туфельках на высоких каблуках, возможно, в честь своих отличных бедер. Пит представляет себе, как эти бедра охватывают его, а туфельки оказываются где-то над поясницей, потом видит картонную коробку, которую она держит в руках. Похоже, для него нашлась работа. Замечает Пит и поблескивающее кольцо у нее на пальце, с каким-то драгоценным камнем размером с яйцо малиновки, но цветом куда бледнее. Он задумывается, и не в первый раз, что должна сделать женщина, чтобы заработать такое кольцо.

Она стоит, постукивая ножкой по полу, не мешая ему смотреть. За его спиной Чарльз Бернсайд продолжает медленно продвигаться к мужской комнате. Глядя на этого дряхлого старика с костлявыми ногами и растрепанными волосами, можно подумать, что дни, когда в нем бурлила жизнь, остались в прошлом. Но впечатление обманчиво. Более чем обманчиво.

– Миз Вайлес? – наконец выдавливает из себя Уэкслер.

– Актальный зал, Пит. Одна нога здесь – другая там. И сколько раз тебе говорили, что нельзя курить в помещении, где живут пациенты.

Прежде чем он успевает ответить, она разворачивается и, сексуально покачивая бедрами, идет к актовому залу «Макстона», где во второй половине дня должны состояться танцы, венчающие Клубничный фестиваль!

Со вздохом Пит прислоняет швабру к стене и следует за ней.

Чарльз Бернсайд остается один в коридоре крыла «Маргаритка». Пустота в его глазах исчезает, теперь они светятся блестящим, но смертоносным умом. И выглядит он сейчас куда моложе. Срущий в постель Берни исчез. Его место занял Карл Бирстоун, с дьявольской жестокостью убивавший детей в Чикаго.

Карл... и что-то еще. Что-то – не человек.

Он... оно... улыбается.

На столе стопка бумаг, прижатая круглым камнем размером с кофейную чашку. На камне надпись черными буквами: «ЛЮБИМЫЙ КАМЕНЬ БАТЧА».

Берни хватает любимый камень Батча Йерксы и быстрым шагом, все еще улыбаясь, направляется в мужскую комнату.

В актовом зале вдоль стен расставлены столы, накрытые красными бумажными скатертями. Позже Питу предстоит поставить на них маленькие красные настольные лампы (с питанием от батареек, никаких свечей для стариков). Стены украшают приклеенные скотчем большие картонные клубничины, некоторые заметно потрепанные: их вешают и снимают каждый июль с тех пор, как Герберт Макстон открыл свое заведение в конце шестидесятых годов. Центр актового зала, устланного линолеумом, пустует.

Во второй половине дня и в начале вечера старики и старушки, которые еще передвигаются на своих двоих и имеют желание потанцевать, «оттянутся» здесь под музыку больших оркестров тридцатых и сороковых, прижимаясь друг к другу в медленном танце, а некоторые даже подпрыгивают ножками (три года назад Ирвинг Кристи получил микроинфаркт, попрыгав под «Не сиди под яблоней с другим»). О да, на танцах, завершающих Клубничный фестиваль, всегда происходит что-то интересное.

Ребекка сама сдвинула три деревянных поддона и накрыла их белой материей, создав основу для подиума Симфоническому Стэну. В углу стоит сверкающий хромом микрофон с большой круглой головкой, реликт тридцатых годов, прямиком из клуба «Коттон». Микрофон – один из самых дорогих экспонатов коллекции Генри Лайдена. К стене прислонен длинный картонный футляр, в котором микрофон прибыл днем раньше. На подиуме, под балкой, украшенной белым и красным крепом и картонными клубничинами, – стремянка. Увидев ее, Пит злится. Ребекка Вайлес побывала в его чулане. Вездесущая сука! Если она украдала щепотку-другую его травки, клянусь Богом...

Ребекка кладет коробку на подиум, шумно выдыхает, выпрямляется. Откидывает прядь шелковистых каштановых волос с покрасневшей щеки. Еще утро, так что день обещает быть очень жарким. Для округа Каули в июле это обычное дело. Проветрите ваше нижнее белье и удвойте количество дезодоранта – таков на подобный случай совет Джорджа Рэтбана.

– Я уж думала, что ты никогда не придешь, – говорит Ребекка.

– Я здесь. – Голос у Пита недовольный. – Похоже, ты отлично справляешься и без меня. – Он подходит к подиуму, наклоняется и смотрит на коробку, на которой, как и на микрофоне, печать: «СОБСТВЕННОСТЬ ГЕНРИ ЛАЙДЕНА». В коробке маленький прожектор с накрученным на него шнуром и круглый розовый светофильтр, предназначенный, чтобы окрашивать луч в клубничный цвет.

– Что это за дерьмо?

Ребекка дарит ему ослепительную улыбку-предупреждение. Даже для довольно туповатого Пита смысл этой улыбки понятен: приятель, если не хочешь неприятностей, попридержи язык.

– Свет, – отвечает Ребекка. – С-В-Е-Т. Должен висеть вон там, на том крюке. К-Р-Ю-К-Е. На этом настаивает диджей. Говорит, что ему это необходимо для создания должного настроения. Н-А-С...

– А что случилось с Уини Эрикссоном? – бурчит Пит. – Уини обходился без этого дерьма. Два часа проигрывал эти чертовы пластинки, несколько раз прикладывался к фляжке, потом ставил точку.

– Он переехал, – в голосе Ребекки безразличие, – кажется, в Расин.

– Ну... – Пит поднимает голову, изучает балку, увитую гирляндами красного и белого крепа. – Я не вижу крюка, миз Вайлес.

– Иисус на велосипеде. – Она взбирается на стремянку. – Вот. Или ты слепой.

Питу, определенно не слепому, редко удастся полюбоваться таким зрелищем. Поскольку стоит он на полу, а она – на пятой ступеньке, то отлично видит ее бедра, красные кружева трусиков, аппетитные ягодицы.

Она смотрит на него, замечает вытаращенные глаза, прослеживает за взглядом. Выражение ее лица смягчается. Как мудро заметила ее дорогая мама, некоторым мужчинам одного вида трусиков достаточно, чтобы превратиться в круглых дураков.

– Пит. Земля – Питу.

– Что? – Он вскидывает голову выше, рот открыт, на нижней губе капелька слюны.

– В моем белье никакого крюка нет, я в этом абсолютно уверена. Но если ты посмотришь наверх... на мою руку, а не задницу...

Он смотрит наверх, по-прежнему с мечтательным выражением лица, и видит, как палец с красным ногтем (в день Клубничного фестиваля другого цвета Ребекка не признает) постукивает по поблескивающему среди крепа крюку.

– Крюк, – говорит Ребекка. – Прикрепи фильтр к прожектору, повесь прожектор на крюк. Свет станет нежно-розовым, как и просил диджей. Ты меня понял?

– Э... да...

– Тогда поднимайся.

Она спускается со стремянки, решив, что Пит Уэкслер уже налюбовался ее ногами. Пит, у которого уже все встало, вынимает из коробки прожектор и фильтр. Когда он поднимается на стремянку, его ширина оказывается на уровне лица Ребекки. Она видит, как раздулись штаны Пита, и с трудом подавляет улыбку. Мужчины – дураки, это точно. Некоторые из них милые дураки, но дураки все. Просто одни дураки могут позволить себе кольца, путешествия, поздние ужины в ночных заведениях Милуоки, а другие – нет.

Так что некоторых дураков можно убедить лишь повесить прожектор, большего проку от них не будет.

– Эй, парни, подождите, – кричит Тай Маршалл. – Эбби! Ронни! Ти-Джи! Подождите!

Обернувшись, Эбби Уэкслер, которого Джек про себя назвал Задирой, откликается: «Догоняй нас, копуша!»

– Да! – вторит ему Ронни Мецгер. – Догоняй нас, кошупа! – Ронни, которому предстоит провести много времени в кабинете логопеда, тоже оглядывается и едва не врезается в счетчик на стоянке, лишь в последний момент успевая вывернуть руль. А потом они мчатся дальше, занимая весь тротуар (Господи, помоги пешеходу, который встретится им на пути), словно убегают от мотающихся за их спинами теней.

Тайлер прикидывает, удастся ли ему догнать их, изо всех сил давя на педали, но приходит к выводу, что слишком устали ноги. Его отец и мать говорят, что со временем он не будет от них отставать, просто пока он еще маленький, но Тай в этом сомневается. Есть у него сомнения и насчет Эбби, Ронни и Ти-Джи. Стоит ли ему вообще догонять их? Если бы Джуди Маршалл узнала об этих сомнениях, встала бы и зааплодировала: последние два года она задавалась вопросом: когда же ее умный и сообразительный сын перестанет якшаться с этими ничтожествами?

– Пососите у эльфа, – бросает им вслед Тай. Это ругательство он услышал на канале фантастики, в мини-сериале «Десятое королевство». Да и особого смысла догонять их нет. Он же знает, что найдет их на автостоянке магазина «С семи до одиннадцати», где они будут есть «слурпи» и обмениваться картами «Магия». Это еще одна причина недовольства Тая своими друзьями. Он бы предпочел обмениваться открытками с фотографиями бейсболистов. Но Эбби, Ронни и Ти-Джи не интересуются «Кардиналами», «Индейцами», «Красными носками» или «Пивоварами». Эбби докатился до того, что обозвал бейсбол игрой для геев. Такое высказывание Тай полагает скорее глупым (а автора можно только пожалеть), чем оскорбительным.

Он медленно катит велосипед по тротуару, восстанавливая дыхание. Вот и перекресток Чейз и Куин-стрит. Эбби называет Куин-

стрит Гомик-стрит^[47]. Разумеется. Неудивительно. Но это еще не самое страшное. Тайлер любит сюрпризы, любит узнавать, видеть что-то новенькое. Эбби Уэкслер – нет. Так что кардинально разной реакции на музыку, доносившуюся из кабины проезжающего пикапа, следовало ожидать.

Тайлер останавливается на углу, смотрит на Куин-стрит. С обеих сторон зеленые изгороди. Над той, что по правую руку, видны красные крыши связанных между собой зданий. Дом престарелых. За главными воротами выставлен какой-то щит. Из любопытства Тайлер садится на велосипед и медленно едет по тротуару, чтобы посмотреть, что написано на щите. Длинные ветви, вылезавшие из изгороди, цепляются за руль.

На щите нарисована огромная клубничина. Под ней надпись: «СЕГОДНЯ КЛУБНИЧНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ!» «Что такое Клубничный фестиваль? – думает Тай. – Вечеринка для стариков?» Это вопрос, но не слишком интересный. Постояв у ворот несколько секунд, он разворачивает велосипед, чтобы вернуться на Чейз-стрит.

Чарльз Бернсайд входит в мужскую комнату крыла «Маргаритка», по-прежнему улыбаясь и сжимая в руке любимый камень Батча. Справа от него – ряд раковин с зеркалами над ними. Зеркала металлические, какие можно найти в туалетах баров и салунов низкого пошиба. В одном Берни видит собственное улыбающееся отражение. В другом, ближе к окну, – маленького мальчика в футболке «Милуокских пивоваров». Мальчик стоит, оседлав свой велосипед, напротив ворот, смотрит на щит, извещающий о Клубничном фестивале.

Берни начинает пускать слюни. Они не ползут по подбородку, как у немощного старика. Берни пускает слюни, как злой волк из сказки, они пузырятся в уголках рта и стекают по подбородку белой пеной. Рассеянно он стирает их одной крючковатой рукой, сбрасывает на пол, не отрывая взгляда от зеркала. Мальчик в зеркале – не один из бедных, заблудившихся в лесу крошек, на которых точит зубы волк. Тай Маршалл прожил во Френч-Лэндинге всю жизнь, он тут все знает... но может заблудиться. Очень даже легко. А потом очутится в некой комнате. В некой камере. Или потащится к странному горизонту на обожженных, кровоточащих ножках.

Особенно если все будет как хочется Берни. Ему надо спешить, но, как мы уже заметили, Чарльз Бернсайд, при определенных обстоятельствах, может двигаться очень быстро.

– Горг, – говорит он зеркалу. Произносит это ничего не означающее слово ясно и четко. – Давай, Горг.

И, не дожидаясь, что за этим последует, он и так знает, поворачивается и направляется к ряду из четырех туалетных кабинок. Входит во вторую слева и закрывает за собой дверь.

Тайлер только успел оседлать свой велосипед, как за изгородью, в десяти футах от щита с надписью «Клубничный фестиваль», что-то зашуршало. Большая ворона продирается сквозь ветки и выходит на тротуар Куин-стрит. Смотрит на мальчика умным, блестящим глазом. Останавливается, расставив черные лапки, открывает клюв, говорит: «Горг!»

Тайлер, глядя на ворону, начинает улыбаться. Он не уверен, что слышал голос вороны, но уже готов порадоваться (в свои десять лет он всегда готов порадоваться, сталкиваясь с неведомым).

– Что? Ты что-то сказала?

Ворона взмахивает крыльями, склоняет голову набок.

– Горг! Тай!

Мальчик смеется. Она произнесла его имя! Ворона знает, как его зовут!

Он слезает с велосипеда, ставит его на подставку, приближается к вороне на пару шагов. Об Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэме он, к сожалению, не вспоминает.

Он думает, что ворона улетит, если он подойдет к ней, но она лишь взмахивает крыльями и бочком движется к тенистой зеленой изгороди.

– Ты произнесла мое имя?

– Горг! Тай! Аббала!

На мгновение улыбка Тая гаснет. Последнее слово ему знакомо, и ассоциации оно вызывает, прямо скажем, неприятные. По этой причине ему вспоминается мать. Потом ворона вновь произносит его имя. Безо всяких сомнений – Тай.

Еще один шаг к изгороди. Ворона отвечает тем же, забираясь под зелень. На улице ни души. Эта часть Френч-Лэндинга дремлет

под утренним солнцем. Тай шагает следом, навстречу своей судьбе, и содрогаются все миры.

Эбби, Ронни и Ти-Джи вразвалочку выходят из магазина «С семи до одиннадцати», где тряпкоголовый продавец только что выдал им по черничному мороженому (тряпкоголовый – одно из словечек, которые Эбби почерпнул у отца). У каждого также по две колоды карт «Магия».

Эбби, его губы уже измазаны синим, поворачивается к Ти-Джи:

– Съезди за копушей.

На лице Ти-Джи читается обида.

– Почему я?

– Потому что Ронни купил карты, недоумок. Давай, живо.

– А на черта он нам, Эбби? – спрашивает Ронни. Он привалился спиной к стойке для велосипедов, лижет холодный, сладкий брусок льда.

– Потому что я так говорю, – отрезает Эбби. Дело в том, что по пятницам у Тайлера Маршалла всегда есть деньги. Собственно, деньги у него есть практически каждый день. У его родителей их куры не клюют. Эбби, которого в одиночку воспитывает (если это можно назвать воспитанием) отец, уборщик в доме престарелых, из-за этого подсознательно ненавидит Тайлера. До первых унижений остается совсем ничего, а затем последуют и первые избиения. Но сейчас ему нужны лишь карты «Магия», еще по колоде на каждого. А то, что Тайлер «Магию» не жалуется, никого не должно волновать.

Но сначала они должны доставить этого маленького копушу сюда. Или маленького кошупу, как назвал его Ронни, у которого вечно каша во рту. С другой стороны, слово получилось забавное. Эбби решает, что его следует взять на вооружение. Кошупа. Хорошее слово. Позволяет одновременно посмеяться и над Таем, и над Ронни. Два по цене одного.

– Шевелись, Ти-Джи. Если не хочешь получить индейский ожог.

Ти-Джи не хочет. Индейские ожоги Эбби чертовски болезненны. Он театрально вздыхает, выкатывает велосипед из стойки, садится на него и катит вниз по холму, одна рука на руле, вторая – с мороженым. Он рассчитывает сразу увидеть Тая, возможно, катящего велосипед, потому что он... так... ус-с-с-тал, но Тая на Чейз-стрит нет.

Куда же он подевался?

Ти-Джи сильнее нажимает на педали.

В мужском туалете мы теперь смотрим на ряд кабинок. Дверь второй слева закрыта. В трех остальных – распахнуты. Поблескивают хромированные петли. Под второй дверью мы видим лодыжки со вздутыми, старческими венами над грязными шлепанцами.

Раздается громкий крик. Голос мужской, молодой, грубый, требующий, злой.

– Аббала! Аббала-дун! Маншан горг!

Внезапно спускается вода. Не только из того бачка, что за закрытой дверью. Из *всех* бачков. И во всех писсуарах на противоположной стене хромированные ручки синхронно поворачиваются. Вода бежит по изогнутым фаянсовым поверхностям.

Когда наш взгляд возвращается от писсуаров к кабинкам, мы видим, что грязных шлепанцев и всунутых в них ног уже нет. И впервые слышим звук соскальзывания, тяжелый вздох, какой вырывается из легких человека, проснувшегося в два часа ночи от жуткого кошмара.

Дамы и господа, Чарльз Бернсайд покинул здание.

Ворона забралась под зеленую изгородь. Но по-прежнему смотрит на Тая блестящим, влекущим взглядом. Тай шагает к ней, чувствуя, что его загипнотизировали.

– Назови еще раз мое имя, – выдыхает он. – Назови еще раз мое имя и можешь идти.

– Тай! – соглашается ворона и исчезает за изгородью. Еще мгновение Тай различает что-то черное среди зелени, потом остается одна зелень.

– Святая ворона! – вырывается у Тая. Тут он понимает, что сказал, и смеется. Неужели это произошло наяву? Произошло, не так ли?

Он наклоняется к тому месту, где ворона проскользнула под изгородью, надеясь подобрать перышко в качестве сувенира, и в это мгновение из зелени высовывается белая костлявая рука и безошибочно ухватывает его за горло. Тай успевает только пискнуть, и его уже протаскивают сквозь изгородь. Пружинистые ветки срывают с него одну кроссовку. С другой стороны раздается торжествующий

крик, возможно: «Мальчик», – а потом удар, возможно, звук обрушивающегося на голову мальчика любимого камня. А потом тишина, нарушаемая только далеким стрекотом газонокосилки и близким жужжанием пчелы.

Пчела летает над цветами по другую сторону зеленой изгороди, на территории «Центра Макстона». Смотреть там не на что, кроме как на зеленую траву да столы, за которые престарелые жильцы «Центра» в полдень соберутся на пикник Клубничного фестиваля.

Тайлер Маршалл исчез.

Ти-Джи Ренникер останавливается на углу Чейз и Куин-стрит. Его мороженое роняет капли темно-синего сока на запястье, но он этого не замечает. Потому что на Куин-стрит, неподалеку от перекрестка, видит велосипед Тая, стоящий на подставке, но не самого Тая.

Медленно (у него нехорошее предчувствие) Ти-Джи едет к велосипеду. В какой-то момент замечает, что мороженое практически растаяло. Швыряет его в ливневую канаву.

Велосипед Тая, все точно. Красный «Швинн» с изогнутыми ручками и зеленой эмблемой «Милуокских оленей» на раме. Велосипед и...

У изгороди, отделяющей мир стариков от мира нормальных людей, реальных людей, Ти-Джи видит лежащую на боку кроссовку «рибок». Вокруг разбросаны зеленые листья. Из кроссовки торчит перышко.

Мальчик смотрит на кроссовку округлившимися глазами. Ти-Джи, возможно, не так умен, как Тайлер, но все-таки умнее Эбби Уэкслера, и ему нетрудно представить себе, как Тайлера протаскивали сквозь зеленую изгородь. И остались от него только велосипед... и одна кроссовка... одна одиноко лежащая на боку кроссовка...

– Тай? – зовет он. – Ты что, шутишь? Если да, то немедленно прекрати. Иначе я скажу Эбби, и ты получишь от него такой индейский ожог, что мало не покажется.

Нет ответа. Это не шутка Тая. Ти-Джи нутром чувствует, что дело куда серьезнее.

Внезапно в голове взрываются мысли об Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэме. Он слышит (или ему кажется, что слышит) шаги за изгородью: Рыбак, позаботившись об обеде, вернулся за десертом!

Ти-Джи пытается закричать и не может. Горло будто стянуло узлом. Но руки-ноги шевелятся, поэтому он вцепляется в руль и изо всех сил жмет на педали, съезжает с тротуара на мостовую, стремясь увеличить расстояние между собой и изгородью. Соскочив с каменного бордюра (переднее колесо прокатывается по остаткам мороженого), он мчится к Чейз-стрит, согнувшись над рулем, словно профессиональный гонщик, оставляя за собой темную полосу на мостовой. Она выглядит как кровь. Где-то рядом каркает ворона. Словно смеется.

Дом 16 по Робин-Гуд-лейн: мы здесь уже бывали. Заглядываем в окно кухни и видим Джуди Маршалл, которая спит на кресле-качалке в углу. На ее коленях книга, роман Джона Гришэма, которую мы в последний раз видели на столике у кровати. Рядом с креслом на полу стоит недопитая чашка с холодным кофе. Джуди прочитала не больше десяти страниц. Будьте уверены, Джуди вогнала в сон не книга мистера Гришэма. Прошлая ночь выдалась тяжелой, да и предыдущие тоже. Прошло уже два месяца с тех пор, как ей удавалось спать два часа кряду. Фред знает, что с его женой что-то не так, но и представить себе не может, как далеко все зашло. Если бы представил, перепугался куда сильнее. Скоро, помоги ему Господи, ему представится возможность лицезреть истинную картину ее душевного состояния.

Джуди начинает громко стонать, мотает головой из стороны в сторону. С ее губ вновь слетают бессмысленные слова. Большинство просто невозможно разобрать, но два мы улавливаем: «аббала» и «горг».

Внезапно она открывает глаза. В золотистом свете, которым наполняет кухню утреннее солнце, они у нее яркой, насыщенной синевы.

– Тай! – ахает она, и ее ноги конвульсивно дергаются. Она смотрит на часы над плитой: двенадцать минут десятого. В голове у нее все перемешалось, как часто случается, если человек засыпает очень глубоко, но спит недолго и пробуждается как от толчка. Сон, вроде бы даже и не кошмар, тянется за ней и в реальный мир: мужчины в соломенных шляпах, надвинутых на лоб, чтобы скрыть лица, вышагивают на длинных ногах в ботинках с круглыми мысками. Какой-то город... Милуоки? Чикаго?., на фоне зловещего оранжевого

неба. Саундтрек сна – «Кинг Портер Штомп» в исполнении оркестра Бенни Гудмана. Эту мелодию всегда слушал ее отец, пропустив пару стаканчиков. От сна остаются ощущения ужаса и горя: что-то страшное уже случилось, но худшее еще впереди.

Облегчения, которое обычно испытывают люди, пробудившись от дурного сна, нет и в помине, облегчения, которое испытывала она сама, когда была молодой и... и...

– И психически нормальной, – говорит она хриплым спросонья голосом. – «Кинг Портер Штомп». Для нее эта мелодия всегда звучала как музыка из старых мультфильмов, где мыши в белых перчатках с невероятной скоростью забегали в норы и выбегали из них. Однажды, когда отец танцевал с ней под эту мелодию, она почувствовала, как что-то твердое уперлось в нее. Что-то твердое в его штанах. После этого, когда он ставил на проигрыватель пластинку с танцевальной музыкой, она старалась поскорее выйти из гостиной, а то и из дома.

– Хватит, – хрипит она. Это голос вороны, и она понимает, что видела ворону во сне. Конечно, видела. Эта ворона – Горг.

– Горг означает смерть, – говорит она и, не осознавая этого, облизывает верхнюю губу. Ее язык вылезает все дальше, теплый, мягкий, успокаивающий. – Там горг означает смерть. Там, в...

Слово, которое она не произносит, – Запределье. Прежде чем успевает его произнести, видит на кухонном столе то, чего там не было раньше. Это плетеная корзинка с крышкой. Из нее доносится низкий, усыпляющий звук.

У Джуди начинает сосать под ложечкой. Страх заползает в сердце. Она знает, что это за корзинка. В таких рыбаки носят свой улов.

В эти дни по Френч-Лэндингу бродит рыбак. Плохой рыбак.

– Тай? – зовет она, но, конечно же, ей не отвечают. В доме никого нет, кроме нее. Фред на работе, Тай гуляет. Само собой. Середина июля, разгар летних каникул, и Тай катается по городу на велосипеде, занимается всем тем, чем положено заниматься мальчишкам в бесконечный летний день. И он не один. Фред наказал ему держаться с друзьями, пока Рыбака не поймали, по крайней мере пока не поймали. И она сказала ему то же самое. Джуди не питает особой любви к Эбби Уэкслеру (так же, как и к юным Мецгеру и Ренникеру),

но сейчас главное – безопасность. Тай, конечно, в такой компании не станет умнее, но по крайней мере...

– По крайней мере будет в безопасности, – все тот же голос вороны Горг. Однако плетеная рыбацкая корзина, появившаяся на кухонном столе, пока она спала, вроде бы говорит об обратном, отрицает всю концепцию безопасности. Откуда она взялась? И что на ней белеет?

– Записка, – говорит она и встает. Как лунатик, пересекает небольшой участок пола между креслом-качалкой и столом. Записка – сложенный листок бумаги. Поперек надпись: «Сладкая Джуди Синеглазка». В колледже так звал ее один ухажер, до того, как она познакомилась с Фредом. Она попросила не называть ее так, эта слащавость раздражала, но он забывал (как она подозревала, сознательно), и она с ним рассталась. И теперь это глупое прозвище вновь насмеялось над ней.

Джуди, не отрывая глаз от записки, открывает кран холодной воды, складывает ладони лодочкой, наполняет их водой, пьет. Несколько капель падают на «Сладкую Джуди Синеглазку», размазывают ее имя. Написано перьевой ручкой? Чудеса, да и только! Кто сейчас пишет перьевыми ручками?

Она тянется к записке, отдергивает руку. Звук, доносящийся из корзины, становится громче. Какое-то гудение. Это...

– Это мухи, – говорит она. Вода смягчила горло, и голос уже не такой хриплый, но Джуди кажется, что она по-прежнему говорит, как ворона Горг. – Ты знаешь, как гудят мухи.

Возьми записку.

Не хочу.

Да, но тебе НУЖНО ее взять! Бери! Куда подевалась твоя СИЛА ВОЛИ, трусишка ты эдакая!

Хороший вопрос. Чертовски хороший вопрос. Язык Джуди облизывает верхнюю губу и губной желобок. Она берет записку, разворачивает ее.

Извините, почка только одна. Вторую я поджарил и съел. Вкуснятина необыкновенная.

Рыбак.

Нервы в пальцах, ладонях, запястьях и предплечьях Джуди Маршалл внезапно отключаются. Лицо бледнеет настолько, что на щеках становятся видны кровеносные сосуды. Записка выпадает из пальцев и планирует на пол. Вновь и вновь выкрикивая имя сына, она откидывает крышку рыбацкой корзины.

Внутри блестящие красные «колбаски» кишок, по которым ползают мухи. Морщинистые легкие, насос размером с кулак, который служил ребенку сердцем. Лиловый шматок печени и... одна почка. Внутренности кишат мухами, и весь мир – горг, горг, горг.

В солнечной тишине кухни Джуди Маршалл начинает выть, и это вой безумия, вырвавшегося из клетки безумия, в которое погрузился ее рассудок.

Батч Йеркса собирался быстренько выкурить сигарету и вернуться на рабочее место: в день Клубничного фестиваля всегда полно дел (отметим, что добросердечный Батч, в отличие от Пита Уэкслера, не питает ненависти к этому празднику). Но тут из крыла «Колокольчик» вышла Петра Инглиш, они разговорились о мотоциклах, и двадцать минут пролетели как один миг.

Он говорит Петре, что ему пора, она говорит, что нужно во всем видеть светлую сторону, а темную стараться не замечать. Батч проскальзывает в дверь, за которой его ждет неприятный сюрприз. Чарльз Бернсайд, вот дрянь, стоит рядом со столом Батча и держит в руке камень, который Батч использует как пресс-папье (его сын сделал его прошлым летом, в лагере, во всяком случае надпись, и Батч думает, что это круто). Батч ничего не имеет против пациентов «Центра», он бы отчитал Пита Уэкслера, если бы узнал, как тот тушит окурки, насчет того, чтобы заложить – речи нет, но он не любит, когда трогают его вещи. Особенно этот старик, который более чем мерзок, когда ему отшибает остатки ума. Как сейчас. Батч это видит по глазам старика. Настоящий Берни Бернсайд вернулся, возможно, в честь Клубничного фестиваля.

Что же касается клубники, то Берни, похоже, ею уже полакомился. На губах и в уголках рта алые следы.

Но на алое Батч и не смотрит. На Берни и другие пятна. Коричневые.

– Не хочешь убрать с него руку, Чарльз? – спрашивает он.

– Убрать с чего? – любопытствует Берни и добавляет: – Подтиральщик.

Батч не хочет говорить: «С моего любимого камня». Звучит глупо.

– С моего пресс-папье.

Берни смотрит на камень, который только что положил на стол (на нем были кровь и волосы, когда он выходил из туалетной кабинки, но раковины и нужны для того, чтобы смывать грязь). Опускает руку.

– Вымой меня, болван. Я обделался.

– Это я вижу. Но сначала скажи, не растащил ли ты свое дерьмо по всей кухне. Я знаю, ты там был, поэтому не ври.

– Ходил мыть руки, – отвечает Берни и показывает руки. Они шишковатые, но розовые и чистые. Даже под ногтями нет грязи. Он точно их вымыл. Потом добавляет: – Дрочило.

– Пошли со мной в ванную, – говорит Батч. – Дрочило-подтиральщик вымоет тебя.

Берни фыркает, но идет с готовностью.

– Приготовился к танцам? – спрашивает Батч, чтобы что-то сказать. – Начистил ботинки, большой мальчик?

Берни, который может иногда удивить, если вдруг приходит в себя, улыбается, показывая редкие желтые зубы. Они вымазаны красным, как и губы.

– Да, сэр, я готов поплясать.

Хотя лицо Эбби остается бесстрастным, рассказ Ти-Джи о брошенных велосипеде и кроссовке Тайлера Маршалла он слушает с все возрастающей тревогой. А вот на лице Ронни – просто страх.

– Что будем делать, Эбби? – спрашивает Ти-Джи, доложив о результатах своей поездки. Он только-только восстановил дыхание после того, как буквально взлетел на холм, где находится магазин «С семи до одиннадцати».

– В каком смысле – что будем делать? – переспрашивает Эбби. – То же, что и всегда. Поедем вниз, посмотрим, не найдем ли бутылок, которые можно сдать. Потом в парк, меняться картами «Магия».

– Но... но... что, если...

– Закрой пасть, – обрывает его Эбби. Он знает, что собрался сказать Ти-Джи, и не хочет этого слышать. Его отец говорит, что бросать шапку на кровать – кликать беду, и Эбби никогда этого

не делает. Если уж беду можно накликать брошенной на кровать шапкой, то к чему может привести упоминание психа-убийцы?

Но тут этот идиот Ронни Мецгер все равно поминает его... пусть и по-своему:

– Но, Эбби, а вдруг это Бырак? Что, если Тайлера схватил...

– Заткнись, твою мать! – кричит Эбби и поднимает кулак, чтобы ударить недоумка.

В этот момент тряпкоголовый, продавец в тюрбане, выскакивает из магазина, как чертик из шкатулки.

– Ругаться идите в другое место! А не то я вызову полицию!

Эбби медленно выезжает со стоянки, поворачивает в сторону, противоположную Гомик-стрит (бормочет себе под нос: «Паршивый ниггер», – тоже словечки отца, хотя продавец – выходец из Азии), оба мальчика следуют за ним. Миновав квартал, Эбби останавливается и поворачивается к ним. Лицо каменеет, плечи расправляются.

– Он уехал один полчаса тому назад, – отчеканивает он.

– Что? – спрашивает Ти-Джи.

– Кто уехал? – спрашивает Ронни.

– Тай Маршалл. Если кто-нибудь спросит, он уехал полчаса назад. Когда мы были... м-м-м... – Эбби пытается вспомнить недалекое прошлое, для него это сложно, сказывается отсутствие практики. В обычной ситуации Эбби Уэкслер обходится исключительно настоящим.

– Когда мы разглядывали витрины «Универмага»? – спрашивает Ти-Джи, в надежде, что удастся избежать индейского ожога Эбби.

Эбби в упор смотрит на него, потом улыбается. У Ти-Джи сразу улучшается настроение. В недоумении только Ронни Мецгер. С бейсбольной битой в руках или на коньках Ронни – король. В остальное время соображает не очень.

– Совершенно верно, – кивает Эбби. – Мы разглядывали витрину «Шмитта», мимо проехал этот пикап, из кабины которого доносилась дерьмовая панковская музыка, а потом Тай сказал, что он уезжает.

– И куда он хотел поехать? – спрашивает Ти-Джи.

Эбби неумен, но хитер и осторожен. Он интуитивно чувствует, что лучшая история – короткая, меньше шансов, что тебя поймут на противоречиях.

– Он нам не говорил. Просто сказал, что уезжает.

– Он никуда не хотел ехать, – говорит Ронни. – Просто отстал, потому что он... – Замолкает, чтобы правильно выстроить слоги в слове, и на этот раз ему это удастся: –...копуша.

– Вот этого не надо, – качает головой Эбби. – Что, если... что, если этот парень добрался до него, кретин? Ты хочешь, чтобы люди говорили, будто все произошло, потому что он не смог ехать с одной скоростью с нами? Что он погиб, потому что мы оставили его одного? Ты хочешь, чтобы люди говорили, что мы виноваты?

– Да ладно, – отмахивается Ронни. – Ты же не думаешь, что Бырак... Рыбак схватил Тая, не так ли?

– Я не знаю, и мне без разницы. Даже хорошо, что его нет. Он мне уже порядком надоел.

– Ага, – вроде бы Ронни такое объяснение устроило. «Какой же кретин, – думает Эбби. – Полнейший, законченный кретин». Если вы в это не верите, подумайте, с чего это Ронни, который силен, как лошадь, терпит индейские ожоги Эбби. Конечно, придет день, когда Ронни больше не станет терпеть и от души вмажет Эбби, но последнего это не волнует. С попытками заглянуть в будущее у него дело обстоит еще хуже, чем с прошлым.

– Ронни, – продолжает Эбби.

– Что?

– Где мы были, когда Тайлер уехал?

– Э... У витрины «Универмага Шмитта»?

– Точно. И куда он поехал?

– Он не сказал.

Эбби видит, что эта версия уже стала для Ронни истиной, и поворачивается к Ти-Джи:

– Ты понял?

– Понял.

– Тогда поехали.

Они едут. Кретин чуть обгоняет Эбби и Ти-Джи, когда они сворачивают на обсаженную деревьями улицу, и Эбби этому не мешает. Подъезжает чуть ближе к Ти-Джи и спрашивает:

– Что ты там еще видел? Кого-нибудь? Человека?

Ти-Джи мотает головой.

– Только его велосипед и кроссовку. – Он замолкает, вспоминая. – Еще там валялись листья. С зеленой изгороди. И вроде бы перо.

Воронье перо.

Эбби его не слушает. Он ищет ответ на другой вопрос: неужели Рыбак в это утро так близко подобрался к нему? Настолько близко, что утащил одного из его друзей. Кровожадной его части мысль эта нравится, приятно представить себе, как монстр убивает Тая Маршалла, который в последнее время все больше раздражал его, и готовит из него ленч. Но другая его часть – детская, в ужасе (эта часть обычно берет верх поздним вечером, когда он лежит без сна в кровати, глядя на тени, обретающие страшные формы и надвигающиеся). Есть в нем и еще одна часть – взрослого, которая интуитивно и незамедлительно принимает меры, дабы избежать внимания властей, на случай, если исчезновение Тайлера поставит на уши весь город.

Но самое главное, как и Дейл Гилбертсон, и отец Тая, Фред, Эбби Уэкслер не верит, что такое может случиться. Просто не может заставить себя поверить, что Тайлера больше нет. Даже после Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэма, которого порезали на куски, развесив их в старом курятнике. То дети, о которых Эбби слышал в вечерних новостях, выдумки из Телеландии. Он не знал Эми или Джонни, поэтому они могли умереть, как всегда умирают люди в кино или на телевидении. Тай – другое дело. Тай только что был рядом. Он говорил с Эбби. Эбби говорил с ним. По разумению Эбби, сие равносильно бессмертию. Если Рыбак смог добраться до Тая, он может добраться до кого угодно. Включая его самого. А вот в это, как Дейл и Фред, он поверить просто не может. В глубине сердца он свято верит, что на планете Эбби все прекрасно, нет там ни Рыбака, ни его злодеяний.

– Эбби, ты думаешь... – подает голос Ти-Джи.

– Нет, – уверенно отвечает Эбби. – Он появится. Поехали в парк. Бутылками займемся позже.

Фред Маршалл оставил пиджак спортивного покроя и галстук в кабинете, закатал рукава и помогает Роду Тисбюри распаковать новенькую почвофрезу компании «Хилер». В ряду моделей компании – это новинка, и смотрится почвофреза прекрасно.

– Я ждал такую машину двадцать лет, – говорит Род. Ловко подсовывает лом под крышку большого ящика, и одна из стенок падает

на бетонный пол ангара предпродажной подготовки и технического обслуживания. Род – главный механик «Гольца», и в этом ангаре он – король. – Она подойдет и фермеру с небольшим участком земли, и городскому садовнику. Если к осени ты не сможешь продать дюжину этих красоток, значит, ты плохо работаешь.

– К концу августа я продам двадцать, – уверенно отвечает Фред. При виде этого зеленого чуда техники все тревоги забылись. Она не только вспахивает землю, к ней прилагаются еще приспособления, которые мгновенно навешиваются на каркас. Ему хочется запустить почвофрезу, послушать, как она работает. Двухцилиндровый двигатель радует глаз.

– Фред?

Он нетерпеливо оборачивается. Ина Гейтскилл, секретарь Теда Гольца и регистратор Центра.

– Что?

– Тебе звонят по первой линии. – Она указывает на настенный телефонный аппарат, где мигают лампочки. В стоящем в ангаре грохоте – пневматические отвертки сражаются с винтами старого трактора «Кейз» – никакие звонки, разумеется, не слышны.

– Может, ты запишешь сообщение, Ина? Я помогаю Роду оживить этого зверя и...

– Я думаю, тебе лучше поговорить. Звонит Энид Первис. Твоя соседка?

Поначалу Фред не понимает, о ком речь. Но память продавца, которая автоматически складировает имена и фамилии, приходит на помощь. Энид Первис. Жена Дека. Угол Робин-Гуд-лейн и Мейд-Мариан-уэй. Он видел Дека этим утром. Они помахали друг другу.

Одновременно он замечает, что глаза у Ины слишком большие, а вот рот вдруг стал маленьким. На лице написана тревога.

– В чем дело? – спрашивает Фред. – Ина, в чем дело?

– Я не знаю, – потом, с неохотой: – Что-то насчет твоей жены.

– Лучше поговорите с ней, босс, – говорит Род, но Фред уже бежит по измазанному маслом полу к телефонному аппарату.

Домой он приезжает через десять минут после отъезда из «Гольца». Со стоянки для сотрудников он вылетел пулей, веером, словно подросток, заполучивший автомобиль отца, выбросив гравий

из-под задних колес. Его до смерти напугало спокойное изложение событий Энид Первис, ее попытки показать, что она не видит в случившемся ничего тревожного.

Прогуливая Потси, она проходила мимо дома Маршаллов, когда услышала крик Джуди. Не один крик – два. Разумеется, Энид поступила, как и положено соседке: подошла к двери. Постучала, приподняла крышку щели для почты, позвала. Если бы ей не ответили, она бы позвонила в полицию. Даже не стала бы возвращаться домой. Зашла бы в дом Плотски, которые живут напротив Маршаллов, и позвонила бы оттуда. Но...

– Я в порядке, – ответила Джуди, а потом расхохоталась. Визгливо и пронзительно. Смех встревожил Энид еще больше, чем крики. – Все это сон. Даже Тай – сон.

– Ты не порезалась, дорогая? – спросила Энид через щель для почты. – Ты не упала?

– Плетеной рыбацкой корзины не было, – отозвалась Джуди. – Она мне тоже приснилась. – И тут, после заминки, Энид призналась Фреду, Джуди начала плакать. Эти звуки, долетавшие сквозь щель для почты, бередили душу. Даже собака заскулила.

Энид спросила, не может ли она войти и посмотреть, не поранилась ли Джуди.

– Уходи, – прокричала Джуди и вдруг, не прекращая плакать, истерически рассмеялась. – Ты тоже сон. Весь этот мир – сон. – Затем что-то разбилось, кофейная чашка или кувшин для воды, упавшее на пол. А может, брошенное в стену.

– Я не позвонила в полицию, потому что с ней вроде бы все в порядке. – Фред стоял у стены, с трубкой у одного уха, зажимая второе рукой. Грохот ангара, который всегда так ему нравился, просто сводил с ума. – Во всяком случае, физически. Но, Фред... я думаю, тебе лучше съездить домой и посмотреть, как она.

Все недавние странности Джуди вихрем пронеслись в голове. Вместе со словами Пэта Скарды: «Мы слышим, как люди говорят: «Такой-то вдруг свихнулся», – но это лишь слова. Расстройства психической деятельности, неврозы или психозы, растянуты во времени, и есть признаки, по которым можно судить...»

А разве он не видел эти признаки?

Видел и ничего не предпринимал.

Фред оставляет автомобиль, «форд эксплорер», на подъездной дорожке и спешит к двери, выкрикивая имя жены. Ответа нет. Даже когда он переступает порог, с такой силой толкнув дверь, что латунная крышка, прикрывавшая щель для почты, жалобно звякает, ему никто не отвечает. Кондиционированный воздух дома слишком холодит кожу, и он понимает, что весь в поту.

– Джуди? Джуд?

По-прежнему нет ответа. Он спешит по холлу на кухню, где обычно находил ее, если возвращался домой днем.

Кухня залита солнечным светом и пуста. Кухонный и разделочные столики чистые, все блестит, две кофейные чашки лежат на сушке, подмигивая солнцу чисто вымытыми боками. Солнце блестит и на осколках стекла в углу. Фред видит лепесток на одном из осколков и догадывается, что разбилась ваза с подоконника.

– Джуди? – вновь зовет он. Чувствует, как кровь пульсирует на шее и в висках.

Она не отвечает ему, но он слышит, как сверху доносится пение.

– Спи, моя крошка...

Фред узнает песню, но не испытывает облегчения, наоборот, у него все холодеет внутри. Эту песню она пела маленькому Таю. Колыбельная Тая. Она уже много лет ее не пела.

Он возвращается в холл и видит то, что поначалу упустил: репродукция картины Эндрю Уайетта^[48] «Мир Кристины» снята с крючка и приставлена к батарее. Обои под картиной содраны до гипсокартона, листами которого обшиты стены. Фред бледный как мел, он знает, почему Джуди это сделала. Это не интуиция и не дедукция. Скорее телепатия, свойственная супругам, много лет живущим вместе.

Наверху Джуди все поет колыбельную.

Фред взлетает по лестнице, выкрикивая ее имя.

В верхнем коридоре разгром. Здесь они устроили галерею своего прошлого: Фред и Джуди около «Мэдисон шуз», блюз-клуба, куда они иногда заходили, если в «Шоколадном контрабасе» не было ничего интересного; Фред и Джуди, танцующие на свадьбе в окружении радостных родственников; Джуди в палате для рожениц, измученная, но улыбающаяся, держащая на руках крошечного, запеленатого Тая;

семейная ферма Маршаллов, при взгляде на которую Джуди всегда фыркала; многое другое.

Большинство забранных в рамочки фотографий аккуратно сняты с гвоздей и поставлены у стены. Некоторые, например фотография фермы, брошены на пол. Осколки стекла разлетелись по всему коридору. Она содрала обои там, где их прикрывали фотографии. А фотографией Джуди и Тая в палате родильного отделения исковыряла даже гипсокартон. На некоторых царапинах запеклись капельки крови.

– Джуди! Джуди!

Дверь комнаты Тайлера открыта. Фред бежит к ней, осколки стекла хрустят под ботинками.

Джуди поет.

– Джуди! Дж...

Он застывает в дверном проеме, лишившись дара речи.

Комната Тая перевернута вверх дном, словно здесь, как в детективном фильме, искали что-то очень важное. Ящики выдвинуты из комода, лежат где попало, их содержимое разбросано. Повсюду летняя одежда: джинсы, футболки, трусы, белые носки. Дверь стенного шкафа распахнута, и большая часть одежды скинута с вешалок; та же телепатия подсказывает, что она срывала рубашки и брюки, чтобы посмотреть, нет ли под ними Тая. Пиджак единственного костюма Тая наброшен на ручку шкафа. Постеры содраны со стен. Марк Макгуайр разорван пополам. Обои она нигде не тронула, кроме одного места. Но уж там постаралась. За прямоугольником, который занимал постер с замком («ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ В ОЛД СОД»), обои полностью содраны. И на гипсокартоне опять следы крови.

Джуди Маршалл сидит на кровати сына, на голом матрасе. Простыня, одеяло, подушка сброшены в угол. Кровать отодвинута от стены. Голова упала на грудь. Лица не видно, его закрывают волосы, но она в шортах, и он замечает пятна и потеки крови на загорелых бедрах. Руки под коленями, и Фред этому рад. Пока есть такая возможность, не хочется смотреть, как она поранила себя. Сердце Фреда выскакивает из груди, кровь переполнена адреналином, во рту горечь.

Она вновь начинает петь колыбельную, и к нему возвращается дар речи.

– Нет, Джуди, нет. – Он идет к ней, как по минному полю, стараясь не наступать на разбросанные вещи, а ведь еще вчера, когда заходил к сыну, чтобы поцеловать его перед сном, отметил царящий в комнате образцовый порядок. – Перестань, сладенькая, все хорошо.

О чудо, она замолкает. Поднимает голову, и у него перехватывает дыхание, когда он видит стоящий в ее глазах ужас. Больше, чем ужас. В них – пустота, словно все, что находилось за ними, соскользнуло в сторону, оставив вместо себя черную дыру.

– Тай ушел, – говорит она. – Я посмотрела за всеми фотографиями и постерами... Я была уверена, что он за этим постером, если он мог где-то быть, то только там...

Она указывает на стену, на которой висел ирландский замок, и он видит, что четыре ногтя левой руки частично или полностью вырваны. У него конвульсивно сжимается желудок. Пальцы выглядят так, словно она окунала их в красные чернила. «Если бы это были чернила, – думает Фред. – Если бы чернила».

– ...но, разумеется, это всего лишь картинка. Они все – картинки. Теперь я это вижу. – Пауза. – Аббала! Маншан! Аббала-горг, Аббала-дун! – Высовывается язык, невероятной длины язык, и доходит до носа. Фред это видит, но не может поверить своим глазам. Он словно пришел в кино на фильм ужасов, где-то на середине сеанса обнаружил, что фильм обернулся реальностью, и теперь не знает, что ему делать. А что он, собственно, должен делать? Что положено делать, открыв для себя, что женщина, которую ты любишь, сошла с ума, во всяком случае на какое-то время потеряла связь с реальностью... что положено делать? Что?

Но он ее любит, влюбился чуть ли не с первой их встречи, окончательно и бесповоротно, и никогда не жалел об этом, так что сейчас им движет любовь. Он садится рядом с ней на кровать, обнимает, прижимает к себе. Чувствует, как она дрожит. Вибрирует, словно натянутая струна.

– Я тебя люблю, – говорит он, удивляясь собственному голосу. Несмотря на замешательство и страх, которые переполняют его, голос спокойный. – Я тебя люблю, и все будет хорошо.

Она смотрит на него, и что-то возвращается в ее глаза. Фред не может сказать, что это разум (как бы ему этого ни хотелось), но что-то заполняет бездонную пустоту. Она знает, где она и кто с ней. На мгновение он читает в ее глазах благодарность. Потом ее лицо перекашивает от горя, она начинает плакать. Рыдать. В рыданиях – невыносимое чувство потери.

– Тай ушел, – говорит Джуди. – Горг зачаровал его, и аббала взял к себе. Аббала-дун! – Слезы текут по щекам. Когда она поднимает руки, чтобы вытереть их, пальцы оставляют на щеках кровавые потеки.

И пусть он уверен, что Тайлер в полном порядке (сегодня никаких предчувствий у Фреда не было, если не считать его прогноза по продаже почвофрез компании «Хилер»), от этих потеков по его телу пробегает дрожь. И причина – не состояние Джуди, а ее слова: «Тай ушел». Тай с друзьями. Вчера вечером сказал Фреду, что он, Ронни, Ти-Джи и этот несимпатичный ему Эбби Уэкслер договорились провести день вместе. А если будет неинтересно, он обещал вернуться сразу домой. Все вроде бы предусмотрено, однако... а как насчет материнской интуиции?

«Ну, – думает он, – если она есть, то на «Фокс нетуорк»^[49].

Он поднимает Джуди на руки и вновь приходит в ужас: какая легкая. «С тех пор как я поднимал ее последний раз, она похудела на двадцать фунтов, – думает он. – Как минимум на десять. Как я мог этого не заметить?» Но он знает как. Во-первых, увлеченность работой. Во-вторых, упорное нежелание признать, что с Джуди не все в порядке. «Ладно, – думает он, вынося Джуди из комнаты Тая (она уже подняла руки и обняла его за шею), – хоть со вторым у меня уже полная ясность». В это он верит, хотя по-прежнему думает, что сын его в полной безопасности.

Джуди, поднявшись наверх, не заглянула в их спальню, так что она – оазис порядка и здравомыслия. Должно быть, чувствует это и Джуди. Устало вздыхает, руки падают с шеи мужа. Язык показывается изо рта, но лишь для того, чтобы облизать верхнюю губу. Фред наклоняется и укладывает ее на кровать. Она поднимает руки, смотрит на них:

– Я... порезалась... поцарапалась...

– Да, – отвечает он. – Сейчас что-нибудь сделаем.

– Как?..

Он садится рядом. Ее голова утопает в мягких подушках, веки закрываются. Он думает, что по-прежнему видит в глазах Джуди ужасающую пустоту. И надеется, что ошибается.

– Ты что-нибудь помнишь? – мягко спрашивает он.

– Нет... я упала?

Фред отвечает, что нет. Вновь начинает думать. Пусть с трудом, но начинает:

– Сладенькая, что такое горг? Что такое аббала? Это человек?

– Не... знаю... Тай...

– У Тая все хорошо.

– Нет...

– Да, – настаивает он. Возможно, настаивает за двух людей, находящихся в этой со вкусом обставленной спальне. – Сладенькая, ты полежи. Мне надо кое-что сделать.

Ее глаза закрываются. Он думает, что она сейчас заснет, но Джуди пытается разлепить веки.

– Полежи, – говорит он. – Не вставай и не ходи по дому. Ты уже находилась. До смерти перепугала Энид Первис. Ты обещаешь?

– Обещаю... – Веки падают.

Фред идет в примыкающую к спальне ванную, прислушиваясь к движениям за спиной. Вроде бы у Джуди не осталось сил, чтобы шевельнуть пальцем, но сумасшедшие такие хитрые. Если Фред все еще может убедить себя, что с Тайлером ничего не случилось, то насчет психического состояния Джуди он больше не обманывается. Может, она и не совсем обезумела, но крыша у нее точно поехала. «Поехала временно», – поправляет он себя, открывая аптечку.

Достает пузырек «меркурохрома», потом просматривает лекарства, продающиеся по рецептам, которые лежат на верхней полочке. Их не так уж много. Берет крайнюю слева коробочку. «Соната», куплено в «Аптеке Френч-Лэндинга», одна капсула перед сном, не больше четырех вечеров подряд, выписано Патриком Джи Скардой, доктором медицины.

В зеркале аптечки Фред не видит всю кровать, только изножье... и одну ступню Джуди. Она по-прежнему на кровати. Хорошо, хорошо. Он выдавливает из облатки капсулу «Сонаты», вытряхивает из стакана

зубные щетки: не может он идти вниз за чистым стаканом, не может так надолго оставить ее одну.

Наполняет стакан водой, возвращается в спальню со стаканом, капсулой «Сонаты», пузырьком «меркурохрома». Глаза Джуди закрыты. Дышит она так тихо, что он кладет ей руку на грудь, чтобы убедиться, что она вообще дышит.

Он смотрит на капсулу снотворного, колеблется, потом все-таки трясет ее за плечо:

– Джуди! Джуди! Чуть-чуть проснись, сладенькая. Прими лекарство и спи дальше, идет?

Даже не реагирует, даже ничего не бормочет в ответ, так что Фред кладет капсулу «Сонаты» на столик у кровати. Необходимости в снотворном нет. У него даже появляется надежда на лучшее. Очень уж быстро и глубоко она заснула. Словно прорвался какой-то нарыв, излился гной, оставив ее слабой и обессиленной. Возможно, проснувшись, она будет чувствовать себя не в пример лучше. Стоит ли на это рассчитывать? Фред не знает, но уверен, что она не просто провалилась в сон. Все беды Джуди начались с бессонницы, которая стала хронической. Хотя тревожные симптомы стали проявляться у нее только в последние два месяца: разговоры с собой, эти странные и неприятные облизывания не только верхней губы, но и губного желобка, она жаловалась на расстройство сна с января. Отсюда и «Соната». И вот она, наконец, вырубилась. Поэтому можно предположить, что, выспавшись, она вновь станет нормальной. А может, тревоги за сына в это лето Рыбака спровоцировали кризис? Может – да, может – нет... во всяком случае, у Фреда есть время подумать, как быть дальше, и его надо использовать с толком. Одно у него не вызывает сомнений: если Тай будет здесь, когда его мать проснется, Тай увидит куда более счастливую мать. Следовательно, необходимо как можно быстрее найти Тая.

Первая мысль – позвонить его приятелям. Это не сложно, их телефоны четким почерком Джуди написаны на листке, приклеенном к холодильнику, вместе с телефонами пожарной команды, полицейского участка (тут же и домашний номер Дейла Гилбертсона, он – друг семьи) и службы спасения Френч-Лэндинга. Но Фред тут же понимает, что эта идея – не из лучших. Мать Эбби мертва, а отец – отвратительный тип, Фред встречался с ним лишь однажды, но ему

этого хватило. Фред не сторонник, как его жена, считать другого никчемностью («Кем ты считаешь себя? – как-то спросил он ее. – Королевой?»), но в части Пита Уэкслера она попала в точку. Он наверняка не знает, где сегодня мальчики, да и ему все равно.

Миссис Мецгер и Элли Ренникер могут знать, но он сам был мальчишкой на летних каникулах: весь мир перед тобой, и можно пойти в две тысячи мест... Фред сомневается, что получит полезную информацию. Есть шанс, что мальчики заглянули на ленч (сейчас самое время) к Мецгерам или Ренникерам, но вероятность слишком мала, чтобы из-за этого пугать обеих женщин. Потому что они сразу подумают об убийце, в этом нет никаких сомнений, как и в том, что Бог создал маленьких рыбок... и рыбаков, чтобы ловить их.

Вновь присев рядом с женой, Фред испытывает первый укол тревоги за сына, но разом отбрасывает его. Сейчас не время впасть в панику. Он должен помнить, что психическое нездоровье жены и безопасность сына нигде, за исключением ее больного воображения, не реальны. Его задача – всеми силами доказывать, что ее страхи беспочвенны.

Фред смотрит на часы, которые стоят на тумбочке с его стороны кровати. Четверть двенадцатого. «Как летит время, когда дел невпроворот», – думает он. Рядом Джуди то ли всхлипывает, то ли стонет во сне. Звук тихий, короткий, очень женственный, но Фред все равно подскакивает. Как она напугала его, когда он увидел ее в комнате Тая! Он до сих пор испуган.

Тай и его друзья могут куда-нибудь заехать на ленч. Джуди говорит, что они часто заезжают, потому что у Мецгеров особой еды нет, а миссис Ренникер обычно угощает их загадочным блюдом из макарон и какого-то серого мяса. Джуди дает им суп «Кэмпбелл»^[50] и сэндвичи с копченой колбасой, которые они любят. Но у Тая достаточно денег, чтобы накормить их всех в «Макдоналдсе» в маленьком торговом центре на северной окраине Френч-Лэндинга или в ресторане «Соннис Круизинг», где дешевые комплексные обеды. Тай никогда не отказывается угощать друзей. Он – щедрый мальчик.

– Я подожду до ленча, – бормочет он, не осознавая, что думает вслух. Впрочем, Джуди на его слова не реагирует. Сон слишком глубокий. – А потом...

Что потом? Он не знает.

Идет вниз, включает «Мистера Кофе», звонит на работу. Просит Ину передать Теду Гольцу, что пробудет дома остаток дня – Джуди заболела. Грипп, говорит он Ине. Ее рвет и все такое. Он перечисляет тех, кто должен прийти к нему сегодня, и просит Ину переадресовать их Отто Эйсману. Отто будет рад такому наплыву клиентов.

Пока он говорит с Иной, в голову приходит идея, которую он и осуществляет, закончив разговор. Предлог для звонка Мецгерам и Ренникерам найден. Но у Мецгеров ему отвечает автоответчик, и он кладет трубку, не оставив сообщения. Зато голос Эллен Ренникер слышит после второго гудка. Беззаботно и непринужденно, все-таки он классный продавец, Фред просит ее попросить Тая, если мальчики приедут на ленч, позвонить домой. Он хочет кое-что сказать сыну. По голосу определенно чувствуется, что сообщение хорошее. Эллен обещает, но добавляет, что Ти-Джи уехал с четырьмя или пятью долларами, которые просто жгли ему карман, и она сомневается, что увидит его до ужина.

Фред поднимается вверх, заглядывает в спальню. Джуди лежит, как он ее и оставил, и Фред полагает сие добрым знаком.

Нет, ничего доброго или хорошего в этом нет.

Казалось бы, ему можно успокоиться, вроде бы ситуация стабилизировалась, но страх только усиливается. Он, конечно, твердит себе, что Тай с друзьями, но толку от этого больше нет. Залитый солнцем, молчаливый дом давит на него. Куда могли поехать мальчики? Есть хотя бы одно место...

Разумеется, есть. Где они могут купить карты «Магия». Этой глупой, непонятной игры, которая им так нравится.

Фред спускается вниз, хватая телефонный справочник, находит нужный номер, звонит в магазин «С семи до одиннадцати». Как и большинство жителей Френч-Лэндинга, Фред бывает там четыре или пять раз в неделю, покупает какую-нибудь мелочь, газировку, апельсиновый сок. Он сразу узнает индийский акцент продавца. Тут же вспоминает его имя и фамилию: Раджан Патель. Классный продавец должен держать в голове тысячи имен. Это очень помогает в жизни. Когда Фред обращается к индусу: «Мистер Патель», – тот сразу же проникается к собеседнику самыми теплыми чувствами, всячески старается помочь. К сожалению, возможности у него невелики. Множество мальчиков побывало в магазине. Они покупали

карты «Магия», «покемонов», открытки с фотографиями бейсболистов. Некоторые обменивались этими открытками на улице. Он вспоминает, что трое мальчиков приехали на велосипедах. Купили мороженое и карты «Магия», потом, выйдя из магазина, о чем-то начали спорить (о ругательстве Раджан Патель не упоминает, хотя иначе он бы эту тройцу и не запомнил). А потом они уехали.

Фред пьет кофе, хотя не помнит, когда он его себе наливал. Щупальца страха все глубже проникают в его рассудок. Трое мальчиков. Трое.

«Это ничего не значит, ты ведь знаешь, не так ли?» – говорит он себе. Он, безусловно, знает и одновременно не знает. Он не может поверить, что безумие Джуди передалось ему, как простуда. Но дело в том... ну... он просто не может избавиться от тревоги.

Он просит Пателя описать мальчиков, и не удивляется, когда тот не может. Он припоминает, что один был толстым, но уверенности нет. «Извините, их приходит так много», – говорит он. Фред отвечает, что понимает. Он действительно понимает, но одно только понимание не может его успокоить.

Трое мальчиков. Не четверо – трое.

Время ленча, но Фред не голоден. Пугающее молчание сгущается. Щупальца страха сжимаются все сильнее.

Не четверо – трое.

Если Патель видел приятелей Тая, то толстяк, конечно же, Эбби Уэкслер. Вопрос в том, кто остальные двое? Кто по глупости уехал один?

Тай ушел. Горг зачаровал его, и аббала взял к себе.

Бред какой-то, несомненно... однако по коже Фреда бегут мурашки. Он со стуком ставит на стол кофейную чашку. Надо убрать разбитое стекло, вот что он должен сделать. Это его следующий шаг, тут двух мнений быть не может.

Актуальный следующий шаг, логичный следующий шаг, внутренний голос нашептывает ему, когда он поднимается по лестнице, но он с ходу отвергает эту мысль. Он уверен, что у копов раскалился телефон от звонков бьющихся в истерике родителей, у которых ребенок отлучился хоть на час. Когда он в последний раз видел Дейла Гилбертсона, на том просто лица не было, и он не хочет

добавлять ему проблем, вместо того чтобы помогать найти решение. Однако...

Не четверо – трое.

Он берет совок и щетку в чулане, примыкающем к комнате-прачечной, и начитает сметать осколки стекла. Покончив с этим, заглядывает к Джуди (похоже, ее сон стал только глубже) и идет в комнату Тая. Тай наверняка очень расстроился бы, увидев, во что превратилась его комната. Он бы подумал, что его мать совсем свихнулась.

«Волноваться об этом тебе не нужно, – шепчет внутренний голос. – Он свою комнату не увидит, ни сегодня вечером, ни вообще. Горг зачаровал его, и аббала взял к себе».

– Хватит, – говорит себе Фред. – Перестань трястись как осиновый лист.

Но дом слишком пустой, слишком молчаливый, и Фред Маршалл напуган.

На приведение комнаты Тайлера в порядок уходит больше времени, чем предполагал Фред. Его жена пронеслась по ней как ураган. И откуда в такой маленькой женщине взялось столько силы? Или это сила безумства? Возможно, но Джуди не нуждается в силе безумства. Если она принимает решение, остановить ее просто невозможно.

Уборка занимает практически два часа, и единственным свидетельством разгрома, учиненного Джуди, остается прямоугольник содранных обоев на том месте, где висел постер с замком. Сидя на застланной кровати Тая, Фред чувствует, что его взгляд так и притягивается к этому месту, белому пятну гипсокартона, напоминающему торчащую сломанную кость. Он смыл следы крови, но что можно сделать с царапинами, оставленными ее ногтями?

«Я знаю что, – думает он. – Знаю, что можно сделать».

Комод Тая красного дерева, завещан Джуди кем-то из ее родственников. Передвигать его – работа не для одного человека, но Фред, учитывая обстоятельства, об этом не думает. Он подсовывает под комод коврик, чтобы не царапать пол, потом тащит через комнату. Поставленный у дальней стены, комод практически полностью закрывает содранный прямоугольник обоев. Без белого пятна Фред

чувствует себя лучше. Тай не пришел на ленч, но Фред его и не ждал. Он появится самое позднее к четверем. Пообедает дома. Другого не может быть.

Фред идет в большую спальню, массируя поясницу. Джуди лежит в той же позе, и он вновь озабоченно прикладывает руку к ее груди. Дыхание медленное, но ровное. Это хорошо. Он ложится рядом, поднимает руку, чтобы ослабить галстук, смеется, нащупав расстегнутый воротник. Пиджак и галстук остались в «Гольце». Да, день выдался просто безумный. И какое-то время приятно побыть в обеспеченной системой кондиционирования прохладе, массируя натруженную спину. Передвигать массивный комод – работа не из легких, но он рад, что взялся за нее. Конечно, уснуть не сможет, тревоги не дадут. И вообще, нет у него привычки спать днем.

С такими мыслями Фред и засыпает.

Рядом с ним, во сне, Джуди начинает бормотать. Горг... аббала...
Алый Король. И женское имя.

Имя это – Софи.

Глава 6

В дежурной части полицейского участка Френч-Лэндинга звонит телефон. Бобби берет трубку:

– Слушаю, полицейский участок. Дежурный Дюлак. Чем я могу вам помочь?

– Привет, Бобби. Это Дэнни Щеда.

Бобби разом становится не по себе. Дэнни Щеда – его фамилию часто произносят как Чита – один из четырнадцати штатных РП. Сейчас его смена, а потому заведенный порядок требует, чтобы он связывался с участком по радио. В конце концов, РП – радиофицированный патрульный. Единственное исключение из правила – Рыбак. Дейл разрешил патрульным звонить по телефону, если они думают, что передаваемая информация связана с маньяком-убийцей. Слишком много людей слушают полицейскую волну, в том числе и Уэнделл «Сучье Вымя» Грин.

– Дэнни, что случилось?

– Может, и ничего, а может, что-то нехорошее. В багажнике моего автомобиля велосипед и кроссовка. Я нашел их на Куин-стрит. Около «Центра Макстона по уходу за престарелыми».

Бобби подвигает блокнот, начинает записывать. Охватившее его предчувствие беды нарастает.

– Велосипед в полном порядке, – продолжает Дэнни. – Стоял на подставке. Но в сочетании с кроссовкой...

– Да, да, я тебя понимаю, Дэнни, но не следует прикасаться к уликам, свидетельствующим о совершении преступления.

«Пожалуйста, Господи, не допусти, чтобы эти улики свидетельствовали о преступлении, – думает Бобби Дюлак. – Пожалуйста, Господи, не допусти гибели еще одного ребенка».

Мать Ирмы Френо только что приходила к Дейлу. Криков и истерик не было, но вышла она из кабинета начальника полиции вся в слезах, бледная как смерть. Они еще не могут утверждать, что маленькая девочка стала третьей жертвой Рыбака, но...

– Бобби, мне пришлось, – говорит Дэнни. – В машине я один, говорить об этом по рации не хотел, поэтому должен был найти

телефон. Если бы я оставил велосипед на тротуаре, к нему прикоснулся бы кто-то еще. Украл. Велосипед хороший, трехскоростной «Швинн». Лучше, чем у моего сына, скажу я тебе.

– Где ты сейчас?

– У магазина «С семи до одиннадцати», на холме на 35-м. Местоположение велосипеда и кроссовки я отметил мелом. Работал в перчатках, кроссовку положил в мешочек для вещественных доказательств. – Голос Дэнни звучит все тревожнее. Бобби понимает, что тот сейчас чувствует, знает, как тяжело дался Дэнни этот выбор. Выезжать на смену в одиночку – удовольствие маленькое, но большего числа полицейских (с полным рабочим днем и занятых частично) бюджет Френч-Лэндинга не позволяет. Если, конечно, ситуация с Рыбаком не выйдет из-под контроля. В этом случае отцы города, безусловно, найдут возможность перераспределить бюджетные средства.

«Может, она уже вышла из-под контроля», – думает Бобби.

– Ладно, Дэнни. Я тебя понимаю.

«Поймет его Дейл или нет – это совсем другая история», – думает он.

Дэнни понижает голос:

– Никого не будет волновать, что я нарушил некоторые правила, не так ли? Я хочу сказать, если мы поймем подозреваемого. И дело пойдет в суд.

– Я думаю, это решать Дейлу. – И тут же Бобби осеняет: все звонки по этому телефонному аппарату автоматически записываются. Бобби тут же решает, что звукозаписывающая аппаратура вышла из строя и в два часа дня не работала.

– И знаешь, что я тебе еще скажу? – говорит Дэнни. – Самое главное? Я не хотел, чтобы люди это видели. Увидев велосипед, который стоит сам по себе, не надо быть гребаным Шерлоком Холмсом, чтобы прийти к конкретному выводу. А люди слишком близко подошли к панической черте, особенно после этой чертовой безответственной статьи в утренней газете. Поэтому я и не хотел звонить из «Макстона».

– Я сейчас переключу тебя на Дейла. Тебе лучше поговорить с ним.

– Все равно деваться некуда, – грустно отвечает Дэнни.

В кабинете Дейла Гилбертсона на доске объявлений увеличенные фотографии Эми Сен-Пьер и Джонни Иркенхэма. Он боится, что скоро к ним добавится третья – Ирмы Френо. Под двумя фотографиями за столом сидит сам Дейл и курит «Мальборо 100». Работает вентилятор. Дейл надеется, что он разгонит дым. Сара убьет его, если узнает, что он вновь начал курить, но, святой Боже, должен же он как-то снимать стресс.

Разговор с Тэнзи Френо вышел коротким и непродуктивным. Тэнзи – алкоголичка, завсегдатай бара «Сэнд», во время разговора от нее сильно пахло кофейным бренди, запах, похоже, шел не только изо рта, но и изо всех пор (еще один повод для того, чтобы включить вентилятор). От выпитого она едва держалась на ногах, но Дейл нисколько не возражал. Потому что спиртное ее успокоило. В ее мертвых глазах не мелькало ни искорки, кофейный бренди погасил все до последней, но она была спокойна. До такой степени, что перед уходом сказала: «Спасибо за помощь, сэр».

Бывший муж Тэнзи, отец Ирмы, живет у восточной границы штата, в Грин-Бэй («Грин-Бэй – дьявольский город», – говаривал отец Дейла, одному Богу известно почему), работает в гараже и, по словам Тэнзи, частенько бывает в барах вроде «Пробежка по краю» и «Пятидесятилетняя линия». До утра оставалась надежда, что Ричард «Увалень» Френо похитил дочь. Но электронное письмо из полицейского участка Грин-Бэй ее развеяло. Увалень Френо живет с женщиной, у которой двое своих детей, а в день исчезновения Ирмы вообще сидел в тюрьме, куда угодил за драку в баре. Тела еще не нашли, Тэнзи не получила письма от Рыбака, но...

Дверь открывается. Всовывается голова Бобби Дюлака. Дейл тушит сигарету о внутреннюю поверхность корзины для мусора, обжигаясь при этом искрами.

– Господи, Бобби, ты не знаешь, что надо стучаться?

– Извините, чиф. – Бобби смотрит на струйку дыма, поднимающуюся из корзины для мусора, без удивления или интереса. – Звонит Дэнни Щеда. Я думаю, вам лучше поговорить с ним.

– О чем? – Но он знает. По телефону коп может звонить только по одной причине.

Бобби повторяет, не без сочувствия:

– Я думаю, вам лучше поговорить с ним.

Автомобиль, посланный Ребеккой Вайлес, привозит Генри в «Центр Макстона по уходу за престарелыми» в половине четвертого, за пятьдесят минут до начала танцев, венчающих Клубничный фестиваль. Идея в том, чтобы старички нагуляли аппетит на танцплощадке, а потом направились в украшенную в честь праздника столовую на поздний (половина восьмого по меркам «Макстона» – поздногато) обед. С вином для тех, кто его пьет.

Недовольного Пита Уэкслера Ребекка Вайлес отослала на переноску дерьма диджея (слепого загрузальщика пластинок). Упомянутое дерьмо состоит из двух динамиков (очень больших), одного проигрывателя (легкого, но неудобного в переноске), одного усилителя (очень тяжелого), проводов (они все перепутаны, но это проблема слепого загрузальщика пластинок) и четырех коробок с пластинками, которые вышли из моды сто лет тому назад. Пит предполагает, что слепой загрузальщик пластинок за всю жизнь и не слышал про си-ди.

Последний предмет – мешок с вешалкой, на которой висит костюм. Пит заглянул в мешок и знает, что костюм белый.

– Повесьте его туда, пожалуйста, – говорит Генри, с удивительной точностью указывая на кладовую, которая выделена под его гардеробную.

– Хорошо, – отвечает Пит. – А что в мешке, уж извините, что спрашиваю.

Генри улыбается. По шуршанию пластика и скрипу молнии он точно знает, что Пит уже заглядывал в мешок.

– В этом мешке, друг мой, Симфонический Стэн, знаток больших оркестров, который ждет, чтобы я вытащил его оттуда и оживил.

– Ага. – Пит не знает, ответили ему или нет. Уверен он лишь в том, что пластинки такие же тяжелые, как усилитель. Кто-то должен поставить в известность слепого загрузальщика пластинок, что появились си-ди, которые и вытеснили из жизни винил.

– Вы задали мне вопрос, позвольте и мне задать вам.

– Будьте любезны, – отвечает Пит.

– Похоже, во второй половине дня в «Центре Макстона по уходу за престарелыми» побывала полиция, – говорит слепой загрузальщик пластинок. – Сейчас они уже отбыли, но еще были здесь, когда я приехал. Что случилось? Я надеюсь, никого из стариков не ограбили и не убили?

Пит останавливается под большой картонной клубничной, держа в руках мешок с костюмом, и в изумлении таращится на слепого загрузальщика пластинок:

– Как вы узнали, что тут побывали копы?

Генри касается пальцем носа, чуть наклоняет голову, отвечает хриплым, заговорщическим шепотом:

– Я унюхал что-то синее.

На лице Пита недоумение, он думает, задавать или нет новые вопросы, решает, что не стоит. Идет к кладовой, которая послужит Генри комнатой для переодевания.

– Они держались очень скрытно, но, думаю, искали еще одного пропавшего ребенка.

От любопытства на лице Генри не остается и следа.

– Господи, – выдыхает он.

– Они приехали и уехали очень быстро. Здесь никаких детей нет, мистер... Лайден?

– Лайден, – подтверждает Генри.

– Ребенок в таком месте выделялся бы, как роза среди пырея, если вы понимаете, о чем я.

Генри не считает, что между стариками и пыреем есть какая-то аналогия, но, конечно же, понимает мысль мистера Уэкслера.

– А с чего они решили?..

– Кто-то что-то нашел на тротуаре, – отвечает Пит. Указывает в окно, потом до него доходит, что слепой не видит его жеста. Опускает руку. – Если ребенка и похитили, кто-то, должно быть, подъехал на автомобиле и похитил его. Здесь похитителей нет, это я вам ответственно заявляю. – Пит смеется, представив себе, как какой-нибудь макстонский старикашка похищает ребенка, достаточно большого для того, чтобы в одиночку развезать по городу на велосипеде. Да скорее такой ребеночек переломит старикашку о колено, как сухую палку.

– Да, – соглашается Генри, – это маловероятно, не так ли?

– Но я полагаю, копы должны расставить все точки над *t* и перечеркнуть все *i*. – Он выдерживает паузу. – Это моя шутка.

Генри вежливо улыбается, думая, что для некоторых людей болезнь Альцгеймера – значительный шаг вперед.

– Когда вы будете вешать мешок, вас не затруднит встряхнуть его, мистер Уэкслер? Для того, чтобы разгладить появившиеся складки.

– Хорошо. Вы хотите, чтобы я достал костюм из мешка?

– Благодарю, в этом нет необходимости.

Пит идет в кладовую, вешает мешок, чуть встряхивает, хотя и не понимает, как можно таким способом разгладить появившиеся складки.

Когда он возвращается в актовый зал, слепой загрузальщик пластинок... мистер Лайден, Симфонический Стэн, как ни назови... уже разматывает провода и с удивительной точностью и быстротой, Питу даже становится как-то не по себе, втыкает штекеры в соответствующие гнезда.

* * *

Бедному Фреду Маршаллу снится жуткий кошмар. Осознание, что это сон, вроде бы должно снять страх, но не снимает. Он в лодке с веслами вместе с Джуди, на озере. Джуди сидит на носу. Они ловят рыбу. Во всяком случае, он ловит; Джуди просто держит удилице. Лицо ее бесстрастно. Кожа восковая. В глазах застыла боль. Он пытается разговорить ее, заходит то с одной, то с другой стороны. Бесполезно. Она, к месту будет сказано, не клюет ни на какие приманки. Он видит, что ее пустые глаза не отрываются от плетеной рыбацкой корзины, которая стоит между ними на дне лодки. Сквозь плетеные стенки сочится и сочится кровь.

«Ничего страшного, это же рыба кровь», – пытается успокоить он ее, но она не отвечает. Да и у Фреда нет уверенности, что кровь – рыба. Он думает о том, что должен откинуть крышку, заглянуть в корзину, чтобы убедиться, что в ней рыба, но тут удилице дергается с огромной силой. Если бы не его быстрая реакция, оно бы точно вырвалось из рук. Он подцепил крупную рыбину!

Фред наматывает леску на катушку, рыба на другом конце лески борется за каждый фут. Наконец подтащив ее к лодке, вспоминает, что у него нет сачка. «И черт с ним, – думает он. – Обойдемся». Тянет удилице назад и вверх, рискуя порвать леску, и рыба, здоровенная форель, выскакивает из воды и, поблескивая чешуей, летит по широкой дуге. Приземляется на дне лодки рядом с плетеной корзиной и начинает биться. Одновременно хрипя от удушья. Фред никогда не слышал, чтобы рыбы так хрипели. Он наклоняется ниже и в ужасе видит, что у форели лицо Тая. Его сын каким-то образом обратился в форель и теперь умирает на дне лодки. Задыхается.

Фред хватается за него, чтобы вытащить крючок и бросить в воду, пока еще есть время, но хрипящая рыбина выскользывает из пальцев, оставляя на них слизь и чешуйки. Да и крючок вытащить проблематично. Тай-рыба заглотнула его целиком, и острие торчит из жабр, там, где человеческое лицо переходит в рыбье туловище. Хрипы Тая становятся громче, отчаяннее, ужаснее...

Фред с криком просыпается, садится, чувствуя, что хрипы вырываются из его собственного горла. На мгновение не может понять, где находится, мы можем сказать, соскальзывает в иррациональное, потом осознает, что он в собственной спальне, сидит на своей половине кровати, которую делит с Джуди.

Он замечает, что свет померк, потому что солнце ушло на другую сторону дома. «Боже мой, – думает он, – сколько же я спал? Как я мог...»

О, это еще не все. Отвратительные хрипы задыхающегося человека по-прежнему слышны. Они даже громче. Они могут разбудить Джуди, испугать ее...

Но Джуди на кровати нет.

– Джуд? Джуди?

Она сидит в углу. Глаза огромные и пустые, как и во сне. Из рта торчит комок смятой бумаги. Шея неестественно раздута, напоминает Фреду сосиску, брошенную в кипяток и вот-вот готовую разорвать оболочку.

«В горле тоже бумага, – думает он. – Господи, она сейчас задохнется».

Фред перекачивается по кровати, скатывается с нее, приземляясь на руки и колени. Тянется к Джуди. Она не пытается отпрянуть. Спасибо и на этом. И хотя задыхается, глаза остаются пустыми. В них абсолютно ничего нет. Черная дыра.

Фред вытаскивает бумажный комок из ее рта. За ним – второй. Фред сует пальцы между ее зубами, ухватывается за него двумя пальцами правой руки (думая: «Пожалуйста, Джуди, не кусай меня, пожалуйста, не кусай»), вытаскивает. Дальше – третий, в самой глубине рта. Ему удается ухватиться за него и вытащить. Он видит слова «ЕЩЕ ИДЕЯ» и понимает, что Джуди набила рот и горло страницами блокнота, который Тай подарил ей на день рождения.

Она по-прежнему хрипит. Кожа сереет.

Фред хватается за предплечья, рывком поднимает. Она не сопротивляется, но, как только он ослабляет хватку, ее колени подгибаются и Джуди соскальзывает на пол. Она превратилась в тряпичную куклу. Хрипы продолжаются. Сосиска-шея...

– Помоги мне, Джуди! Помоги мне, сука!

Он не отдает себе отчета в том, что говорит. Рывком поднимает Джуди, совсем как удилице во сне, и переворачивает головой вниз. Прижимает к себе, руки под грудью, промежность упирается в зад, очень сексуальная поза, если б жена не погибала от удушья.

Он упирается большим пальцем, отставленным, как у человека, пытающегося остановить попутку, между грудями Джуди, давит и отпускает, давит и отпускает. Еще два бумажных комка вываливаются изо рта, за ними – струйка блевотины, в основном желчь, потому что за последние двенадцать часов Джуди выпила три чашки кофе и съела один пончик с клюквой.

Она хрипит, кашляет, потом начинает дышать более или менее ровно.

Он опускает ее на кровать... бросает на кровать. Поясница болит, что неудивительно: сначала комод Тая, теперь вот это.

– Что это ты надумала? – кричит он. – Скажи, ради бога, что это ты надумала?

Понимает, что занес руку над лицом Джуди, чтобы ударить ее. Какая-то его часть очень хочет ударить ее. Он ее любит, но в этот момент и ненавидит. Каких только бед он не напредставлял себе за время их совместной жизни: у Джуди обнаружен рак, Джуди

парализовало в результате автоаварии, Джуди завела любовника и потребовала развода, но ему и в голову не приходило, что Джуди может сойти с ума.

– Что это ты надумала?

Она смотрит на него без страха... вообще без всякого выражения. Ее глаза мертвы. Фред опускает руку, думая: «Я бы отрубил себе руку до того, как ударил бы тебя. Я могу злиться на тебя, злюсь на тебя, но отрубил бы себе руку до того, как ударил».

Джуди перекачивается на живот, утыкается лицом в покрывало, волосы рассыпаются вокруг головы, как нимб.

– Джуди?

Нет ответа. Она просто лежит.

Фред смотрит на нее, затем распрямляет один из смятых листков, которыми она пыталась задушить себя. На нем много слов. Горг, аббала, илили, маншан, баз, лам, опопанакс – эти ему ничего не говорят. Другие: «ишак», подтиральщик, черный, красный, Чикаго и Тай – обычные слова, но они никак и ничем не связаны. Вдоль одного края листка печатными буквами: «ЕСЛИ ВЫ ЗАСУНУЛИ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА В БАНКУ, КАК ВЫ СМОЖЕТЕ ВЫТАЩИТЬ ЕГО ОТТУДА?» Вдоль другого, как в телеграмме без знаков препинания: «ЧЕРНЫЙ ДОМ АЛЫЙ КОРОЛЬ ЧЕРНЫЙ ДОМ АЛЫЙ КОРОЛЬ ЧЕРНЫЙ».

«Если ты тратишь время, разглядывая эту белиберду, ты такой же псих, как и она, – думает Фред. – Ты не можешь тратить времени...»

Он смотрит на часы, которые стоят на тумбочке с его стороны кровати, и не может поверить своим глазам: семнадцать минут пятого. Смотрит на наручные часы и видит, что так и есть.

Понимая, что это глупо, сознавая, что даже во сне услышал бы, как сын заходит в дом, Фред в два прыжка подскакивает к двери.

– Тай! – кричит он. – Эй, Тай! ТАЙЛЕР!

Напрасно ожидая ответа, Фред понимает, что его жизнь кардинальным образом переменялась, и, возможно, навсегда. Люди говорят, что такое может случиться в мгновение ока, до того, как ты начинаешь что-нибудь соображать, говорят, но ты им не веришь. А потом убеждаешься на собственной шкуре, что это правда.

Пойти в комнату Тая? Проверить?

Тая там нет, Фред это знает, но все равно идет. Комната пуста, как он и ожидал. И с передвинутым комодом выглядит какой-то не такой, более зловещей, что ли.

«Джуди. Ты оставил ее одну, идиот. Она вновь может набить рот бумагой. Они же хитрые, сумасшедшие, такие хитрые...»

Фред бросается в спальню и с облегчением обнаруживает, что Джуди лежит, как он ее и оставил, лицом вниз, с разметавшимися волосами. Он открывает для себя, что тревога, связанная с безумием жены, ничто в сравнении с опасениями за жизнь пропавшего сына.

«Он вернется домой к четверем, самое позднее». Так он думал. Не вернулся. Фред подходит к кровати, садится в изножье у жены. Снимает трубку, набирает номер. Короткий номер, всего три цифры.

– Слушаю, полицейский участок. Дежурный Дюлак. Вы позвонили по номеру экстренной помощи^[51], что у вас стряслось?

– Дежурный Дюлак, это Фред Маршалл. Я бы хотел поговорить с Дейлом, если он на месте. – Фред уверен, что Дейл на месте. Он работает допоздна после того, как...

Продолжение он отталкивает от себя, но в голове все сильнее ревет ветер.

– Да, мистер Маршалл, он здесь, но у него совещание, и я не думаю, что смогу...

– Соедините меня с ним.

– Мистер Маршалл, вы меня не слышите. У него два парня из Висконсинского полицейского управления и один из ФБР. Если вы скажете мне...

Фред зажмуривается. Это любопытно, не так ли? Очень даже любопытно. Он звонит по телефону 911, а идиот на другом конце провода, похоже, об этом забыл. Почему? Да потому, что говорит с человеком, которого знает. Со стариной Фредом Маршаллом, у которого год тому покупал мини-трактор «Дир». Должно быть, думает, что Маршалл звонит по номеру 911, чтобы не искать номер полицейского участка. Поскольку Бобби просто не может знать, что нужна экстренная помощь.

Фред вспоминает, что еще этим утром вел себя точно так же... был другим Фредом Маршаллом, абсолютно уверенным в том, что Рыбак не сможет добраться до его сына. Нигде и никогда.

Тай ушел. Горг зачаровал его, и аббала взял к себе.

– Эй? Мистер Маршалл? Вы еще...

– Слушай сюда, – говорит Фред, не открывая глаз. Из «Гольца» он бы разговаривал с Бобби иначе, но «Гольц» очень уж далеко. «Гольц» – в звездной системе Опопанакс, на планете Аббала. – Слушай меня внимательно. Запиши, если в этом есть необходимость. Моя жена сошла с ума, а мой сын пропал. Ты понял? Жена обезумела. Сын пропал. А теперь соедини меня с чифом.

Но Бобби Дюлак не соединяет, во всяком случае не сразу. Он переваривает информацию. Более дипломатичный полицейский (скажем, Джек Соьер в свои лучшие дни) оставил бы свои догадки при себе, но Бобби не может. Он должен поделиться своей догадкой.

– Мистер Маршалл? У вашего сына велосипед «Швинн», не так ли? Красный, с тремя передачами? На пластине под номерной знак наклейка... «БИГ-МАК»?

Фред не может ответить. Несколько секунд он не может даже дышать. В голове гудит ветер. Он уже набрал силу урагана.

Горг зачаровал его... аббала взял к себе.

Наконец, когда Фред уже чувствует, что сейчас задохнется, дыхательные пути освобождаются, он набирает полную грудь воздуха и орет благим матом: «СОЕДИНИ МЕНЯ С ЧИФОМ ГИЛБЕРТСОНОМ! НЕМЕДЛЕННО, НЕГОДЯЙ!»

И пусть от его крика дрожат стены, женщина, лежащая на покрывале рядом с ним, не шевелится. В трубке раздается щелчок, потом пауза, достаточно короткая, но он успевает увидеть перед собой и белый прямоугольник на стене в комнате сына, и раздувшуюся шею своей безумной жены, и кровь, сочащуюся из плетеной рыбацкой корзины, которая ему приснилась. Поясницу пронзает острая боль, но Фред ей даже рад. Телеграмма из реального мира.

Потом в трубке слышится голос Дейла, Дейл спрашивает, что случилось, и Фред Маршалл начинает плакать.

Глава 7

Господь, возможно, знает, где Генри Лайден нашел этот удивительный костюм, но мы, конечно же, нет. В магазине маскарадных костюмов? Нет, для маскарадной одежды он слишком элегантен, вещь эта настоящая – не имитация. Широкие лацканы спускаются на дюйм ниже талии, раздвоенные фалды достигают лодыжек, брюки широкие, со складками на поясе, высокие, чуть ли не до солнечного сплетения, уходящие под белоснежную жилетку. На ногах Генри белые, на пуговицах, короткие гетры, служащие украшением и естественным продолжением белых кожаных туфель. На шее – жесткий, высокий воротник, острые кончики которого торчат из-под широкого, белого атласного галстука-бабочки, идеально завязанного. В «зуте», безусловно, есть что-то от парадного наряда дипломата, но вульгарность перевешивает чопорность, так что фрачные фалды и жилетка просто придают костюму особый шик, каким славились афроамериканские музыканты и другие представители шоу-бизнеса.

Конец ознакомительного фрагмента. [Полный текст доступен на www.litres.ru](http://www.litres.ru)

notes

СНОСКИ

Речь идет о профессиональных командах: бейсбольных «Милуоки Брюэрз», «Миннесота Туинз», и футбольных «Милуоки Пэккерз», «Миннесота Викингз». – *Здесь и далее примеч. пер.*

«С семи до одиннадцати» – сеть однотипных продовольственных магазинов (в ассортимент также входит ограниченный набор товаров повседневного спроса и журналов), зачастую работающих круглосуточно.

3

ПУФЛ – аббревиатура: полицейский участок Френч-Лэндинга.

4

AM – указывает на волновой диапазон (средние волны).

Барсук – шутовое прозвище жителей штата Висконсин.

6

«311», «Корн» – современные музыкальные группы.

Дэвис Джонатан, Ди Ди (Джонни) Рамон – современные исполнители.

«Бостон ред сокс» – профессиональная бейсбольная команда.

Деррида, Жак (1930–2004) – современный французский философ, идеи которого по стратегии анализа широко используются в литературе, лингвистике, философии, юриспруденции и архитектуре.

Диллинджер, Джон (1902–1934) – известный преступник, совершил серию убийств и ограблений банков. Был объявлен ФБР «врагом общества номер один». Несколько раз бежал из-под стражи. 22 июля 1934 г. застрелен в Чикаго агентом ФБР.

Смитсоновский институт – крупный комплекс культурно-просветительских и научных учреждений. Основан на средства, завещанные англичанином Джеймсом Смитсоном по отдельному закону, принятому конгрессом в 1846 г.

12

Соответственно 165 см и под 87 кг. Одним словом, видная женщина.

Астер, Фред (1899–1987) – настоящее имя Фред Аустерлиц. Танцовщик и актер. Лауреат премии «Оскар». В 1958 г. вел телепередачу «Вечер с Фредом Астером».

Последовательный образ – сохранение зрительного образа после исчезновения самого предмета (*психол.*).

«Мистер Кофе» – товарный знак популярных кофеварок, выпускаемых фирмой «Норт американ системс».

Гинсберг, Аллен (1926–1997) – поэт, один из лидеров поколения битников 50-х гг. и контркультуры 60-х. Лауреат национальной книжной премии (1972).

Снайдер, Гэри (р. 1930) – поэт, представитель поколения битников.

Эндорфины – химические вещества, вырабатываемые мозгом и отвечающие за хорошее настроение.

Фиш – от англ. Fish – рыба. Соответственно Fisherman – Рыбак (Fisherman еще и святой Петр, но, думаю, до такого кощунства не докатился бы и Уэнделл Грин).

«Милуокские олени» – профессиональная баскетбольная команда.

Профессиональные бейсбольные команды США объединены в две лиги: Американскую и Национальную.

El telefono – телефон (*исп.*).

Бэтбой, бэтгерл – мальчик (девочка), подносящий мячи в бейсбольном матче.

«Нью-йоркские янки» – профессиональная бейсбольная команда.

«Докеры» – широкие брюки.

FM – коротковолновый диапазон.

Си-ди – от английского CD, лазерный диск.

«Скоуп» – зубной эликсир, выпускаемый фирмой «Проктер энд Гэмбл».

Утес по-английски bluff, Great Bluff – Великий Утес.

«Спешл-кей» – сухой завтрак в виде хлопьев из риса, пшеницы и обезжиренных зародышей пшеничного зерна с витаминными и минеральными добавками, выпускаемый фирмой «Келлогг».

Сансет-Стрип – распространенное название центрального участка бульвара Сансет в Голливуде, вдоль которого расположены фешенебельные отели, рестораны, сувенирные магазины, театральные агентства и ночные клубы.

«Шевроле-каприс» – популярная модель, одна из модификаций которой использовалась в качестве патрульных автомобилей.

Английское слово picture среди прочего означает и картину, и фотографию. Неудивительно, что Джек и Дейл толкуют это слово по-разному, поскольку для Дейла место картинам – в музее.

ЮКУ – Южно-Калифорнийский университет.

Автор вводит неологизм – соррісетан, образованный из двух слов, означающих одно и то же, – полицейский: сор полісетан.

Муниципальный пирс – одна из достопримечательностей Санта-Моники, где снимались многие голливудские фильмы.

УПЛА – управление полиции Лос-Анджелеса.

Колесо Ферриса – колесо обозрения, названное в честь сконструировавшего его американского инженера Джорджа Ферриса. (Первое колесо Ферриса появилось на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г.)

От английской аббревиатуры WASP – White Anglo-Saxon Protestant, белый протестант англосаксонского происхождения, т. е. представитель этнической и социальной группы, считающейся коренными американцами, поскольку их предки появились на территории современных Соединенных Штатов в числе первых поселенцев.

Спеллинг – произношение слов по буквам. Популярны в США конкурсы, потому что в английском языке произношение и написание слов сильно отличаются.

Хаймс, Честер (1909–1984) – чернокожий, как нынче говорят, афроамериканец. В 1928 г. получил двадцать лет тюрьмы за вооруженное ограбление. В тюрьме начал писать. Первые романы, слишком черные и агрессивные, в Америке 40-х годов популярностью не пользовались. Уехав в Париж, стал писать триллеры, которые принесли ему бешеный успех. Умер в Испании.

Уиллфорд, Чарльз (1919–1988) – американец, профессиональный военный, непосредственный участник боевых действий Второй мировой, награжден орденами и медалями многих стран. Впервые опубликовался в 1949 г., еще находясь на действительной службе. Автор шестнадцати романов, но популярность ему принесли триллеры, объединенные общим героем, Хоуком Мосли, первый из которых, «Майамский блюз», появился в 1984 г.

Перелман, Сидни Джозеф (1904–1979) – американец, писатель-юморист, драматург.

Тербер, Джеймс Гровер (1894–1961) – американец, эссеист, карикатурист, автор коротких рассказов и басен.

Форд, Мэдокс Форд (1873–1939) – англичанин, настоящее имя Форд Германн Хуффер. Писатель и издатель. Первый роман опубликовал в 1892 г. Два романа написал в соавторстве с Джозефом Конрадом. Активный сторонник военных методов передела мира, ставший убежденным пацифистом после того, как напрямую столкнулся с реалиями войны. Под псевдонимом Форд Мэдокс Форд стал писать с 1919 г. Автор восьмидесяти книг. Упомянутый ниже роман «Хороший солдат» (1915) считается его лучшим произведением.

«Зут» – костюм, состоящий из длинного пиджака, мешковатых брюк и широкополой шляпы. Был в моде в 1930–1940 гг., особенно среди латиноамериканской и негритянской молодежи больших городов. Носивших их называли зутерами.

Английское слово queer (гомосексуалист) отличается от слова queen (королева) только одной буквой.

Уайетт, Эндрю (1917–2009) – художник-реалист, иллюстратор, один из самых популярных в США.

«Фокс нетуорк» – общенациональная телекомпания киностудии «XX век – Фокс». Создана в 1986 г. (прежнее название «Фокс бродкастинг компани»). Одна из наиболее динамично развивающихся телекомпаний, аудитория которой постоянно увеличивается.

«Кэмпбелл» – компания по производству пищевых продуктов, одна из крупнейших в США.

911 – номер службы экстренной помощи, по которому можно вызвать полицию, пожарных, «Скорую помощь». В маленьких городках это один из телефонов полицейского участка.